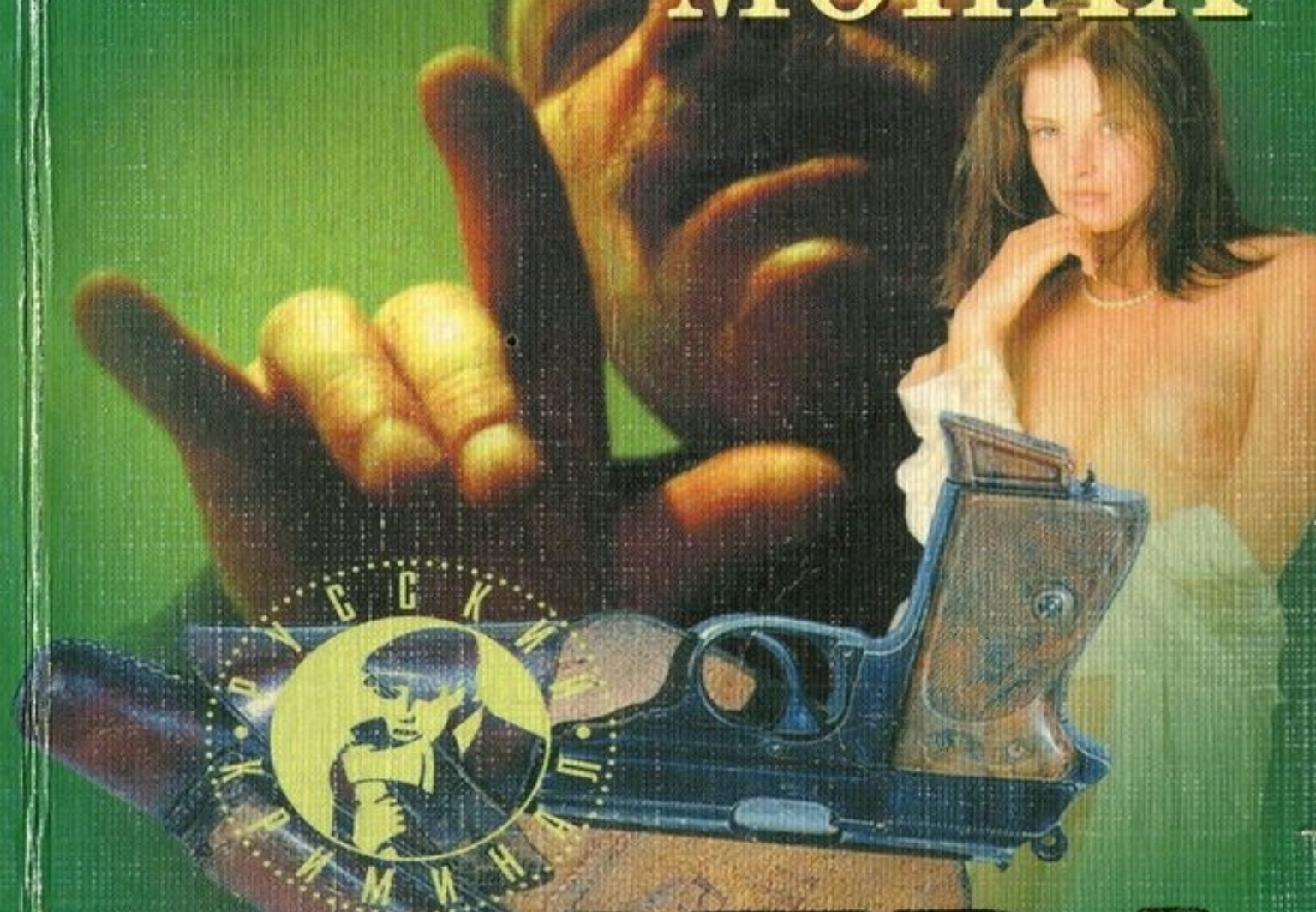

РУССКИЙ КРИМИНАЛ

Евгений
МОНАХ

БРАТВА

СТРЕЛЬБА РИКОШЕТОМ

Annotation

«...Мои худшие опасения тут же подтвердились — пульс на шее Романа Борисовича не прощупывался. Приподняв его теплое еще веко, я окончательно убедился, что он мертв...»

Эту книгу написал бывший гангстер. В его повестях — сегодняшняя криминальная жизнь глазами профессионального преступника, главаря одной из екатеринбургских бандгруппировок по кличке Монах, от лица которого ведется рассказ.

В Одессе море холодное

1

Скорый поезд "Екатеринбург — Одесса", казалось, постукивал своими круглыми чугунными "копытами" не по рельсам, а по моим несчастным больным мозгам. Голова буквально стонала от нестерпимой боли, явно порываясь расколоться на части, как раскалывается переспелый арбуз при попадании в него серии пуль со смещенным центром тяжести.

Впрочем, черепная коробка управления моим организмом паршиво чувствовала себя всего лишь из-за банального похмельного синдрома, к счастью, а не вследствие очередной нахальной попытки конкурентов грубо взломать ее посредством какой-нибудь огнестрельной "фомки".

Вчера, признаться, сильно переусердствовал в дружеском общении с разными алкоголесодержащими напитками. Начиная с легкого светлого пива и кончая шестидесятиградусным шотландским виски. А мешать напитки — дело весьма для организма опасное, в чем я в полной мере смог нынче еще раз досконально убедиться.

Хотя повод к вчерашнему питейному невозддержанию имелся вполне прилично-убедительный. Ребята провожали меня в летний отпуск, в котором я уже не был не менее двух десятков лет. В лагерях отпуска для осужденных раньше не предусматривались, а на воле все как-то времени свободного не оказывалось в наличии. Такой вот смешной парадокс.

В малом банкетном зале гостиницы "Кент" за длинным дубовым столом собрались все основные члены нашей команды: Цыпа, Том, Фрол, Петрович по кличке Фунт и еще несколько ближайших подручных, чьи имена запоминать я никогда не считал обязательным.

При нашей непростой работе рядовые боевики меняются слишком часто, постоянно выпадая в осадок. На тот свет то бишь. Поэтому напрягать извилины и загружать личную память смысла просто никакого не было. Се ля ви, как говорится.

Наш теплый прощальный ужин затянулся далеко за полночь и продолжался бы до самого утра, если бы не необходимость оперативно рвать когти на железнодорожный вокзал. Мой поезд в Одессу отправлялся в дальний путь в три часа ночи.

Затянуто-нудных проводов я не люблю, и на "железку" меня сопровождал один лишь Цыпа. Верный телохранитель за всю трапезу в рот капли спиртного не взял, дисциплинированно помня свои шоферские обязанности.

Всю дорогу до вокзала Цыпленок угрюмо молчал, видно все еще тая на меня обиду за то, что не пригласил его с собою в отпуск. Но не мог же я бросить нашу многопрофильную фирму на произвол судьбы, укатив отдыхать на черноморское побережье вместе с главным "специалистом". Ничего не поделаешь — две недели, что я буду отсутствовать, Цыпе придется управлять всем единолично. Ни Том, ни Фунт наш тяжелый воз просто не потянут. Не тот уровень квалификации, так сказать.

Мне надоело смотреть на хмурую мордашу соратника и на перроне перед самой отправкой поезда я решил слегка подсластить пилюлю:

— Знаешь, браток, ты меня можешь навестить в следующие выходные. Адрес санатория у тебя имеется. Прилетай в субботу, побродим по Одессе-маме, навестим всемирно известный пивбар "Гамбринус". Ладушки?

— Заметано, Евгений! — моментально посветлел лицом молодой соратник, благодарно заблестев глазами. — А что за "Гамбринус"?

— Книжки надо хоть изредка почитать! — усмехнулся я. — Об этой пивной еще Куприн писал. Забегаловке лет двести, наверно. Антикварное заведение, смело можно сказать. Ладно, кати восвояси, братишка. Свое купе я и сам как-нибудь найду.

Отяжеленный алкоголем, проспал в мчавшемся на юг поезде чуть не пятнадцать часов, и сейчас, слушая надоедливое громохание колес на многочисленных стрелках, находился в пресквернейшем расположении и духа, и тела.

Даже вдруг начал сомневаться — правильно ли поступил, выбрав для дальнего путешествия железную дорогу, а не услуги Аэрофлота. Впрочем, все правильно — самолеты в последнее время стали что-то слишком часто падать, да и обожаю я любоваться из окон вагона проносящимися мимо деревеньками, березовыми и сосновыми лесами. Глядя на покосившиеся деревянные домишки, церквушки с облупившимся "золотом" куполов, сонно-тихие провинциальные поселки и города, сердце мое умиляется и сладко грустит почему-то. В натуре.

Особенно приятно лицезреть российскую глубинку из вагона-ресторана в милом обществе графинчика хорошего коньяка и приличной закуски.

Вспомнив данный любопытный факт, я направился в голову поезда, где всегда располагается вагон-ресторан, не забыв прихватить тугой "лопатник" из лайковой кожи со всей своей наличностью. Не то, чтобы я опасался соседей по купе — по внешнему виду, обычная пролетарская семья из трех человек — супругов средних лет и пятилетнего сынишки. Просто береженого Бог бережет, как известно. Ведь поездные жулики, случается, так здорово маскируются, что ни в жизнь их не заподозришь.

В ресторации посетителей было негусто. Из полутора дюжин столиков занятыми оказались лишь четыре. И это несмотря на вечернее время. Явно сильно обеднел средний россиянин, на собственном желудке уже стал экономить. А ведь лет десять-пятнадцать назад совсем иную картину можно было наблюдать!

Здесь меню не радовало разнообразием блюд. Свиные сосиски и курица бледного вида с одинаковым гарниром из картофеля "фри" — вот и весь убогий выбор задрипанного ресторана на колесах.

Оберегая личный желудок, я заказал жареные сосиски, так как домашняя птица наверняка скончалась естественным путем от старости или болезни, а не под ножом мясника, как ей было положено по закону.

Из коньяков имелся в наличии лишь дагестанский, и мне пришлось довольствоваться этой явно третьесортной продукцией, не обладающей ни ароматом, ни вкусовым букетом. Впрочем, данного напитка я заказал самую чуть — триста граммов, просто чтоб не есть всухомятку, так как она весьма пагубно отражается на здоровье человека.

За тусклыми окнами вагона-ресторана заметно сгущались сумерки. Глазом различались только сплошные лесные массивы, но определить, где ель, а где сосна, возможности уже не было. Ну и наплевать. Успею завтра-послезавтра вдоволь налюбоваться пейзажами — телепать до Одессы еще где-то около двух суток надо. На том и успокоился.

Алкоголь, хоть и низкопробный, все же сумел оказать на организм свое обычное живительное влияние. Голова благоразумно прекратила сепаратистские попытки расколоться на множество суверенных частей, мышцы тела сбросили с себя нудный напряг и усталость. Короче, органон мой после принятия внутрь трехсот граммов золотой жидкости чувствовал себя как новенький.

Мне даже вдруг очень захотелось женского общества. Но, придирчиво оглядев "слабую" половину

посетителей заведения, не отыскал ни одной достойной кандидатки, чтоб скрасить поднадоевшее личное одиночество.

Ладно. Пойду в таком случае привычной, давно проторенной дорожкой.

Расплатившись по натурально грабительскому счету, я покинул вагон-ресторан, прихватив в буфете бутылку сухого итальянского шампанского и коробку шоколадных конфет "Ассорти". Для намеченного мероприятия эти предметы как раз в тему. Весьма кстати, то бишь.

Подходящий по всем параметрам "объект" отыскал в соседнем с моим вагоне — молодая проводница с выпирающими именно там, где надо, из-под синей униформы округлостями, блондинка и не дылда. Чистое свежее личико.

Дверь в ее крохотное купе-подсобку была открыта, и я смог по достоинству оценить все прелести незнакомки, разливавшей в это время чай в дюжину граненых стаканов на объемно-квадратном металлическом подносе.

— Вечер добрый, сударыня! — стараясь вложить в свой баритон как можно больше учтивости и бархата, сказал я, застыв на пороге подсобки. — Только не примите меня за глупого нахала, выслушав несколько необычную, признаю, личную просьбу.

— В чем дело, гражданин? У вас что-то случилось? Видимо, с головой? — не слишком любезно отозвалась проводница, разглядывая меня своими лучистыми глазами, как какую-то редкую импортную инфузорию. Без акцента говорящую на русском языке, к тому же.

— Случилось, — кивнул я, одаривая блондинку самой обворожительной улыбкой, на какую только был способен. — Но ничего страшного, к счастью. И не с головой. Просто сегодня у меня день рождения и одновременно юбилей — сорок лет как радую Россию-матушку своим существованием.

— Вы уверены, что радуете? — слегка выпустила язвительные коготки дерзкая молодая особа, возвращаясь к чаеразливочному занятию.

— Естественно! — убежденно заявил я, дипломатично сделав вид, что не заметил явной насмешки. — Я в меру сил отвлекаю соотечественников от серых однообразных будней, даю духовную пищу их сердцу и уму.

— Ах вот что! Вы, по всей видимости, работаете эстрадным или цирковым комиком? Угадала? — продолжала в прежнем духе бойкая девчонка, соорудив невинное выражение на своем гладко-кукольном личике.

Признаться, я даже децал оскорбился где-то на дне души. Никогда не подозревал, что меня кто-то может рискнуть назвать клоуном. А ежели это просто юмор у нее такой — то явно неудачный, в натуре!

Но я благоразумно сдержал первый сильный порыв досадливого раздражения и совершенно спокойно и терпеливо разъяснил допущенную собеседницей грубую ошибку на мой счет:

— Вы попали пальцем в небо, сударыня. Очень промахнулись, то бишь. К вашему милому сведению, я бизнесмен по профессии, а по призванию и хобби — литератор. Разрешите представиться: Евгений Момах.

— А ведь я читала ваши книги! — удивленно всплеснула руками молодая проказница, уставившись на меня как на чудо-юдо какое-то. — Вы детективы сочиняете, верно?

— Не смею отрицать очевидное, — улыбнулся я, весьма довольный начитанностью блондинки. Сей факт значительно все упрощал — женщины, как я имел возможность неоднократно убедиться, сильно падки на разных творческих интелепутов, трущихся на ниве театра, литературы и музыки.

— Так что вы хотели, Евгений? Извините, не знаю вашего отчества. — Уже совсем другим —

благосклонным — тоном спросила проводница, слегка смутившись почему-то.

— Отчество не нужно. Я люблю, когда меня называют просто по имени — манией величия не страдаю. Кстати, а как зовут столь прелестное создание?

— Меня имеете в виду? — не очень уверенно уточнила любительница детективов, забавно порозовев свежими щеками. — Маргаритой.

— Так вот, дорогая Марго. Не возражаешь, если буду так называть тебя? Отлично! Как я уже упоминал, нынче у твоего покорного слуги знаменательный юбилей, а прилично встретить его совершенно не с кем. Прямо беда. Привык, понимаешь ли, в приятном обществе подобные праздники проводить. Соседи по купе меня не вдохновляют. Не откажешься составить мне дружескую компанию? О новых течениях в современной литературе приколемся. Поговорим, я хотел сказать.

Маргарита подозрительно покосилась на бутылку шампанского в моих руках:

— На работе я не пью алкогольных напитков, Евгений. Даже с известными писателями.

— А это совсем никакое не спиртное! — уверенно заявил я, нахально опротестовав очевидное. — Девять градусов всего — натуральный лимонад, уверяю тебя. Честное слово джентльмена!

— Все равно ничего не выйдет, Евгений. Мне чай нужно разносить.

— Ерунда. Как говорит дедуля Карл Маркс, "лучший вид отдыха — смена труда", — усмехнулся я, чувствуя, что бастион уже на грани сдачи. — Умственным трудом я всю сознательную жизнь занимаюсь, не грех иногда слегка и к физическому приложиться. Для разнообразия и марксистского отдыха.

Я пристроил коробку конфет и бутылку на откидном столике у окна и взял поднос с батареей чайных стаканов.

— С радостью помогу тебе напоить жаждущих пассажиров. Берешь меня на полставки? Вернее — в качестве бесплатного приложения?

— Ну, разве что в качестве бесплатного приложения, — поддержала игру юная проводница. — Только не уроните с непривычки. Тяжелее авторучки, небось, ничего в жизни не держали?

Отвечать я посчитал излишним и без слов вышел со своей ношей в коридор вагона. Хотя меня так и подмывало сказать, что заряженный автомат-пистолет системы Стечкина весит никак не меньше ее чайного подноса. И работать этим огнестрельным "инструментом" мне чуть ли не ежедневно приходится.

Наш рейд по спальным купе вагона получился малоприбыльным — реализовать удалось всего полдюжины стаканов тонизирующего напитка. В массе своей пассажиры поезда явно отдавали предпочтение совсем иным жидкостям, о чем наглядно свидетельствовали их сильно покрасневшие рожы и неестественно блестящие глаза.

Маргарита не предпринимала более попыток уклониться от "юбилейного" междусобойчика, даже добавила к моим закусочным конфетам свою скромную лепту — две пачки печенья "Радужное". Оно, правда, оказалось трехмесячной давности, гранитно засохшее, но пустяки — не все коту масленица, как говорится. Ложка дегтя частенько делает мед еще слаще — такой вот любопытный парадокс.

Разговор за бутылкой марочного шампанского носил легкий и веселый характер. Темы затрагивались самые разные — от окололитературных до животрепещущих проблем свободной любви. Я вовсю напирал в голосе на бархатно-чувственные ноты, стараясь нежным баритоном "окутать" молодую собеседницу, как хитрюга паук окутывает липкой паутиной свою муху-жертву.

И видимо, достиг поставленной "гипнотической" цели. По крайней мере, когда я защелкнул изнутри дверь подсобки, проводница совсем не возражала и даже ни капли не удивилась. Да, явно не под силу

устоять "лучшей" половине человечества перед грамотным натиском "худшей". Потому, по ходу, и называют женщин также еще и "слабой" половиной.

Молочно-белая попка Маргариты отличалась от известных мне ранее оригинально-пикантным нюансом — острый копчик рельефно выдавался вперед. Должно быть, древние предки блондинки самыми последними спустились с деревьев и потеряли хвост — вот отросток у девчушки и не успел, как у других, до конца атрофироваться-исчезнуть. Но своими крамольными соображениями я тактично с Марго не поделился. Да, признаться, и не до того было — имелось значительно более приятное и захватывающее занятие. В разных интересных позах-позициях причем. В основном почерпнутых мной из трактата о любви "Кама-сутра".

Мои фундаментально-глубокие познания в премудростях индийского секса не остались неоцененными прелестной партнершей, и весь остаток пути до Одессы я с краткими перерывами занимался благородным преподавательским ремеслом — терпеливо и без усталости передавал благодарной ученице свой богатый личный опыт.

Таким образом, всласть налюбоваться живописными окрестностями за окном, вопреки намерению, не удалось. Ну и ладно. Известно ведь: благими намерениями вымощена дорога в ад. К тому же, искусство всегда требует некоторых жертв. А искусство грамотных ласк — в особенности. Ответственно заявляю это как непревзойденно-крупный дока в данном интимном вопросе.

Когда поезд подходил к шумному солнечному вокзалу приморского города, я, улучив момент, незаметно сунул в боковой карман форменного кителя Маргариты две бумажки по сто долларов каждая.

Конечно, милая Марго ни слова не упомянула о какой-либо плате или вознаграждении, но я-то не первый день небо копчу, отлично понимаю, что к чему и что почем. Любишь кататься — люби и саночки возить. Каждый труд должен быть оплачен, как правильно утверждает основной закон современной рыночной экономики.

На прощанье я чмокнул Маргариту в нежно-розовое ушко и искренне пожелал удачи в ее нелегкой работе проводницы. Почему-то загрустившая блондинка ответила адекватно, но слишком уж банально — просто дала мне свой домашний номер телефона в родном Екатеринбурге.

2

Санаторий "Нептун", куда у меня была путевка, нашел довольно быстро в районе "Семи Фонтанов". Впрочем, его не я отыскал, а местный таксист, которого я нанял на железнодорожном вокзале.

Здание произвело на меня благоприятное впечатление — современная шестиэтажная постройка из светлого силикатного кирпича, стилизованная под дворянскую старину. Белые мраморные колонны у парадного подъезда имею в виду.

Регистрация в черноморской здравнице заняла у меня не более пяти-семи минут.

Администратор — бочкообразная женщина, вручая ключи от моего одноместного "люкса", сообщила, что главврач Коган начнет прием новоприбывших через полчаса. Во время нашего краткого разговора толстушка постоянно плотоядно улыбалась, щедро одаривая меня многообещающим взглядом из-под длинных, явно искусственных, ресниц.

Конечно, я люблю женское внимание, но не тогда, когда оно исходит от подобных представительниц противоположного пола. Наверно, лет сорок бабенции, а туда же!

Сухо раскланявшись с пылкой хохлушкой, я поспешил ретироваться на свой четвертый этаж.

Казалось бы, санаторий — лечебное по статусу учреждение, но мой "люкс" совсем не смахивал на больничную палату, скорее — на обычный номер в пятизвездочном отеле.

Все положенные атрибуты были в наличии: трехкамерный холодильник "СТИНОЛ", широкая полутораспальная кровать, телевизор "ШАРП", два кресла и незатертый желтый ковер на полу в гостиной. Имелась также душевая комнатка с полусидячей ванной. Балкон отсутствовал, но его неплохо заменяла длинная лоджия. Правда, она была общей — сразу на три номера, как я выяснил, тут же ее обследовав. Мой "люкс" оказался посередине. Остается лишь надеяться, что соседи справа и слева — приличные люди, имеющие хотя бы приблизительное представление о таких культурных понятиях, как тактичность, скромность и порядочность.

Вид с лоджии открывался просто замечательный, я даже залюбовался им на пару минут.

Весело-беззаботно искрящееся на солнце близкое море мягкими лапами прибоя без усталости ласкало берег песчаного пляжа, на котором безмятежно нежились многочисленные отдыхающие, подставив жарким лучам свои и так уже темно-коричневые тела. Видно, загорающий люд желает занять африкански черную кожу, жадно не останавливаясь на уже достигнутом. Законченные максималисты, ничего не скажешь. Впрочем, жизненная формула "или все или ничего" мне тоже близка по духу.

Первым делом распаковал свой туристический баул и переоделся, сменив костюм на бежевую безрукавку и светлые шорты, а туфли на легкие плетеные сандалеты. С настенного зеркала на меня смотрел уже стопроцентный курортник. Очень мало загорелый, правда. Ну, да это дело наживное. Через пару-тройку дней ничем отличаться от основной массы здешней публики не буду. Белая ворона, между прочим, не слишком-то умная птица, долго смахивать на нее мне совершенно не в кайф.

На прием к главврачу очередь была малолюдной, и я достиг желанного кабинета, не успев особенно заскучать.

Основной санаторный эскулап явно был родом из Биробиджана, как я махом определил по его ушам- "пельменям", рыжеватым волосенкам и тяжелому мясистому шнобелю. Носу, то бишь.

Умеют все-таки хитромудрые иудеи, надо отдать им должное, находить для себя теплые выгодные местечки. Наверняка, если понадобится, в игольное ушко запросто без мыла пролезут.

Но, как человек интеллигентный, я ничем не выдал своего истинного отношения к выходцу из Биробиджана и даже без всяких возражений позволил ему себя осмотреть, раздевшись до пояса.

— Ну-с, молодой человек, что в данный момент вас больше всего беспокоит? — профессионально доброжелательным тоном начал допрос эскулап, внимательно-пристрастно разглядывая радужную оболочку моих глаз.

— То, что опоздаю на обед, — честно признался я. — В последние дни пришлось питаться хаотично и весьма неполноценно.

— Ну, раз вас волнуют подобные вещи, значит, вы вполне здоровы, — поощрительно улыбнулся тип в белом халате, беря в руки медицинский молоточек. — Положите, пожалуйста, ногу на ногу.

Удар по колену, хоть и резиновым молоточком, заставил мою нижнюю конечность припадочно дернуться вверх. Я даже смутился слегка.

— Ничего страшного, Евгений Михайлович, — успокоил главврач. — Просто у вас очень хорошо выражены рефлексы. Излишняя возбудимость, безусловно, имеет место, но мы легко наведем порядок в вашей нервной системе с помощью чудесных водных процедур. Назначу вам, для начала, курс углеводородными ваннами и душ Шарко. Твердо обещаю — через недельку будете чувствовать себя свеженьким, как огурчик. Уж поверьте моему богатейшему тридцатилетнему опыту.

Меня так и подмывало съюморить, ответив ему народной поговоркой: "Верю-верю всякому зверю, а тебе ежу — погожу!" Но я культурно промолчал.

Получив в пользование личную санитарную книжку, поспешил в столовую на первом этаже. Но, как и подозревал, обед уже закончился. Выяснив, что ужин здесь в восемнадцать часов, я, чисто чтоб не умереть с голоду, запасся в буфете сыром, копченой колбасой и длинным хлебным батоном, очень похожим по форме на милицейскую дубинку. А дабы не давиться всухомятку, благоразумно прихватил также пару бутылок "Виорики". Сухое марочное винцо весьма качественно утоляет жажду.

Вернувшись в номер, сразу сунул бутылки в морозильник холодильника — пусть заледенеет напиток чуток. А съестные припасы аккуратно нарезал карманным ножом аппетитными ломтиками и кружочками.

Из посуды в комнате имелись в наличии только поднос, графин с водой и два высоких бокала из тонкого стекла, разместившиеся на журнальном столике у кровати. Расписанный веселенькими цветочками жостовский поднос я использовал в качестве тарелки для сыра и колбасы, а графин, предварительно вылив содержимое и тщательно сполоснув, наполнил охлажденной "Виорикой". Палку батона, не мудрствуя, просто поломал на куски. Довольно приличенький натюрморт получился в итоге.

Несмотря на раскрытую дверь на лоджию, в номере стояла непробиваемая духота, и я решил переместиться на свежий воздух. Журнальный столик вместе с незамысловатой импровизированной трапезой оперативненько перенес на открытую галерею. Климат здесь был вполне терпимый — убийственные солнечные лучи сюда не проникали из-за натянутого по верху лоджии плотного тента.

В стенном шкафу я видел раскладной деревянный шезлонг, его присоединил в пару к столику.

Устроившись со всеми возможными на данный момент удобствами в приятной тени тента, только приступил к насыщению личного организма срочно необходимыми ему калориями, как мое гордое одиночество тут же было нарушено самым тривиальным образом.

Выходящая на лоджию дверь соседнего "люкса" бесшумно отворилась, и перед моим взором предстал черноволосый мужчина лет сорока пяти в белом полотняном костюме и соломенной шляпе.

— Сегодня прибыли? Новый сосед, если не ошибаюсь? — поинтересовался он, внимательно блестя на

меня своими умными карими глазами.

— В точку угодили, уважаемый, — улыбнулся я, почему-то сразу почувствовав к собеседнику искреннее расположение. — Будем знакомы: Евгений Михайлович из Екатеринбурга. Бизнесмен и по совместительству литератор.

— Очень приятно. А я Роман Борисович. И — любопытное совпадение — тоже с Урала. Из Перми.

— Серьезно? — Я даже слегка изумился. — А еще нагло врут, что земной шарик большой! На нем, как выясняется, только гора с горой не сходятся! Не желаете составить мне компанию за столом? Кресло я принесу.

— Не стоит беспокоиться, Евгений Михайлович. В моем номере точно такой же шезлонг имеется. Я сейчас вернусь.

Исчезнув за своей стеклянной дверью, Роман Борисович вскоре появился вновь, неся складной шезлонг и зажимая под мышкой темную бутылку "Хванчкары".

— При такой несусветной жаре полезнее всего потреблять красные виноградные вина, — словно извиняясь, пояснил он, ставя свой алкогольный взнос рядом с моим пузатеньким графином.

— Возможно, попаду пальцем в небо, но, судя по столь грамотному выбору напитка, вы принадлежите к почтенной грузинской нации? — предположил я, когда новый знакомый устроился в шезлонге напротив меня.

— Отнюдь. Не имею к ней ни малейшего отношения, — с вежливой улыбкой зарубил на корню мою догадку Роман Борисович. — Я чистокровный татарин. Да и у вас, дорогой Евгений Михайлович, предки явно берут начало от диких кочевников. Верно? Хотя, несмотря на черную шевелюру, у вас несколько странное строение лица. Скорее европейское. Кто-то из близких родичей русский, наверно?

— Угадали прямо в "яблочко", — не стал я темнить с личной родословной. — Мама русская.

— А отец?

— Тут целая история. По паспорту папаша татарин, а на самом деле нагайбак. Была такая древняя народность, жившая где-то под Уфой. Во времена татаро-монгольского нашествия она влилась в Золотую Орду и даже, по преданиям, пользовалась почетом у Чингизхана — за отчаянную смелость он в авангард, на острие своей конницы всегда ставил нагайбаков. Впрочем, между нами говоря, я сильно подозреваю, что хитрый Чингизхан просто не очень-то доверял новым союзникам или побаивался их. Вот и пускал впереди, чтоб они поскорей перестали существовать как самостоятельное крупное воинское формирование. Так и случилось — за весьма непродолжительный отрезок времени две трети нагайбаков погибли в боях, а оставшаяся часть незаметно полностью растворилась в Орде, также став называться объединяющим словом — татары. И только в наше постперестроечное время, когда вошло в моду ковыряться в собственных истоках, историческая правда и справедливость выплыли наружу. Сейчас, слышал, родина папаши уже именуется на географических картах как Нагайбакский Автономный округ. Такие вот метаморфозы.

— Да уж. Все нынче стремятся разделить и получить статус самостоятельной суверенности и самобытности, — то ли огорчился, то ли просто подытожил Роман Борисович, наполняя наши бокалы бордовой "Хванчкарой". — Давайте выпьем за знакомство, дорогой Евгений Михайлович. А также за то, чтоб нагайбак всегда находил общий язык с татаринком. Согласны?

— Без базара! — кивнул я и, чокнувшись, мы чистым стеклянным звоном бокалов надежно скрепили наше доброе "международное" соглашение о взаимопонимании.

Терпкое грузинское вино и правда оказалось точно в тему при здешнем климате — хорошо освежило не только желудок, но и размягченные сорокаградусной жарой мозги.

Роман Борисович, как выяснилось, был нескучным и довольно приятным собеседником, время до ужина пролетело совершенно незаметно. Есть я уже не хотел, сбив аппетит бутербродами с колбасой и сыром, но земляк уговорил меня не ломать дружескую компанию и спуститься с ним в столовый зал.

— Заодно познакомьтесь с Рафаилом Вазгеновичем, вашим вторым соседом. Сейчас он, должно быть, на пляже, а то обязательно вышел бы к нам. Но на ужин непременно зайвится — аппетит у Рафаила прямо зверский, между нами говоря. Сами увидите, Евгений Михайлович. Очень забавное и поучительное зрелище, поверьте.

— Ладушки, — без особого сопротивления сдался я. — Будь по-вашему. Древний римский лозунг-требование "хлеба и зрелищ!" всегда был мне понятен и близок по духу. Идемте!

Просторный общепитовский зал санатория удивил меня своим немногочисленностью.

— В августе мало отдыхающих, слишком жарко. Самый наплыв будет через месяц, в так называемый "бархатный" сезон, — словно прочтя мои мысли, сообщил Роман Борисович. — Вот наш столик. Дайте-ка вашу санаторную книжку, я договорюсь со старшей сестрой, чтоб она вас именно здесь закрепила. Не возражаете?

Получив от меня согласие и личную санаторную книжку, уральский земляк исчез за дверью служебного кабинета, расположенного рядом с кухней. Уже через минуту нарисовался обратно и вернул мою лечебную "ксиву".

— Все улажено, — явно довольный собой заявил он, усаживаясь напротив.

— Забыл спросить — вы, случаем, не язвенник?

— Нет.

— Замечательно! Тогда никаких проблем. Дело в том, что индивидуальный заказ вы сможете сделать только в воскресенье, тогда раздается меню на всю неделю. А пока, Евгений Михайлович, вам придется довольствоваться теми же блюдами, что мы с Рафаилом для себя заказали. Возражений не имеете?

— В еде я совсем не привередлив, — снял я с души Романа Борисовича тяжелый камень сомнения, с удовольствием разглядывая фигуристых молодых официанток, проворно сновавших с подносами между столиками. Все девушки как на подбор — с симпатичными наивными мордашками и хорошо тренированными налитыми бедрами. Пожалуй, некоторые из них вполне могли бы составить конкуренцию даже нашим девочкам из ночного клуба "У Мари".

Признаться, так увлекся, раздвигая официанточек глазами, что не сразу заметил появление за столиком третьего человека. Это был моложавый мужчина примерно моих лет, с неплохо развитой мускулатурой и с крепким торсом, которые не могла скрыть легкая белая футболка с короткими рукавами. Густые курчавые волосы на голове и теле новоприбывшего были пегими — то ли сильно выгоревшие на южном солнце, то ли просто рано начавшие седеть. Зато его глаза являли собой замечательную копию полудрагоценного черного агата и вкупе с благородным "греческим" носом делали внешность мужчины довольно привлекательной и легко запоминающейся.

— Рафаил Вазгенович, а это Евгений Михайлович — наш сосед по этажу и лоджии, — представил нас друг другу Роман Борисович.

— Искренне рад знакомству, — пожал мне руку пегий тип и неожиданно добавил: — А вы, судя по всему, нет?

— Что за странные подозрения! Я тоже весьма рад! — поспешил я опротестовать вывод пронизательного Рафаила. — Такое чисто мужское общество мне по душе. Хотя, не стану отрицать, что если б в номере слева или справа от моего проживала одинокая красавица принцесса — я бы нисколько не возражал. Даже наоборот. Общая лоджия сделала бы наше общение приятно простым и пикантным. В натуре!

— Одинокие принцессы здесь — крупный дефицит, — усмехнулся чуток полноватыми губами сластолюбца Рафаил Вазгенович, весело сверкнув на меня своими фальшивыми "самоцветами". — Вот красотулек Золушек — хоть пруд пруди. Причем по ночам они все превращаются в принцесс. По крайней мере, плату за интимные услуги требуют по-настоящему королевскую! Хе-хе! Кстати, могу познакомить при надобности.

— Благодарю, но в протекции не нуждаюсь. Привык, знаете ли, в подобных мероприятиях обходиться собственными силами и возможностями.

Впрочем, Рафаил Вазгенович меня совсем не слушал — все его внимание уже всецело переключилось на стол, профессионально быстро накрываемый официанткой. Перед каждым из нас появились овощной салат и телятина с рисом в голубеньких фаянсовых тарелочках. А также стаканы с чаем. Лекарственно-травяным, судя по духмяному аромату.

Ел мой второй сосед на самом деле весьма оригинально. Бесподобно, можно смело констатировать. Я даже залюбовался этим проглотом.

Раскрасневшаяся потная физиономия с алчно блестящими глазами, в стахановском темпедвигающиеся челюсти-жернова более походили на живой, хорошо отлаженный механизм для поглощения пищи, чем на удовлетворение обыкновенной человеческой потребности. Хоть не чавкал — и то вперед, как говорится.

Сам я почти не притронулся к столовой трапезе. Нарезанную кубиками вареную телятину проглотил без всякого аппетита, а рисовый гарнир лишь слегка поковырял вилкой. Чай же вообще проигнорировал — существует, слава Богу, куда приятнее и полезнее жидкость. В моем графинчике, например.

Земляк тоже ел лениво и, можно сказать, чисто символически. Ему явно не давала покоя жара. Натурально упарился мужик в своем полотняном костюме, несмотря на активно-старательно вращающиеся под потолком огромные лопасти вентилятора, очень похожие на вертолетный пропеллер.

Но пиджак Роман Борисович так почему-то и не снял. Из-за глупого врожденного упрямства, наверно. У каждого свои странности и причуды.

Неожиданно народившаяся неприятная мысль заставила меня взглянуть на уральца по-новому, подозрительно ощупав глазами его чуть полноватую низкорослую фигуру. Впрочем, беспокоился я, кажется, зря. Локти Романа Борисовича прижимались к бокам свободно и плотно. Да и в других местах под пиджаком возможная кобура с пистолетом не выпирала и даже не угадывалась. Должно быть, я просто "дую на воду", как обычно. Ничего не поделаешь — свойство характера такое, постоянно жду от ближнего какой-нибудь пакостный подвох. А привычка — вторая натура, как известно.

Заговорщически мне подмигнув, земляк придвинул свою тарелку к нашему соседу-проглоту:

— Жаль оставлять столь нежное мясо. Уж давайте спасайте положение, дорогой Рафаил.

Тот не заставил себя упрашивать. Без лишних слов благодарности деятельно принялся уминать добавку, словно это было в порядке вещей. Хотя, скорее всего, так оно и было за данным столом.

— Интересно, а ваш брат тоже не может пожаловаться на отсутствие аппетита? — полюбопытствовал Роман Борисович, когда Рафаил закончил чревоугодничать и сыто откинулся на спинку стула, отпыхиваясь.

— Ашот любит хорошо покушать, как и все в нашем семействе, — ухмыльнулся Рафаил Вазгенович. — Но он ханжа, каких свет не видывал — привык скрывать свои нормальные инстинкты от окружающих, всегда ест медленно и аккуратно, будто священный ритуал исполняет. Я не такой, на окружающих мне глубоко наплевать. Присутствующих, ясно, в виду не имею, господа.

— Надеюсь, он аккуратен не только в этом, — обронил Роман Борисович, поджав губы. — В воскресенье я уезжаю домой, учтите. Билет уже на руках.

— Не тревожьтесь понапрасну, уважаемый. К концу недели Ашот будет здесь как штык. Море спокойно, яхта прибудет в порт к назначенному времени. С парусом брательник умеет управляться не хуже профессионального яхтсмена. Утверждаю со всей ответственностью. Разве мы вас хоть раз подводили?

— Пока, слава Всевышнему, нет, — почему-то вздохнув, согласился уральский земляк, выбираясь из-за стола. — Пойдемте в номер, Рафаил Вазгенович, сгоняем партию-другую в нардишки. Не станем ломать нашу вечернюю традицию. Вы, Евгений Михайлович, не желаете составить нам компанию?

— Пожалуй, нет, — чуток подумав, отказался я от заманчивого предложения. — Прогуляюсь по берегу, освою окрестности слегка и заодно вдоволь поглотаю свежего морского воздуха — для легких и пищеварения весьма полезно.

— Не смею настаивать, — улыбнулся земляк, несколько не огорчившись. — Тогда до завтра. Заранее желаю спокойной ночи и приятных сновидений на новом месте.

— Вам того же и по тому же месту, — чисто по привычке съюморил я и, прощаясь, раскланялся со своими соседями.

Пологий берег, насколько хватало глаз, представлял собой сплошной песчаный пляж. Впрочем, это был даже не песок, а почти в крупу перетертые временем ракушки. Поэтому цвет здесь был в основном светло-серый, а не обычный желто-золотой.

Со стороны санатория пляж окаймляли пышные пирамидальные тополя и редкие стройные кипарисы с забавными зелеными "метелками" на верхушках. Основной отдыхающий контингент уже благоразумно насытился солнечными ваннами и с пляжа слинял, но оставалась еще довольно солидная людская масса, алчущая хапнуть последние остатки солнечной радиации быстро уплывавшего за горизонт светила.

Усевшись на свободный деревянный лежак, я закурил душистую "родопину", с наслаждением вдыхая табачный дым вперемешку с соленым запахом моря. Надо было подняться в номер и прихватить с собой графин. Впрочем, нет. Окружающий плебс не так бы меня понял, посчитав за банального алкаша. Не станешь ведь каждому быдлу популярно разжевывать, что вполне естественное желание получить "две горошки на ложку" ни о чем предосудительном не свидетельствует, а лишь говорит о моей давней привычке всегда мудро соединять по возможности полезное с приятным.

С наступлением вечера море, озябнув видать, начало эгоистично стягивать с города одеяло теплого воздуха на себя.

Сумерки тут необычайно короткие, как выяснилось. Южная ночь опустилась на землю так же оперативно, как темный бархат занавеса в театре.

Небо здесь значительно ниже, чем на родном Урале. Почти антрацитовое, с яркими вкраплениями крупнокалиберных — с фасоль величиной — звезд. Полная луна отбрасывала на водный простор прямую узкую дорожку, терявшуюся где-то в морской дали. Так бы и пошел по этой таинственно-прозрачной серебряной тропке в поисках познания Высшего Абсолюта. Но веры у меня еще меньше, чем у апостола Петра — усомнившись, махом провалюсь под воду, как и он, бедолага. Меня-то спасать будет некому — Иисуса поблизости не наблюдается, к сожалению. Вокруг одни жирные нувориши, их домочадцы и

прихлебатели. Святости в окружающих самодовольно-тупых мордах ни на грош не просматривается — хоть в телескоп их разглядывай до опупения или Второго Пришествия.

Культурно выкопал пальцем маленькую ямку и скромно похоронил в ней свой окурочок. Признаться, завирально-оригинальные идеи "Гринпис" и разных других экологов-чистоплюев частенько находят некоторый отклик в одной из ячеек моей многогранной души. Я ведь с детства чистой воды романтик по глубинной сути. В натуре.

Мне уже немного прискучило любоваться ожившими картинами Айвазовского, и я отправился восвояси, на четвертый этаж санаторного здания.

Поднявшись к себе в номер, сразу посетил лоджию, с искренним удовлетворением отметив, что соседи — люди весьма интеллигентные и с понятиями — никто из них не покусился на графин, бесхозяйственно забытый мною на столике. Правда, вина в нем осталось самый децал — пара стаканов, не более того.

Из соседнего номера явственно доносился азартный стук игральных фишек, но навещать заядлых хардистов я посчитал необязательным. Во-первых, мы уже простились до завтра, а во-вторых, спать хотелось — просто спасу нет. Умаялся я за последние дни, как спринтер в конце дистанции. Темпераментная Марго времени на отдых и благотворный сон отпускала мне очень скупое. Чувственная юность в любви до безобразия эгоистична, как в очередной раз имел возможность воочию убедиться.

Вспомнив о милой проводнице, я выудил из дорожного баула легко уместившийся на ладони миниатюрный магнитофон "Сони-компакт" и прослушал на сон грядущий тайно сделанную накануне запись, состоящую из бессвязных стонов и сладострастных вскриков. Имею такую маленькую и простительную слабость — незаметно для партнерши засовывать включенный диктофон под кровать или в иное укромное местечко, а затем слушать на досуге отпечатавшиеся на пленке забавные звуки сексуального пиршества. Обожаю, признаться, это дело. У меня уже довольно приличная коллекция подобных кассет в Екатеринбурге насобиралась. Целая фонотека, можно сказать смело без лишней глупой скромности.

Насладившись приятными воспоминаниями и приговорив "ночной колпак" — бокал "Виорики", я принял на кровати горизонтальное положение и почти моментально отключился.

3

Меня нахально трясли за плечи, словно я дуб, с которого хотят получить спелые желуди. Ну, лесных орехов не обещаю, а вот свинцовыми запросто могу одарить наглеца.

— Цыпа, ты вконец оборзел! — заявил я, продирая глаза. — Где опять горит? Ой, простите, Рафаил Вазгенович, я еще не свыкся с мыслью, что не в Екатеринбурге нахожусь, а в Одессе. Что случилось, уважаемый? И как вы сюда попали?

— Ровным счетом ничего, — усмехнулся сосед. — Уже восемь часов. Утренние лучи самые полезные — не пекут, а нежно ласкают кожу. Идемте на пляж. Народа там пока что не сильно густо. Надо успеть хорошие места занять, поближе к воде. А попал к вам совсем просто — через общую лоджию. На всех дверях шпингалеты и крючки отсутствуют. Наверное, для удобства уборщицы.

— Ладушки. А где Роман Борисович? Он разве с нами не идет? — я встряхнул головой, приводя выпрямленные сном мозги в рабочее извилистое состояние.

— Наш сосед — большой оригинал, — пренебрежительно скривил пухлые губы Рафаил. — Никогда не загорает и не купается. По крайней мере, я ни разу не видел. Так вы идете?

— Само собой. Пора принимать цивилизованный загорелый облик, — я рывком поднялся с кровати и по-военному быстро экипировался в свои модные шорты до колен и сетчатую футболку цвета беж. Перекинув через плечо длинное махровое полотенце, подмигнул близкому родственнику Гаргантюа. — Полностью готов к труду и обороне! А к славному черноморскому отдыху — и подавно!

На пляже и правда было не чересчур многолюдно, хотя у самой воды не только яблоку, но и его огрызку упасть уже негде было. Кто не успел — тот опоздал, ничего не поделаешь. Се ля ви, как любят выражаться на родине палача, отрубившего голову Людовику Шестнадцатому.

Мы с Рафаилом Вазгеновичем устроились в дюжине метров от плещущего прибором моря, каждый подстелив под себя личное полотенце.

Солнце палило не слишком агрессивно, по-умному приберегая свои основные жгучие залпы на полдень, когда под прицелом окажется наибольшее количество людей-мишеней.

В том печальном факте, что нам не достались лучшие пляжные места, я обнаружил и позитивный момент — на мелководье всю резвилась малышня, обдавая друг друга лазурным водопадом брызг, попадавших также и на загорающий поблизости люд. Детишек я, конечно, люблю, но только не тогда, когда они шалят да еще визжат при этом как потерпевшие.

Я в детстве был серьезным мальчонкой, лирично-вдумчивым, если так можно сказать. Неожиданно, словно в подтверждение данной мысли, мне ярко-зримо и во всех подробностях вспомнился один день, когда я с мамой отдыхал на Черном море. Правда, не в Одессе, а в Сочи. Было это примерно три десятка лет назад...

* * *

Волны с тяжким рокотом обрушивались на галечный берег. Сейчас они были не так сильны, как несколько часов назад: двухдневный четырехбалльный шторм истощил их силы, и продолжали они свою атаку на побережье, наверное, только из врожденного упрямства.

Их союзник ветер, свирепый и самонадеянный в начале шторма, уже выдохся и оставшихся у него возможностей хватало лишь на пустую злобу.

На круглых плоских гальках, белых от высохшей соли, кое-где виднелись выброшенные морем ракушки. Еще не обсохшие и блестящие, они переливались сказочно-яркими цветами, напоминая летнее деревенское поле, щедро усыпанное дикими растениями.

Я одиноко брел по берегу. Изредка останавливался, подбирая раковины. Но после беглого осмотра разочарованно отбрасывал их в сторону. Мой взгляд снова скользил по галькам в надежде отыскать такую раковину, какую мечталось найти.

Я отчетливо представлял себе эту раковину. В моем воображении она была необыкновенно большой — в две ладони, с бледно-розовыми отливами и узкими кривыми впадинами по краям, вся шероховатая, с тонкими золотыми прожилками. Уже в тогдашние свои восемь лет я был романтичен, просто спасу нет.

После шторма я всегда приходил сюда с призрачной, как мне сейчас уже казалось, надеждой найти эту чудо-раковину.

Утомленный бесконечными напрасными поисками, я пошел домой, гадая, когда снова будет шторм. Через четыре дня у мамы кончился отпуск, и мы возвращались в родной Свердловск. Уже и билеты на самолет куплены. Благодаря недавнему ливню, город блестел чистотой и опрятностью. Свежий воздух, очищенный от пыли, буквально пропитался соленой морской влагой. Лица у прохожих были оживленно-веселые. Люди устали от постоянного зноя, приносящего в курортный город сонливую расслабленность, и были рады прохладному освежающему воздуху, который возвращал их из полусонного состояния к деятельно-энергичной жизни.

Мне нравились "умытые" улицы, но сегодня я не обращал на них внимания, перед моими глазами стояла раковина, ставшая казаться уже несбыточной фантазией.

Дома меня встретила улыбающаяся мама:

— Женик, пройди к себе в комнату, там тебя дожидается маленький сюрприз, — глаза ее почему-то весело смеялись.

"Наверно, как обычно, коробка шоколадных конфет", — вздохнув, предположил я и направился в смежную комнату.

На журнальном столике у окна я увидел коробку конфет, а рядом... Я невольно замер, боясь поверить чуду — рядом с "Птичьим молоком" лежала крупная морская раковина, точно такая, какую я мечтал иметь. Я осторожно подошел к столику, натурально опасаясь, что она растает в воздухе. Слегка притронулся к раковине — она не исчезла. Я услышал позади себя приглушенный смех. Быстро обернувшись, увидел маму и тут же бросился к ней, благодарно прижавшись к ее теплоте животу. Мама потрепала меня по вечно непослушным вихрам и чмокнула в лоб. Я еще не в силах был задавать вопросы. Поняв это, мама, уже не сдерживая смеха, стала объяснять:

— Появился здесь у меня один хороший знакомый. Ему буквально во всем везет. Год назад, к примеру, велосипед выиграл в лотерею. Так вот, загорает он недавно на Ривьере, а рядом мужчина какой-то проходит с целой авоськой раковин. Как они сговорились, я не в курсе, но в итоге двусторонних переговоров получил мой друг одну раковину в полную собственность. Ну, убеждать он непревзойденный мастер, это у него не отнять. Нынче заметила я данный морской экспонат у него на серванте, напрягла жалостливые нотки в голосе и выпросила! Ну, сынок, рад? Мне необходимо на пару часиков отлучиться, но, думаю, ты не успеешь заскучать, — мама ласково похлопала по моей щеке и куда-то ушла.

Некоторое время я сидел на диване, не двигаясь и стараясь осмыслить то, что вдруг произошло. После долгих безрезультатных поисков никак не мог поверить, что раковина, наконец-то, у меня. Бережно подняв раковину обеими руками, я прижал ее к уху. Из нее послышался тихий, отдаленный гул, очень

похожий на звуки морского прилива. Я представил, как над беспокойным морем носится свирепый ветер, стараясь раззадорить водную стихию на бессмысленную войну с берегами и волнорезами.

— Наверно, ты сильно тоскуешь по морским глубинам? — шепотом поинтересовался я и поднял тяжелую костяную достопримечательность на ладони. Раковина была необычайно теплая и шероховатая, по ее бокам обозначались правильные желтоватые линии, напоминающие легкий бриз.

— Ты, правда, тоскуешь? — повторил я и прижал чудо-раковину к уху. Из ее впадины доносился протяжный отдаленный гул...

Уже темнело, когда я подошел к морю. Встав на конец волнореза, острой бетонной стрелой упировавшегося в водное пространство, я протянул открытые ладони с лежавшей на них раковиной к заходящему солнцу. Последний его луч отразился на мамином подарке, разбрызгав золотые искрящиеся капельки на поверхности раковины.

Темные волны беспокойно бились о волнорез, наверное, им не терпелось заполучить морское чудо обратно. Я улыбнулся и разжал пальцы. Раковина с тихим плеском ушла в таинственную глубину.

Мне совсем не было жаль, что так скоро расстался с маминым подарком. Я явственно представил себе, как раковина опустилась на мягкий пушистый ил, как вокруг нее снуют удивленные местные рыбы, смешно открывая рты и знакомясь с новой подругой в бескрайнем морском царстве...

* * *

Да, в чудесном детстве я был нежно-сентиментальным романтиком от Бога. Факт неоспоримый и не требующий вещественных доказательств.

Удивительно, как из такого пацана выросло то, что имею сомнительную радость ежедневно лицезреть в зеркале, когда бреюсь. Неисповедимы пути Господни, в натуре. У меня есть сильное подозрение, что люди несамостоятельны в действиях и являются лишь глупыми фишками в какой-то сложной тайной игре высших космических сил. Тогда все становится простым и понятным: не надо заниматься философским самокопанием, упорно выискивая причины-истоки собственных поступков и неожиданно крутых поворотов в судьбе.

У чаек, должно быть, пришло время трапезы. Замысловатыми кругами и резкими зигзагами низко носясь над поверхностью моря, белые длинноклювые птицы зорко высматривали свою законную добычу — беспечно зазевавшихся рыб. То один, то другой пернатый рыболов, планируя на воду, выхватывал из моря очередную чешуйчатую жертву и быстренько "рвал когти" прочь от орущих голодных собратьев. Все правильно — "своя рубашка ближе к телу" и делиться вкусной добычей стоит исключительно только с собственными детенышами. На всех крылатых родственников все одно не напасешься. Каждый сам за себя, короче. И это не оголтелый эгоизм, а мудро-суровый закон природы.

Основываясь на данном нехитром примере, я с удовлетворением отметил, что вся моя сознательная жизнь всегда строилась строго по законам природы-матушки. И значит, есть повод слегка погордиться и поуважать себя минуточку, что весьма полезно для равновесия личной нервной системы и оптимистичного восприятия окружающей действительности.

Но малотактичный Рафаил не дал мне приятной возможности чуток попрактиковаться в самолюбовании, позвав купаться.

— Чтоб загар ложился на тело красиво и ровно, надо сразу ополоснуться в соленой водичке, — пояснил он, как заправский врач-дерматолог.

— Вы, по ходу, просто решили меня завялить, — усмехнулся я, поднимаясь с горячего песка. — Но

учтите, я не глупая беззащитная рыба, хоть и родился под их милым созвездием.

— Положим, рыбы бывают разные. И даже очень умные. Дельфины, к примеру. — Рафаил поддержал легкую пикировку, но выказал при этом свою явную необразованность в зоологии.

— Сильно промахнулись, господин хороший! — тут же указал я на грубую научную ошибку моего нового знакомого. — Дельфины — высокоразвитые млекопитающие животные и к семейству рыб никакого отношения не имеют.

После расслабляющей атмосферной жары вода показалась на удивление холодной — почти ледяной — и бодрила разнеженный организм так, словно я проглотил сразу две пилюли фенамина.

— Рискуете переохладиться, Евгений, — сообщил заботливый Рафаил, стоя по колено в лазурной воде и не спеша храбро последовать за мной на глубину. — В здешнее море надо остороженько и постепенно входить. А сразу нырять, как вы, небезопасно. Тут множество холодных течений — вода даже в лучшие дни, имейте в виду, прогревается не выше двадцати градусов.

— Нужно было раньше предупреждать, — отмахнулся я. — Ложка дорога к обеду, Рафаил! Хватит топтаться на мелководье, лучше поплыли наперегонки к буйку. Махом согреемся, гарантия!

Так как мерзляка Рафаил находился в явной нерешительности, пришлось совершать заплыв в гордом одиночестве. До намеченного буйка, правда, добраться мне не удалось — усиленный микрофоном скрипучий голос приказал срочно вернуться, дерзко пригрозив крупным денежным штрафом за нарушение правил поведения на воде. Наверно, это кто-то из местной береговой спасательной службы в "матюгальник" разорвался. Не понимает, осел, что сотня метров до буйка для меня — плевое дело. На Урале я озеро Балтым запросто туда-обратно переплываю, а это не менее трех километров как-никак. А по осени еще и в ледяной воде.

Впрочем, скандал с местными властями — пусть и номинальными — в мои планы совсем не входил, и я, как пай-мальчик, дисциплинированно поплыл к берегу.

Рафаил уже возлежал на песочке, подставив волосатую грудь небесному светилу, разноцветно множившемуся на его теле в весело искрящихся капельках морской влаги.

Не обтираясь, я улегся рядом с ним на своем роскошном махровом полотенце, ощущая полное довольство и собой, и окружающим миром. Приятно все же, в натуре, совершенно не шевелить мозгами о надоевших делах и постоянных разборках, отдавшись спокойно-ленивому ничегонеделанью обыкновенного российского курортника. Лафа, короче.

— Евгений, можно задать вам нескромный вопрос? — сосед скосил на меня из-под полуопущенных ресниц свои фальшивые "самоцветы".

— Да хоть целых два, — щедро разрешил я, переворачиваясь на спину, чтоб загар ложился на тело равномерно. Смахивать на кисть негритянской руки — густо коричневой с внешней стороны и забавно розовой с внутренней — мне вовсе не улыбалось.

— Что означает иностранная надпись на вашем правом плече? Какой это язык?

— Латынь. Имею давнюю слабость к данному мертвому языку, — пояснил я, ни капли не смутившись. — Татуировка — дань моей бурной юности, не более того. Читается: гомо гомини люпус эст. Человек человеку волк, то бишь. Это просто знаменитый афоризм, а не моя жизненная установка, кстати.

В одиннадцать часов утра я покинул пляж и дремлющего Рафаила, отправившись принимать назначенные мне водно-лечебные процедуры. Их было две разновидности — душ Шарко и сероводородная ванна. Последняя особенно понравилась мне своей малой продолжительностью —

требовалось всего три минуты по песочным часам пролежать в теплой желтоватой водице и "Гуляй, Вася!" Женья, то бишь.

Душ Шарко на нормальный душ совсем не походил. Бьющая толстой струей установка больше смахивала на станковый пулемет, чем на медицинский агрегат. Вода била по телу весьма ощутимо-мощно. Как потом выяснилось, напор струи составлял около трех атмосфер. Во время "расстрельной" процедуры я был нагишом, но ни малейшей неловкости не испытывал, так как управляла водометом сильно пожилая медсестра, давно потерявшая к мужским интимным причиндалам живой женский интерес.

После обеда я вернулся в номер и попробовал продолжить начатую еще в Екатеринбурге повесть "Альбатрос" о моем почти безоблачном детстве, но литературное творчество никак не клеилось. Ну, тут "ларчик" просто открывался — во время пищеварения желудку требуется целая масса крови, и та в голову поступает уже скупое. А для действенного мыслительного процесса нужно интенсивное омывание мозгов кровью. Вспомнив данный медицинский факт, я забросил тетрадь с рукописью в шкаф до лучших времен и отправился на прогулку.

Одесса — роскошный городишко. В смысле большого наличия всяческих зеленых насаждений. Дома в основном из белого силикатного кирпича, многие стены симпатично увиты плющом и разными другими ползучими растениями с розовыми и фиолетово-оранжевыми цветочками.

А в социально-бытовом плане город-герой сильно смахивает на родной Екатеринбург — так же много на улицах проституток и милицейских патрулей — куда ни плюнь.

Для поднятия своего образовательного уровня, да и просто из понятного любопытства, я поинтересовался здешними ценами на сексуальные услуги. Выяснилось, что стоимость местных путанок практически не разнится от уральских — в среднем сто гривен за час, что соответствует трехстам российским рублям. Хотя бы в этом вопросе СНГ живет и развивается в едином экономическом пространстве, надо с удовлетворением отметить.

Все остальные цены сильно отличались от наших в сторону увеличения. К примеру, книги стоят в два-три раза дороже аналогичных российских изданий, а солнцезащитные очки, которые я, не удержавшись, приобрел, имели ценник аж в двести гривен — семьдесят долларов, то бишь. Правда, они германского производства фирмы "Лидер" и смотрятся совсем неплохо, даже эффектно, можно вполне смело констатировать.

В этот день пришлось не только на очки поиздержаться. Прогуливаясь по тенистым улочкам без всякой определенной цели, случайно вышел на Ромашковую. Окраинная тихая улочка, так называемого частного сектора, правда, никаких ромашек в близлежащих окрестностях не наблюдалось. Зато тут в изобилии росли благородные пирамидальные тополя и экзотические кипарисы. А за сетчатыми проволочными палисадниками радовали глаз плодовые деревья и густые навесы из виноградных лоз.

Мой блуждающий взгляд зацепился за белый тетрадный листок на одной из калиток. На нем старательно-аккуратно печатными буквами сообщалось, что здесь сдается внаем комната с кухней и гамак. Я моментально припомнил, что не за горами приезд Цыпы, и соратника необходимо как-то пристроить на несколько дней. Не станем же мы с ним ютиться в моем крохотном "люксе". Да и по правилам санатория, скорее всего, это строжайше запрещено. А всякие законы, инструкции и правила всегда нужно свято-неукоснительно выполнять. Если, понятно, они нахально не мешают личному комфортному существованию. Такое мое железное кредо. Жизненный принцип, то бишь.

Короче, снял я жилье для Цыпленка у домовладельца-хапуги, который содрал с меня плату за неделю вперед, козел. Ну да ладно, не в деньгах счастье, а в их постоянном солидном наличии. От меня не убудет, в натуре. Зато комната с кухней оказались целым флигелем — бревенчатым одноэтажным домиком,

спрятавшимся в глубине сада в гордом отдалении от помпезного кирпичного особняка хозяина.

Обратный путь до санатория я совершил с глубоким приятным чувством выполненного долга, бодро вышагивая сандалетами по плавившемуся на солнце асфальту и свысока взирая на окружающий мир сквозь свои замечательные импортные очки. Неоправданно дорогие, правда. Ну да не в деньгах главный смысл, как я уже подробно упоминал давеча.

Толстушка администраторша в холле снова строила мне глазки, но я сделал вид, что близорук и в упор не замечаю ее наивно-идиотских потуг на интим.

Мой "люкс" сильно смахивал на филиал мартеновского цеха — насквозь прокалившийся за день воздух был практически начисто лишен живительного кислорода.

Толкнув стеклянную дверь, я вышел на лоджию. Там, наслаждаясь одиночеством, восседал в шезлонге Рафаил, из-под опущенных ресниц наблюдая за разнеженно неторопливой пляжной жизнью. Наверно, со скуки раздевает глазами и так почти голые женские тела. Все армяне — крупные сластолюбцы, как мне досконально известно.

При моем появлении прервал пошло-стриптизное занятие своего взгляда, переведя его на меня.

— Присаживайтесь, Евгений, рядом. Скоро солнце начнет клониться к закату и море заметно поменяет цвет — из синего станет темно-изумрудным. Захватывающее зрелище, доложу я вам.

— Да вы настоящий поэт! — усмехнулся я, устраиваясь на соседнем шезлонге. — А где Роман Борисович?

— В город подался за подарками для внуков. Он завсегда так перед отъездом домой делает, — пренебрежительно скривил свои пухлые губы Рафаил.

— Так вам не первый раз вместе отдыхать приходится? — любопытствовал я, закуривая "родопину".

— Зря курите, Евгений. Лучше подышали бы морским воздухом, для легких очень полезно, — недовольно покритиковал меня этот доморощенный эскулап. — А Роман Борисович сюда уже третий год в отпуск ездит, как и я. Здешний санаторий нам обоим по душе пришелся. Разве вам не нравится Одесса?

— Почему же? Нравится. Только мне теплое море, признаться, больше в кайф. Как в Сочи, к примеру.

— Каждому свое, — философски заметил Рафаил Вазгенович и вдруг сморщился, словно целый лимон зараз зажевал. — Евгений, сердце у меня опять прихватило. Принесите, пожалуйста, пузырек нитроглицерина. Он в боковом кармане пиджака должен быть.

— В вашем номере? — уточнил я и, получив утвердительный кивок, отправился в соседний "люкс" для выполнения благородной миссии спасения ближнего. Всегда следует творить добро — тем более, что это вам ничего не стоит.

Пиджак Рафаила искать особо не пришлось — он висел на спинке стула. Но карманы его оказались пусты, кроме порожней стеклянной трубочки с легким налетом внутри какого-то серебристого порошка, в карманах был совершенный голяк.

— В пиджаке лекарства нет, только стекляшка из-под валидола, — вернувшись на лоджию, сообщил я соседу-сердечнику. — Вспомните, куда вы нитроглицерин положили? Может, в чемодане посмотреть?

— Спасибо, не надо. Мне уже гораздо лучше, боль отпустила, — Рафаил Вазгенович виновато улыбнулся. — Простите, что напрасно побеспокоил. У меня случаются такие неожиданные приступы стенокардии, но они быстро проходят.

— Вы уверены? — Я придирчиво-внимательно поизучал физиономию Рафаила в поисках синюшного цвета, предвестника инфаркта, но ничего, к счастью, не обнаружил. Видать, на самом деле уже оклемался, бедолага.

Все же, усевшись рядом с ним, из добрых побуждений сразу загасил свою сигарету. Табачный дым, как известно, весьма негативно действует на людей, находящихся в крупных неладах с собственным сердцем. Впредь будет мне наука — просил ведь сосед не курить, а я проигнорировал.

Чтобы хоть как-то возместить Рафаилу Вазгеновичу нанесенный ущерб здоровью, я рассказал свежий анекдот про госпожу Левински и президента Клинтона. Сосед так неистово хохотал, побагровев лицом, что я не на шутку забеспокоился — не совершил ли второй промах и не хватит ли его сейчас апоплексический удар от переизбытка чувств?

Дабы больше не рисковать, я поспешил распрощаться с непредсказуемым Рафаилом и ретировался к себе в номер.

4

Следующие несколько дней были скучно однообразны — пляж, лечебно-профилактические водные процедуры, усиленное питание и длительный сон. Вялая пресная жизнь курортника при полном отсутствии привычно-обычных проблем и вечной борьбы за выживание. Я уже начал всерьез подумывать — не угодил ли в некий райский уголок, не имеющий ни малейшего отношения к грешной земле.

Но наступила пятница и мигом расставила все по своим местам, развеяв розовые воздушные замки и жестоко указав на мое глубочайшее заблуждение на сей счет.

Началось все с малозаметного, но важного события — моего планового посещения санаторного главврача.

— Ну-с, Евгений Михайлович, как самочувствие? — несколько фамильярно, разглядывая мое голое глянцево-коричневое тело, спросил эскулап, плотоядно потирая свои волосато-рыжие руки. — Жалобы какие-нибудь имеются? Впрочем, можете не говорить. И так ясно, что вы в полном порядке: мешки под глазами исчезли, да и в весе вам удалось изрядно набрать.

Меня раздражал менторский тон докторишки, и я решил слегка сбить с него спесь:

— Есть жалобы. Вернее одна. В настоящее время веду на удивление спокойное размеренное существование, которого не имел множество лет. И вдруг голова стала побаливать и покалывание в боку появилось. С чего бы это? — Я, не мигая, уставился в глаза эскулапу, уверенный, что сбил его с панталыку.

— Все элементарно просто, — главврач ни на йоту не потерял самоуверенности. — Должно быть, вы сейчас мало двигаетесь, а организм не привык к сидячему образу жизни и протестует разбалансировкой.

— А вот и нет! Мой организм весьма привычен к сидячей жизни! — Я невольно усмехнулся двойственному смыслу сказанного. — Наоборот, здесь я много хожу пешком и постоянно бываю на свежем воздухе.

— Тогда переставим слагаемые, но в итоге получим ту же сумму, — не растерялся хитромудрый медик. — У вас изменился энергетический ритм, а тело еще не успело приспособиться к этому, не адаптировалось к смене часовых поясов, к тому же. Вот и результат.

— А аритмия сердца? Что если у меня появились зачатки ишемической болезни? — не сдавался я уже чисто по инерции.

— Не забивайте себе голову подобной чепухой, Евгений Михайлович, — снисходительно-подбадривающе похлопал меня по плечу главный врач. — Вы абсолютно здоровы. Все сердечники — очень полнокровные люди. Вам это не грозит, смею уверить.

— Сильно промахнулись, любезнейший, несмотря на тридцатилетний опыт медицинской работы! — Сразу указал я собеседнику на его вопиющую профессиональную ошибку. — Полнокровным быть вовсе не обязательно. Вот, к примеру, мой сосед Рафаил Вазгенович не полнокровен, а находится накануне обширного инфаркта.

— Чуть собачья! — нахально рассмеялся главврач. — Я неоднократно осматривал вашего соседа. На нем воду возить можно — здоров, как африканский буйвол!

— Вы уверены? — Я даже удивился. — А чего он тогда нитроглицерин ест?

— Ест ваш Рафаил Вазгенович все и помногу, но только не лекарства. Никаких сомнений. Ладно, заболтались мы что-то не в меру. Одевайтесь, уважаемый, и вызовите ко мне следующего. Надеюсь, он не

будет таким сверхмнительным, как вы.

Я посчитал ниже своего достоинства разжевывать нахалу в белом халате, что это совсем не я мнительный, а Рафаил Вазгенович, который, даже будучи "африканским буйволом", хаает лекарства, словно хроник какой-то. К тому же, это выглядело бы с моей стороны как ябедничество и попытка оправдаться. Бог с ним, с шизанутым соседом. Каждая психика имеет право на любое, понравившееся нервам, отклонение. Свобода личности дороже и порядка, и угрозы сумасшествия. У меня тоже имеются сильно странные "пунктики". Взять, к примеру, мое литературное творчество хотя бы.

Исходя из перечисленных соображений, я оперативно влез в свои шорты, накинул на плечи футболку и без лишних слов покинул кабинет, не удостоив главврача даже взглядом.

При здешней всеобщей праздной жизни я невольно стал завзятым сибаритом, я привык спать не только ночью, но и днем. Мне послеобеденный "тихий час", впрочем, нравился, так как слегка напоминал благословенное детство в лагере. Пионерском, я имею в виду, ясно.

Но сегодня заснуть почему-то никак не получалось — ворочался с боку на бок под простыней, как непоседливый покойник в морге. Пришедшее на ум данное неуместное сравнение отбило сон окончательно и бесповоротно. Все-таки богатое творческое воображение имеет, в натуре, и свои крупные минусы. Негативно-непредсказуемые последствия, то бишь.

Сбросив с себя злосчастную простыню, я спрыгнул с кровати и прошлепал к холодильнику. Нахальство какое! Все пиво уже закончилось, хотя я только вчера покупал целую коробку баночного. Вечный закон подлости — беда одна не ходит. Мало того, что сна в наличии нет, так, оказывается, еще и пива!

Можно, конечно, у Романа Борисовича разжиться грузинским винцом — у него постоянно приличный запасец имеется, как мне было хорошо известно. Правда, сосед в настоящее время скорее всего отсутствует, без устали рыская по Одессе в поисках оригинальных сувениров для многочисленных родственников. Впрочем, на крайняк, могу воспользоваться его холодильником и без разрешения. Как мужик мужика он меня должен понять. Да и не на халяву я позаимствую бутылку-другую, а чисто взаимобразно. Вечерком верну с благодарностью и процентами.

Благополучно успокоив таким образом свою нежно-сверхчувствительную совесть, я с легким сердцем отправился в набег на алкогольные запасы земляка.

Пройдя по лоджии до номера соседа, глянул через стеклянную дверь внутрь помещения. Ха, вот ведь юмора! По ходу Роман Борисович тоже нынче не остался равнодушен к богу Бахусу, изрядно приложившись к его источнику. Это ж сколько надо винишка вылакать, чтоб заснуть прямо в кресле перед столом.

Отворив дверь, я вошел в комнату. Решив Романа Борисовича по пустякам не тревожить, будить его не стал. Уже взявшись за ручку холодильника, я вдруг обратил внимание на два подозрительных момента: во-первых, в помещении было необычайно тихо, а во-вторых, на столе перед спящим не стояло ни одной бутылки. Только графин с водой.

Оставив холодильник в покое, я вернулся к столу и склонился над земляком. Мои худшие опасения тут же подтвердились — пульс на шейной артерии Романа Борисовича не прощупывался. Приподняв его теплое еще веко, я окончательно убедился, что он мертв. Смерть меняет — скрючившаяся в кресле фигура вроде как даже похудела.

Валявшийся на полу разбитый стакан и еле уловимый запах горького миндаля из распахнутого рта соседа мне все объяснили. Роман Борисович отравился — или был отравлен — цианидом.

По всей видимости, кто-то из двух находился в этот момент рядом — либо мой ангел-хранитель, либо дружище воровской фарт, так как я совершенно непроизвольно заглянул под стол.

На желтом ковре у деревянной ножки стола лежала стеклянная трубочка с полиэтиленовой пробкой. Подняв и осмотрев находку, я почти без риска мог поклясться, что это та самая пробирка, что находилась в кармане пиджака Рафаила Вазгеновича. Стекляшка из-под валидола имела внутри тот же легкий налет какого-то бело-серебристого порошка. Осторожно вынув пробку, я принялся к невинному с виду пузырьку и сразу уловил характерный запах горького миндаля.

Ладно, здесь больше делать нечего. Пора рвать когти, пока жизнь не приподнесла какого-нибудь нового подлого сюрприза. В виде появления ментов, к примеру.

Проскользнув к себе в номер, первым делом оделся. В голове у меня вертелся весьма злободневно-важный вопрос: что делать с подобранной на месте преступления пробиркой? Первое острое побуждение навсегда от нее избавиться, спустив в унитаз, я тут же задавил как глупое и маловыгодное.

По ходу, внезапный "сердечный приступ" у Рафаила Вазгеновича имел вполне подготовленную определенную цель — занять на пузырьке с остатками яда мои отпечатки пальцев. И очутился "вещдок" под столом совсем не случайно. Ну ты и падла, милый Рафик! Где я тебе солнышко заслонил, чтоб так внаглую ты на меня убийство вешал?! И скорее всего — свое собственное!

Вызвать "скорую" или ментов я посчитал излишним — скоро горничная начнет убирать номера, пусть она и вызывает. Ей за это деньги платят.

Первым идти на контакт с доблестными органами следствия дураков нет. Известно ведь, что главным подозреваемым для них обычно становится именно тот, кто обнаружил труп. Менты всегда стараются идти по пути наименьшего сопротивления, бараны тупорылые.

Прихватив с вешалки у дверей махровое полотенце, я надел свои красивые импортные очки и неторопливо-спокойно продефилировал на пляж.

К счастью, небесное светило потихоньку-полегоньку начинало клониться к морскому горизонту, и его косые лучи уже не были слишком обжигающими.

Устроив личное тело на любимом полотенце, я некоторое время наблюдал за загорающей публикой. Отдыхающий люд занимался своими нехитрыми делами, не обращая на меня ни малейшего внимания.

Я незаметно выкопал в песке аккуратную ямку и сховал в ней стеклянное "вещественное доказательство". Пусть здесь полежит от греха. Если вдруг понадобится, место я хорошо запомнил, а коли нет — то и дьявол с ним, пускай пропадает тут хоть до Второго Пришествия.

Примерно через полчаса к парадному входу здания санатория подъехала белая "Волга" — фургон службы скорой медицинской помощи и почти следом синяя милицейская БМВ.

Поразмыслив, я решил вернуться в свой "люкс". Во-первых, люблю прямо смотреть в морду возможной опасности, а во-вторых, не хватало еще, чтоб менты начали меня разыскивать сдуру.

Без суеты, неторопливо отперев дверь ключом и войдя в комнату, обнаружил то, что и ожидал.

За столом восседал плотный в штатском, листая мой паспорт. Дорожный баул, хранившийся до этого в стенном шкафу, сейчас стоял раскрытый у ног незваного гостя. Впрочем, гостей было аж целых три — рыжий бугай за столом, мент в форме старшего сержанта у дверей на лоджию и крупная немецкая овчарка, нахально устроившаяся на коврик у моей кровати.

— Добрый день, Евгений Михайлович! — не вставая, поприветствовал меня сыскарь в штатском прикиде. — Удивлены? Или не очень?

— Кажется, не слишком добрый, — сухо заметил я, подойдя к столу и без приглашения усевшись напротив рыжеволосого. — Чем обязан? Паспортный режим, по-моему, я не нарушил.

— Как вам наша чудесная Одесса? Нет желания насовсем сюда перебраться со своего ледяного Уральского хребта? — не отвечая на поставленный вопрос, начал ходить вокруг да около мент, надеясь сбить меня с панталыку и спровоцировать на нервно-необдуманную реакцию. Составлял психологический портрет подозреваемого, короче.

Но я-то в курсе всех их оперативных "примочек" от и до. Поэтому волноваться понапрасну не стал, а просто вынул из заднего кармана шорт зажигалку с пачкой сигарет и не спеша закурил.

— Может, вас кофе угостить? У меня, правда, только растворимый есть в наличии, — возвратил я легавому хохлу его же фальшивую монету, приветливо улыбаясь до отвращения слащаво-приторно.

— Благодарю, не стоит беспокоиться, — отказался мент, с неподдельным интересом изучая мое безмятежное лицо. — Какие у вас существовали отношения с погибшим соседом?

— С Рафаилом Вазгеновичем случилось несчастье? — Я очень натурально огорчился, откидываясь на спинку кресла. — А я ведь заранее знал! Сколько раз предупреждал его, что переезжать опасно! Что с ним произошло? Несварение желудка, да?

— Возможно. Но я спрашиваю о другом соседе, Романе Борисовиче, — уточнил следок и с явным нажимом добавил, словно угрожая: — Что с ним сегодня приключилось, точно установит судебно-медицинская экспертиза, не сомневайтесь!

Потом выдержал многозначительную паузу и продолжил:

— Так какие между вами были взаимоотношения?

— Обычные. Соседские, — вполне искренне ответил я, озабоченно сведя брови "домиком". — Все-таки, что случилось?

— У вас хранятся какие-либо отравляющие вещества, яды? — верный своей наглой привычке отвечать вопросом на вопрос, поинтересовался следователь. — Цианистый калий, к примеру?

— Нет, конечно. Я литератор по профессии, а не химик. Роман Борисович отравился, да?

— Навряд ли, — тип в штатском соизволил все же несколько разъяснить обстоятельства дела. — Отравлен графин с водой. Если бы потерпевший намеревался сам покончить счеты с жизнью, то просто развел бы яд в стакане. Логично? Как считаете, Евгений Михайлович?

— Вам виднее. Но, думается, самоубийцы не стремятся поступать правильно или неправильно, на вашу логику им глубоко наплевать.

— Возможно. Но проблемка в том, что потерпевший был, похоже, ограблен. На животе трупа остались ясные следы от широкого пояса. Он исчез. Вы, кстати, когда-либо этот пояс видели у Романа Борисовича? Не знаете, что он в нем хранил?

— Нет, понятия не имею, — пожал я плечами. — Роман Борисович постоянно ходил в пиджаке. Теперь я понимаю, для чего: чтоб его тайник не был замечен посторонним людям.

— Похоже на то, — кивнул следователь, разочарованно вздохнув. — Вы бывали в номере у соседа?

По старательно равнодушному тону вопроса я вмиг почувствовал подвох. Довольно-таки наивный, впрочем.

— Само собой, очень даже часто. Постоянно ходили друг к другу в гости по-землячески. Последний раз был у него нынче днем.

— С какой целью?

— Позвал Романа Борисовича на обед в столовую, — невинно пояснил я, невольно скосив взгляд на овчарку. Собака неотрывно смотрела на меня своими выразительно-умными карими глазами с иссиня-

черными бусинками зрачков, будто желая срочно засвидетельствовать хорошо известный ей факт — что я был последним, кто вышел из номера убитого.

"Как настроение, псина? — мысленно усмехнулся я, с удовольствием затягиваясь душистым болгарским дымом. — Близок локоть, но не укусишь, да? К счастью, Господь не дал тебе умения говорить, чему я, признаться, весьма рад, в натуре!"

— После обеда с Романом Борисовичем не виделись? Никаких подозрительных звуков из соседнего номера не слышали?

— Нет. После обеда я по привычке чуток подремал, а час-полтора назад спустился позагорать к морю. Ничего особенного не слышал и не видел, к сожалению.

Рыжий тип еще с полчаса пытался выудить из меня что-нибудь путное, но беспонтово. Совершенно безрезультатно, то бишь.

Испортить мне настроение, правда, ему вполне удалось, так как на прощание, пригласив из соседнего номера эксперта, он распорядился снять с меня отпечатки пальцев.

— Это простая формальность, Евгений Михайлович, не хмурьтесь, — ухмыльнулся следователь. — Второго соседа мы тоже дактилоскопировали. И Рафаил Вазгенович даже не думал возражать, кстати. Так что берите с него пример и не расстраивайтесь по столь ничтожному поводу.

— А я и не расстраиваюсь. Но, сами должны отлично понимать, что подобные уголовные процедуры оптимизма нормальному законопослушному гражданину не добавляют.

— Больше тревожить вас не будем. По крайней мере, сегодня. — Следователь положил на стол картонный квадратик. — Оставляю личную служебную карточку. Если вдруг что-то припомните — звоните в любое время, не стесняйтесь. А пальчики рекомендую прямо сейчас вымыть с мылом, пока краска окончательно не высохла. Всего наилучшего!

Когда следак и кинолог с собакой покинули комнату, я глянул на картонный квадратик и выяснил, что со мной беседовал Капореико Олег Петрович, старший инспектор уголовного розыска.

Старательно смывая в ванной комнате с ладоней липкую черную краску, я подвел малорадостный итог:

"Если у здешних пинкертонов хватит сообразительности послать запрос в Екатеринбург или Москву, то они очень скоро узнают весь мой уголовно-послужной список. Тогда, ясно, возьмутся за меня уже всерьез и качественно иначе. С особо опасными менты не церемонятся".

Наверно, до полуночи курил в шезлонге на террасе, размышляя, как поступить с сучарой Рафаилом. Но ни к чему конкретному прийти так и не сумел, так как все карты путал таинственно исчезнувший пояс. Замочить мутнорылого соседа — дело, понятно, плевое; но надо ведь, по уму, с этого еще и какой-никакой существенный навар поиметь. Проблемка.

Жара стояла чисто адская. Заснуть удалось лишь после того, как намочил холодной водой простыню и завернулся в нее навроде египетской мумии.

Утром следующего дня я поднялся поздно и сразу направился через лоджию к Рафаилу Вазгеновичу. Но того уже и след простыл — должно быть, по своему обыкновению с самого ранья слинял на пляж.

На всякий случай, я произвел доскональный обыск его "люкса". Заветного пояса не обнаружил, к сожалению. Каких-либо документов и ценностей — тоже.

На лоджии нос к носу столкнулся с потрясающей девчонкой лет двадцати с малюсеньким гаком. Открытый розовый сарафан и широкополая соломенная шляпа приносили в облик блондинки некую

домашность и пикантность одновременно.

— Что вы делаете на грешной земле, небесное создание? — совершенно произвольно вырвался у меня слегка затертый комплимент. Если б имелась в наличии некоторая толика времени, то я, безусловно, разродился бы куда более изящно-галантным высказыванием. В натуре.

— Хочу довести до вашего сведения, что я совсем не ангел! — рассмеялась прекрасная незнакомка, одаривая меня благосклонным взглядом своих серо-голубеньких глаз. — Я ваша новая соседка. Приехала из Нового Афона отдохнуть от скучных лекций в пединституте. Зовут Ольгой. А вас?

— Евгением. — Я склонился в полупоклоне и испытующе глянул снизу в ее лучистые глаза. — Соседка, говорите? Странно, что вас сюда поселили. По-моему, номер, где накануне произошло крупное преступление, должен быть опечатан...

— Какое преступление? Мне никто ничего не говорил.

— И правильно. Грех великий такую нежную милую девушку описанием тяжкого преступления пугать. Неэтично и жестоко было бы.

— А что произошло в моем "люксе"? Если что-то ужасное, то я сейчас же попрошу перевода в другой номер. Не желаю, чтоб мне кошмары всякие снились!

Перспектива быстрой потери столь очаровательной близости — как в прямом, так и в переносном смысле этого слова, заставила меня тут же дать задний ход:

— Да ничего особенного не случилось. Я пошутил. Каюсь — неудачно. Просто прежнему жильцу вчера внезапно стало плохо, и его увезли. В больницу, наверно. Говорят, он отравился. Семейные и бытовые неурядицы довели до ручки, видать. Мужики под пятьдесят лет все поголовно на стенку начинают лезть, испытывая острое неудовлетворение окружающей действительностью. Дело, к сожалению, банальное. Вместо обсуждения проблем бывшего соседа предлагаю посетить замечательный здешний пляж. Перед обедом это очень полезно, сударыня. Ладушки?

— Хорошо, — чуть подумав, согласилась Оля. — Только полотенце из номера захвачу.

В холле я старательно-ласково улыбался, галантно придерживая Олю за локоток — пускай толстушка администраторша воочию убедится, что в данном конкретном случае ловить ей совершенно нечего, и прекратит, наконец, расставлять на меня заржавленные капканы своего увядающего женского обаяния.

Пляж нынче не страдал обычным многолюдством, и я махом выловил взглядом полосатые плавки Рафаила, комфортабельно устроившегося на деревянном лежаке почти у самой воды.

— Познакомьтесь, Ольга, с вашим вторым соседом Рафаилом Вазгеновичем, — сказал я, подводя спутницу к обладателю полосатых плавков.

Рафаил если и удивился, меня увидя, то ничем этого не выдал. Хотя наверняка ведь был уверен, что я уже парюсь в изоляторе временного содержания по подозрению в умышленном убийстве своего земляка.

А вот на Ольгу он среагировал живо и мгновенно — особенно, когда она грациозно освободилась от сарафана, оставшись в узеньком голубом купальнике. Строение ее фигуры было из самых излюбленных у страстных южан: высокая объемно-выпирающая грудь, гибко-тонкая талия и крутые широкие бедра, плавно переходящие в длинные стройные ноги. Мне, кстати, такой волнующий типаж тоже весьма по вкусу, хотя задница у девчушки все же несколько тяжеловата. Впрочем, данный пикантный нюанс можно было рассматривать и как крупное достоинство.

Рафаил заливался соловьем и рассыпался в любезностях перед Ольгой, словно поставил себе задачу не только обворожить-заворожить девушку, но и тут же склонить к соитию. Мало того, что собственный

лежак ей уступил, но еще откуда-то целый букет красных тюльпанов приволок. Небось, одну из клумб перед санаторием начисто оборвал, козел.

Во мне хоть и бежит толика восточной крови, но не бурлит, как у Рафаила. Поэтому я отдал ему поле боя, предоставив возможность вовсю распинаться и соблазнять прелестную соседку в одиночестве.

Стараясь не слушать разглагольствований доморощенного армянского Ловеласа, я скользил скучающим взглядом по пляжным окрестностям и вскоре был сполна вознагражден за зоркость.

В белом костюме а-ля "Мечта Остапа" по берегу бодро шагал, переступая через тела, мой верный Цыпа, не обращая ни малейшего внимания на недовольство отдыхающей публики и рыская взглядом по сторонам, кого-то высматривая. Меня, по ходу.

— Вынужден вас покинуть, — сообщил я воркующей парочке, вставая. — Ко мне коллега бизнесмен в гости приехал. Необходимо проявить должное гостеприимство.

Узрев шефа, Цыпа расцвел-расплылся в широкой счастливой улыбке. Радует, как пацан, в натуре. За что и дорог, впрочем.

— Привет, Евгений! А я по тебе скучал! — громко заявил соратник, словно обухом меня огрев. Дело в том, что эти слова частенько любил повторять ныне покойный Киса, лучший "специалист" нашей группы и мой личный друг.

— Привет, братишка. Как меня нашел? — вяло поинтересовался я, опечаленный внезапными воспоминаниями.

— Администраторша дала наконку, что ты на пляже. А знаешь, Евгений, я ведь прочитал рассказ "Гамбринус". Спецом в городскую библиотеку ходил. — Молодой соратник гордо выпятил вперед свой квадратный подбородок, явно ожидая похвалы. — Когда заглянем в это конкурирующее заведение?

— Что прочитал — молодец! Растешь, можно смело сказать, прямо на глазах, — не стал разочаровывать я верного Цыпу. — А ходить туда вовсе не обязательно. Во-первых, там практически ничего за двести лет не изменилось, а во-вторых, со временем у нас большая напряженка. В номере расскажу, что к чему и что почем.

В холле санатория мы приблизились к стойке администраторши, у которой Цыпа оставил чемоданчик-"дипломат", отправляясь на мои поиски.

— А я и не ведала, Евгений Михайлович, что уральцы эдак падки на здешних милиционерш! — язвительно заметила, поджав губы, толстушка-администраторша. — Каких тут только оригиналов ни встретишь, прости Господи!

Собравшийся было уходить, я приостановился, оперативно осмысливая важную информацию.

— Вы говорите об Ольге, которая сегодня из Нового Афона приехала? — не слишком удивившись, уточнил я, с любопытством разглядывая желчное лицо моей несостоявшейся пассии.

— Уж не знаю, откуда она, якобы, приехала, но я ее неоднократно на Дерибасовской встречала. И была она не в нахальном мини-сарафанчике, как ноне, а в милицейской форме. Вот! — Хохлушка явно предвкушала узреть смятение на моей физиономии, но ее надеждам не суждено было сбыться.

— В женщине, досточтимая барышня, мужчины ценят не ее профессию, а свежую молодость, красивую попку и ядреную грудь, — жестко парировал я, сочувственно улыбнулся на прощанье и ретировался в свой "люкс".

— Кокнуть козлину — и все дела! — внес рационализаторское предложение Цыпа, когда я подробно

объяснил ему возникшую непростую ситуацию с Рафаилом Вазгеновичем.

— А что мы с этого будем иметь? Конкретизируй. Мы ведь не маньяки, чтоб убивать без всякого материального стимула, — я укоризненно покачал головой. — С мокрухой спешить не стоит, брат. Что сначала нам необходимо сделать?

— Да, что? — Цыпленок захлопал пушистыми ресницами, будто помогая этим усилению личной мыслительной деятельности.

— Сперва нам край надо узнать, где находится пропавший пояс, — не счел я нужным томить соратника. — В нем крупные ценности, уверен.

— Рубль за сто! Гарантия! — согласно кивнул Цыпа, азартно потирая свои кувалдообразные руки. — Будем пытаться гада?

— Может, и придется, — децал подумав, не стал я расхолаживать подручного. — Как карта ляжет. Кстати, ты при козырях?

— Нет, Евген. Оружие в самолет брать не рискнул. Но кое-что для тебя привез. — Цыпа щелкнул замками "дипломата" и извлек на свет божий пузатую черную бутылку "Наполеона". — Твой любимый коньяк.

— Молодец! Весьма предусмотрительно и мудро поступил! — Совершенно искренне выразил я свои чувства. — Давай слегка отметим твой приезд. Когда назад планируешь?

— Обратный билет у меня на понедельник. Так что два с лишним дня я в полном твоём распоряжении. Всю Одессу при желании успеем запросто замочить. Хо-хо!

Я тоже чуток подхохотнул из солидности, разливая пахучую золотую жидкость в стаканы. На самое донышко плеснул — чисто для проформы, а не для пьянства. Слишком много дел отчетливо вырисовывалось на близком горизонте, чтоб сейчас беспечно в загул срываться.

Чиркнув на листочке из блокнота адрес флигеля на Ромашковой улице, я отдал его Цыпе.

— Тут недалеко. Познакомься со своим временным жильем и подгребай сюда через пару часиков. К этому времени я обмозгую ситуацию и приму конкретное решение.

Когда соратник ушел, я вдруг вспомнил, что не помянул по доброму христианскому обычаю душу почившего Романа Борисовича и тут же, не откладывая в долгий ящик, набулькал себе еще полстакана коньяка. Приличные люди должны всегда свято блюсти старинные традиции.

Активно-агрессивные молекулы алкоголя качественно изменили плавный ход моих мыслей. Сначала я предполагал спокойно дожждаться возвращения Цыпы и с ним на пару нанести визит Рафаилу Вазгеновичу, а теперь, неожиданно для себя, вознамерился срочно побеседовать с соседом по душам единолично. При любых негативных раскладах сумею справиться с негодяем. И не таких бугаев обламывал, в натуре.

Чтобы надежно застраховаться от возможных в будущем наездов на меня ментов, я решил записать "чистосердечное" признание Рафаила в убийстве Романа Борисовича на диктофон.

Сунув в карман шорт миниатюрный "Сони-компакт", отправился к соседу. Тот с пляжа уже вернулся, как я понял по слабым шорохам, доносившимся из-за стенки.

— А вы, как вижу, законспирированный экстрасенс! Предвидели мое появление! — слегка подивился я, наблюдая за Рафаилом, старательно сооружавшим на столе симпатично-аппетитный натюрморт из яблок, апельсинов, гроздей винограда и оплетенной литровой бутылки красного вина.

— Ничего подобного. Это вовсе не для вас, Евгений! — нахально заявил вконец оборзевший сосед, но тут же благоразумно поспешил разрядить обстановку пояснением:

— Мне только что брат звонил. Сегодня прибыл на своей яхте в порт Одессы. С минуты на минуту его жду. Извините, Евгений Михайлович, но у нас существуют свои правила. Близкие родственники после разлуки встречаются тет-а-тет, как выражаются французы.

— То бишь, вы предлагаете мне убираться куда подальше? — невинно уточнил я, чувствуя, как мой правый кулак превращается в чугунную гирию.

— Вы не так поняли, Евгений. Просто прошу вас проявить элементарную тактичность и позволить мне встретиться с родным братом как положено. Всего лишь.

— Ладушки! — не стал я впадать во вредный антагонизм. — Лезть в чужой монастырь со своим уставом не буду. В общем-то, я только на минутку зашел, чтоб провентилировать с вами один вопросик. Дело в том, что у меня тоже дорогой гость — господин Цепелев, крупнейший коммерсант Екатеринбурга и мой личный друг. Хотелось бы порадовать его чем-нибудь экстраординарным. Морской прогулкой на яхте, к примеру. Как вы на данную идею смотрите?

— С пониманием, — хмыкнул Рафаил Вазгенович. — Но давайте перенесем этот разговор на вечер. Время ведь терпит, Евгений?

— Безусловно, — кивнул я, поднимаясь с кресла. — Суетиться смысла нет, ваша правда. До вечера, уважаемый Рафаил!

Покидал я номер соседа в распрекраснейшем расположении духа, так как улучив момент, успел незаметно сунуть включенный диктофон под кресло. Очень удачная мысль, в натуре. Весьма вероятно, что запись разговора братьев сможет многое прояснить мне в создавшейся ситуации.

Около часа терпеливо просидел в своем "люксе", пока услышал из коридора щелканье дверного замка и удаляющиеся шаги двух человек.

Проникнув через лоджию в номер Рафаила Вазгеновича, я выудил из-под кресла "Сони-компакт" и, перемотав пленку, включил воспроизведение. Тут меня ждало крупное разочарование — разговаривали братья на армянском языке, в котором я не бельмеса не понимаю.

Но я нашел выход из положения — выцепил на набережной носатого гражданина с характерной "ястребиной" горбинкой и предложил ему выгодную сделку: он набросает мне в блокнот перевод разговора на русский язык, а я вознаграждаю его сотней гривен в качестве гонорара за лингвистический труд.

Южанин согласился без лишних вопросов, но потребовал деньги вперед. Мы ударили по рукам.

Только я успел вернуться к себе в номер, как появился Цыпа, уже благополучно сменивший белоснежный костюм на привычные джинсы и футболку.

— Садись, кури, — кивнул я соратнику на противоположное кресло и вновь занялся изучением блокнотных страничек, исписанных корявым почерком переводчика с набережной. Полученная расшифровка диктофонной записи заслуживала внимания и стоила, конечно, куда дороже ста гривен. И сотню долларов за такой текст отдать не жалко. Весьма занимательный разговорчик у братьев получился.

— Салам алейкум, Рафик! Сколько на этот раз товара? Я только пятнадцать тысяч долларов смог собрать. Хватит?

— Товара, как и в прошлый раз, десять килограммов в слитках, но они нам задаром достались.

— Каким образом? Странные у тебя шуточки, брат!

— Никаких шуток, дорогой Ашот. Все очень серьезно. Роман Борисович приказал долго жить. На том свете золотишко ему не понадобится, и я изъял товар в нашу пользу.

— Но зачем?! Ты же оборвал хорошо налаженный канал поступления слитков! Совсем не умно, брат!

— Канал был уже оборван. Роман Борисович сразу заявил мне, что это последняя партия металла. Натуральный кретин — сам подписал себе смертный приговор.

— Как сработал? Под несчастный случай?

— Нет. Особо мудрить нужды не было. Все подозрения падают на соседа, явно уголовника со стажем. Я оставил легавым прямую на него улику — пузырек из-под цианида с его отпечатками пальцев.

— Сосед арестован?

— Пока нет. Думаю, бюрократы из следственных органов все еще не сделали экспертизу пузырька. Но послезавтра, в понедельник, все срастется в лучшем виде, убежден.

— Где сейчас товар?

— В надежном укромном месте. Не здесь, ясно. Сегодня вечером, часиков в девять доставлю слитки на яхту, будь спокоен. Ты на каком причале пришвартовался?

— На пятом, как и раньше.

Дальше разговор братьев переключился на их многочисленных родственников и потерял для меня всяческий интерес.

Обед в санаторской столовой со всеми этими хлопотами я прозевал и пришлось посетить с Цыпой ближайшую ресторацию, чтоб запастись необходимыми организму калориями.

После обильной трапезы мы чуток позагорали на пляже, стараясь не выпускать из вида полосатые плавки Рафаила, нежившегося на солнышке в обществе Ольги.

Мне вдруг пришла на ум пословица: "Не рой яму другому — сам в нее попадешь", и я тут же выкопал из песка злополучный пузырек, решив с его помощью доказать правильность данной пословицы на деле.

Определить, где Рафаил Вазгенович прятал пояс со слитками, мне так и не удалось — в восемь вечера он вышел из здания санатория уже в пиджаке, под которым угадывалась его сильно "пополневшая" талия.

Поднявшись со скамейки, мы с Цыпой пристроились в кильватер "объекту".

— Разрешите составить вам компанию, Рафаил Вазгенович? — елеинно-сладким голосом спросил я, одаривая соседа своей коронной дружелюбной улыбкой. — Вы, случаем, не в порт собрались?

— Да. А в чем собственно дело, господа? — не слишком тактично откликнулся явно недовольный Рафаил, подозрительно на нас уставившись.

— Вы, может быть, запамятовали? — очень правдоподобно удивился-расстроился я. — Вы же обещали показать нам яхту. Не станете ведь отказываться от своих слов? Это было бы крайне неинтеллигентно, уважаемый!

— Ничего конкретного я, положим, не обещал, — буркнул Рафаил, нетерпеливо поглядывая на ручные часы. — Хорошо, не будем понапрасну спорить. Идемте, господа!

Пройдя мимо статуи Ришелье, мы спустились по длинной гранитной лестнице к порту. В желто-красном сиянии многочисленных прожекторов и сигнальных огней одесское пристанище кораблей выглядело весьма впечатляюще, даже почти величественно.

Впрочем, по ходу, это просто мое богатое романтическое воображение разбушевало не в меру, как

обычно. Ничего особо величественного в разнокалиберных по размеру морских посудилах с облупившейся краской на бортах и тем паче в заржавленных башенных кранах, ясно, не было.

— Нам сюда, на пятый причал, — показал дорогу Рафаил, сворачивая налево.

Мы с Цыпой дисциплинированно последовали за ним, не рискуя отпускать тренированное тело "объекта" от себя больше, чем на полметра. Наверняка ведь бегают драгоценный Рафаил не хуже заправского спринтера. Впрочем, кажется, этот самодельный Сусанин все еще ни о чем не догадывался. Не врубился в ситуацию, короче. Явно не "сечет поляну" и нюх потерял, кретин.

Сразу за четырехпалубным теплоходом "Антон Чехов" отыскалась красотулька яхта. Вся из себя белая и такая длинная, что я даже и не ожидал. Словно прочтя мои восхищенные мысли, Рафаил гордо пояснил:

— Длина корпуса двенадцать метров, а мощность двигателя около трех тысяч лошадиных сил!

— Поздравляю, — обронил я, не зная, какими точно словами надо реагировать на столь нахальное хвастовство.

— В последнее время двигатель немного барахлит, правда, — добавил Рафаил уже тоном пониже. — Брату в основном под парусом идти пришлось. В неполадках мотора он не крупный специалист.

Крепкий с виду мужик в тельняшке и шортах, сидевший на корме в теплом обществе длинной курительной трубки, поспешил сбросить нам деревянный трап.

Я моментально просек, что это и есть родной брательник Рафаила. Слишком одинаково-борцовская у них мускулатура, да и морды довольно схожие. Впрочем, у Ашота имелась аккуратная "шкиперская" бородка, а физиономия Рафаила своей розовой гладкостью сильно смахивала на задницу молодой шимпанзе.

Прежде чем подняться на борт яхты, я невольно и, признаться, даже любовно, разгладил пальцем свои скромные, но симпатичные усики, не дававшие ни малейшего шанса какому-нибудь идиоту беспардонно сравнивать мое лицо с нижней частью прародителей человечества. Впрочем, теории Дарвина я не слишком-то доверяю. Прямых, а тем более вещественных доказательств в ней кот наплакал. В натуре, неубедительно и маловероятно звучит это утверждение о происхождении homo sapiens от обезьян. Лишь косвенные доказательства, которые ни один деловой в законно-серьезный расчет не берет. Как и все нормальные следователи и судьи, кстати. Есть, выходит, что-то общее у нас с ментами. Не знаю, радоваться или печалиться по этому поводу.

— Почему не предупредил, что заявишься с гостями? — вполне спокойным полупшепотом поинтересовался хозяин парусной лоханки у брата.

— Не переживайте, любезнейший Ашот, — счел я нужным вмешаться в базар. — К этому нет оснований. Мы с господином Цепелевым отнимем у вас самый минимум времени. Обещаю: когда мы покинем ваш гостеприимный корабль, у вас не останется ни единой к нам претензии, аль дурной мысли.

Упоминать о том, что и хорошей мысли в его кудлатой башке тоже не будет, я посчитал совершенно излишним.

Покойники, как известно, не думают и даже не потеют.

— А я ни о чем не переживаю, — заявил Ашот, ослабившись в кисло-сладкой улыбке. — Разве только о том, что ужин сготовил всего на двоих и опасаясь, зная зверский аппетит Рафика, что вам маловато достанется. Нынче у меня вареная говядина, до которой брат большой охотник.

— Ничего страшного, любезнейший. Господин Цепелев и я уже плотно отужинали на берегу. Нас не трапеза интересует, а ночная морская прогулка. Обожаем, знаете ли, звезды, море и лунную дорожку.

Сразу ощущается единение с матушкой-природой. Мы ведь романтики по натуре. Сумеете сейчас выйти в море на часок-другой?

— Пара пустяков.

— Вот и ладушки! Пока дорогой Рафаил будет гостеприимно показывать нам ваше замечательное парусное судно, вы отчальте, пожалуйста. Далеко от берега отходить не стоит. Вполне достаточно и одного километра. Легкий ужин в открытом морском пространстве — моя давняя мечта. С самого раннего детства, можно сказать.

— Хорошо, сейчас она осуществится, — сказал хозяин этой плавучей калоши, втаскивая на нее трап. — Рафик, покажи уважаемым гостям кают-компанию, машинное отделение и камбуз. Потом можете подняться ко мне в рубку.

Каюту осмотреть я согласился, а от экскурсии в машинное отделение категорически отказался. Выглядеть масляно-чумазым механиком и ароматизировать бензиново-соляным духом мне было вовсе не в кайф, в натуре.

Когда мы втроем спустились по короткой крутой лестнице в кают-компанию, где-то в чреве судна надсадно затарахтел двигатель, гулко отплевываясь газовыми выхлопами. Корпус яхты слегка завибрировал, и я понял, что мы медленно отходим от причала.

Меблировка каюты не представляла собой образец роскоши — железная кровать, привинченная к полу, овальный пластиковый стол в обрамлении табуретов — вот и вся скудная обстановка помещения. Ни одной картины на стенах не имелось, впрочем, можно было любоваться живым пейзажем в объемный круглый иллюминатор. И то вперед, как говорится. На безрыбье и рак рыба, то бишь.

Рафаил под предлогом помощи брату ненадолго слинял наверх и вернулся в каюту уже без своего "беременного" живота.

Неожиданно мотор простудно зачихал и заглох, яхта некоторое время продолжала плыть по инерции, но вскоре остановилась, приятно покачиваясь на волнах, словно огромная детская люлька под заботливой материнской рукой.

Появился хмурый Ашот, вполголоса чертыхаясь по-армянски.

— Опять двигатель забастовал, — пояснил он. — Стал почему-то слишком быстро перегреваться. Надо будет капитальный ремонт ему задать. Дороговато обойдется, конечно, но альтернативы нет — под парусом до Сухуми полмесяца пилить придется. А время — деньги.

— В цвет говоришь, приятель. Время — деньги, и когда видишь деньги — не теряй времени! — слегка съюморил, не удержавшись. — Ладушки. Далеко от берега отошли?

— Вполне достаточно. Семь-девять кабельтовых, не меньше.

— А это сколько в метрах? — полюбопытствовал я, верный своей привычке при любой возможности пополнять личный запас научных знаний.

— Приблизительно полтора километра, — издевательски ухмыльнулся над моей неосведомленностью в морских мерах длины Ашот.

Я искренне порадовался в глубинах души такой наглости — теперь у меня появился повод чувствовать к Ашоту некоторую неприязнь, что очень важно в нашей работе. Приговаривать к смерти совершенно безразличного тебе человека, признаться, всегда труднее. Специфика, никуда от нее не денешься.

Зря, как выяснилось, сетовал хозяин судна по поводу нехватки пищи. Кастрюли вареного мяса, приправленного лапшой, хватило на четыре полные тарелки. Из напитков присутствовали две бутылки

красного сухого "Каберне". Небогатый, ясно, стол, но вполне калорийно-питательный. В пище я непривередлив. Обычно довольствуюсь тем, что Бог послал.

Когда братья расслабились, всецело отдавшись чревоугодию, я подмигнул Цыпленку:

— Делай как я! — и резанул ребром ладони по кадыку сидевшего рядом Ашота. Всегда предпочитаю ювелирно бить по сонной шейной артерии, но сейчас угол удара был неподходящий, и пришлось воспользоваться простейше-грубым приемом отключки клиента.

Цыпа дисциплинированно последовал моему примеру, показав отличную реакцию, — после его удара кулаком по мозжечку Рафаила, тот бесчувственным кулем свалился с табурета на пол рядом со своим брательником.

— Что теперь? — деловито спросил молодой соратник, удовлетворенно обозревая дело наших рук.

— Пока не очнулись, надо братьев связать. Используй их же поясные ремни. Слишком здоровые мужики, чтоб с ними без надежной страховки беседовать.

Подручный быстро и ловко справился с поручением, крепко стянув ремнями руки клиентов за спину, после чего усадил на табуреты все еще бессознательных братьев, привалив их к столу для равновесия.

— Евген, по-моему, Ашот уже не дышит. — Цыпа как-то виновато глянул мне в глаза, словно это он был ответственен в таком фатальном исходе.

Осмотрев тело, я даже огорчился — соратник оказался прав. Видимо, не рассчитав силу удара, я чуток перестарался, перебив дыхательные пути. Впрочем, особенно переживать не стоило — все одно Ашоту путевка в Сочи была заказана уже на ближайшие минуты. А побазарить по душам и с одним Рафаилом можно вполне. Совершенно достаточно, то бишь.

Воспользовавшись тем, что Рафаил находился в неподвижной отключке, я проштамповал отпечатки его пальцев на стеклянной трубочке с остатками цианида и осторожно-аккуратно запаковал ее для гарантии сохранения вещдока в полиэтиленовый мешочек.

Наконец, Рафаил Вазгенович начал подавать слабые признаки жизни. Сперва у него дрогнули веки, затем он протяжно вздохнул и открыл затуманенные глаза.

— Как вы нас перепугали, милейший! — посетовал я, закуривая. — Чуть что — сразу в обморок норовите грохнуться. Вы же не кисейная барышня, в натуре! Надо уметь по-мужски держать себя в руках, коли занимаетесь столь тяжким промыслом. Незаконные операции с валютой и "рыжьем", имею в виду.

— Что все это значит, Евгений Михайлович? — враз охрипшим голосом спросил Рафаил, безуспешно пытаясь освободить руки от кожаных пут.

— Да ничего особенного, любезнейший, — пояснил я, доброжелательно ему улыбнувшись. — Где пояс с золотишком, что вы сняли с убиенного Романа Борисовича? Советую сообщить, куда заховали, пока господин Цепелев не занервничал. Учтите: когда он нервничает, то впадает в агрессивное состояние, и тогда за ваше драгоценное здоровье я уже не смогу дать и ломаного гроша.

— Гарантия! — поддакнул соратник, впери в клиента свои замороженные небесно-лучистые глаза профессионального костолома.

— Что с моим братом? — некультурно вопросом на вопрос ответил связанный собеседник.

— Он пока без сознания. Скоро очнется, — поспешил я слегка успокоить Рафаила, так как известие, что Ашот уже переместился в лучший из миров, могло его сильно расстроить, и дальнейший разговор с ним стал бы наверняка бесперспективен. Ведь некоторые братья очень привязаны друг к дружке, как мне

неоднократно приходилось наблюдать в повседневной жизни. Следовало по-умному учитывать сей весьма достоверный факт.

— Ни о каком золоте ничего не знаю, — заявил упрямец, демонстративно от меня отворачиваясь.

— Евгений, позволь мне децал побазарить с гадом, — вмешался нетерпеливый подручный, сжимая свои кувалдообразные кулаки.

— Успеется. Терпеть не могу проявлений излишней жестокости, — усмехнулся я, доводя личную жизненную установку до Цыпы. — Поднимись-ка лучше в рулевую рубку. У меня крепкое предчувствие, что Рафаил загасил драгоценный груз именно там. А коли шмон не даст позитивного результата, тогда и побеседуешь с клиентом в своем обычном душеспасительном режиме. Душевышибательном, точнее.

Когда кроссовки Цыпы тяжело затопали по лестнице на палубу, я снова продолжил допрос:

— Кстати, Рафаил Вазгенович, а где доставленная Ашотом валюта? Вы в курсе? Пятнадцать тысяч баксов имею в виду.

— Сами у него спросите, — глухо буркнул этот упрямистый тип. — Почему он все еще не очнулся?

— При падении Ашот случайно ударился о пол затылком, — кротко и терпеливо пояснил я ситуацию. — Видимо, получил сильное сотрясение мозга. Слегка не повезло бедолаге. Бывает, дело житейское. Оклемается через некоторое время, не переживайте по пустякам.

Последние слова я, конечно, брякнул совершенно зря — Рафаил буквально так и взвился, припадочно побагровев лицом:

— По пустякам?!! Ашоту срочно необходима врачебная помощь! Как вы не понимаете?!

— Все понимаю, дорогой Рафаил, успокойтесь, пожалуйста, — устало вздохнул я, мягким толчком ладони возвращая его обратно на табуретку. — Когда Ашота осмотрит больничный травматолог, зависит исключительно от вас. Так что не тяните резину и отвечайте на интересующие нас вопросы. Лады?

— Хорошо, спрашивайте! — решившись, кивнул Рафаил, предварительно испепелив меня взглядом.

Довольно несдержанны все же армяне в своих эмоциях. Должно быть, это из-за их вспыльчивой азиатской крови происходит. Впрочем, надо признать: на личном жизненном пути мне диаметрально противоположные по характеру армяне попадались. Не нация, а натурально-метаморфозная загадка природы-матушки, короче.

— Отлично! Где валюта и золото?

— Их сейчас принесет ваш бандитский приятель, все в рубке под сиденьем рулевого лежит. Что еще?

— Совсем немного, — подбодрил я излишне нервного собеседника. — Зачем вы хотели меня подставить?

— В каком смысле? — Рафаил прекратил, наконец, поедать меня своими жгучими фальшивыми "агатами", в глазах явственно проявилось теперь затравленное выражение, что выглядело даже слегка забавно.

— Убийство несчастного Романа Борисовича имею в виду. Некрасиво, знаете ли, сваливать собственное преступление на невинного человека. Весьма неэтично.

Отвечать милейший Рафаил Вазгенович явно не спешил, да я и не настаивал на ответе. Он мне уже известен, и вопрос являлся чисто риторическим, в натуре.

Цыпа буквально скатился с лестницы, радостно сияя физиономией.

— Нашел, Евгений! — пыжась от самодовольства, громко сообщил он, брякнув на стол тяжелый кожаный пояс и упитанный брикетик сто долларовых купюр, перетянутых желтой резинкой.

— Ты прямо как известный старинный ученый выражаешься, — усмехнулся я, взвешивая пояс с драгоценными слитками в руке. — Кажется, десять кило. Верно, Рафаил Вазгенович?

Тот молча кивнул, стараясь не встречаться со мною взглядом. Это не позднее раскаяние, ясно, а просто проявление банального животного страха. Мне даже стало немного жаль Рафаила в глубинах души.

Чтобы дать ему время чуток прийти в себя и освоиться с отчаянно-печальной для него мыслью о моей полной осведомленности, я отошел к иллюминатору.

На непроницаемо черную воду падала с неба зыбкая серебряная дорожка, словно указывая таинственный путь в неведомое. Этот таинственный вид затронул в душе какие-то нежные струнки, мне даже захотелось тут же совершить что-нибудь доброе и красивое. Я повернулся к столу:

— Знаете что, Рафаил Вазгенович, ежели желаете, то можете поужинать напоследок. Одну руку я вам отвяжу. Говядина еще не остыла, по-моему.

— Да пошел ты, хряк моржовый! — прорычал тот, неприлично брызгая слюной и бешено вращая глазами, будто бы предложил что-то дико несусветное. Явно не оценил, козел, моего благородного порыва скрасить последние его минуты на этом свете. Давно уж я заметил, что люди в большинстве своем наглые неблагодарные животные, но Рафаил Вазгенович побил все рекорды скотства. Плюнул прямо мне в душу, можно сказать.

Я ненадолго задумался. Нет, о такой разновидности, как "хряк моржовый", мне ни в одной научно-популярной брошюрке читать ранее не приходилось. Тут Рафаил наверняка что-то напутал. Может, он хотел сказать "хрен моржовый"? Но что-либо уточнять у нахала я посчитал сильно ниже своего достоинства. Западло, то бишь.

Как человек воспитанный, я не стал выказывать раздражения. Сердиться на созревшего кандидата в покойники просто смешно. Да и грех, к тому же. Ну, переволновался клиент дедал и вспылал — дело обычное и вполне понятное. Как гласит народная мудрость, понять — это наполовину простить. Я максималист и поэтому сразу простил его полностью, строго следуя святому библейскому постулату: "Прощайте врагам вашим, как и Я прощаю вам".

— Ладушки! Хозяин — барин. Не хочешь есть — твое законное право. Я не садист, чтобы насильно кормить. Цыпа, заканчивай тут, а я пока на палубе покурю, полюбуюсь на звезды.

Поднявшись по короткой лесенке на палубу, я запалил "родопину", глубоко вгоняя дым в легкие, чтобы хоть слегка согреться. Ветер почти отсутствовал, но было довольно свежо, по моей спине словно чьи-то суетливые холодные пальцы бегали.

На темном небе волей Господа ярко светились целые бриллиантовые россыпи, но я практически не замечал этой возвышенной красоты, прислушиваясь к звукам из кают-компания.

Цыпа показал себя настоящим молодцом — работал интеллигентно тихо и аккуратно, никаких криков или стонов даже мои чуткие уши не уловили.

Докурив сигарету до самого фильтра, я швырнул окурок за борт и не спеша вернулся в каюту. Здесь меня ждала некоторая неожиданность: братья — и даже их тела — в помещении отсутствовали. Как корова языком слизала.

— А я и не подозревал, братишка, что ты у нас натуральный живоглот. Кровожадный людоед, то бишь, — чисто по привычке слегка подковырнул я верного подручного, уже все уяснив — круглое окно

иллюминатора было настежь распахнуто.

Цыпа, по заведенной между нами традиции, поддержал игру, оскалившись в широкой "крокодильской" улыбке:

— Зажевал интриганов вместе с их шмотками. Боюсь теперь, изжога будет, аль несварение желудка.

— И все же, почему ни одного всплеска не было слышно? — любопытствовал я, так как с детства люблю расставлять все точки над "и".

— А я клиентов через иллюминатор очень нежно выпихивал, держа за шиворот, — хвастливо пояснил Цыпленок. — До воды с полметра всего, ушли на глубину как гвозди — без шума и пыли.

— Ладушки! Все хорошо, что хорошо кончается. Кстати, ты, случаем, не умеешь с парусами управляться?

— Нет, — телохранитель растерянно захлопал своими пушистыми ресницами, только сейчас, видно, сообразив, что нам как-то ведь надо еще до берега добираться. — А ты, Евгений?

— К сожалению, из меня такой же яхтсмен, как из тебя законопослушный гражданин. Не смыслу в этом деле ни бельмеса. Ну и черт с ним! И не из таких ситуаций благополучно выбирались. Давай-ка шмоном займемся. Где-то здесь должны быть спасательные жилеты. До берега вплавь придется добираться, ничего не поделаешь, браток.

Два спасательных жилета отыскились без особых проблем — в стенном шкафу на вешалке. Резиновый надувной матрац я еще раньше заметил на койке в углу. Сдернул его на пол — тоже весьма нам пригодится в сложившихся "мокрых" обстоятельствах — как в прямом, так и в переносном смысле этого прилагательного.

— Ашот, оказывается, хозяйственным мужиком был, запасливым, — вслух громко похвалил я покойника, свято блюдя добрую старинную заповедь: о мертвых говорить либо хорошо, либо ничего.

На камбузе среди солидных запасов различных продуктов питания я нашел бутылку подсолнечного масла и прихватил ее с собой в кают-компанию.

— Ты это чего? Жарить картошку собрался? — поинтересовался явно изумленный телохранитель, воззрившись на меня как на реального кандидата в дурдом.

— Пальцем в небо, братишка! — тут же опроверг я его идиотское предположение. — Без маслица мы с тобою моментально околеем от холодрыги. Вода-то наверняка меньше десяти градусов. Раздевайся! — и первым показал наглядный пример, скинув с себя одежду и оставшись в одних узеньких плавках. — Шмотки погрузим на резиновый матрац, чтоб не намокли.

— А с этим что? На себя наденешь? — Цыпа кивнул на пояс с золотыми слитками.

— Нет уж! Опасаюсь грыжу заработать, — усмехнулся я. — Цепляй груз на свой живот, браток, я тебе полностью доверяю. Как говорится, молодым везде у нас дорога, молодым всегда у нас почет!

Пока телохранитель пристраивал драгоценную ношу на своей талии, я вскрыл бутылку с растительным маслом и старательно натерся им до противно-липкого состояния тела. Плохо достигаемую для моих рук спину мне смазал Цыпа. Я ответил ему тем же, после чего мы оба надели спасательные жилеты.

— А теперь нам край необходимо отыскать кингстоны, — заявил я, рыская взглядом по сторонам. — Тут я пошукаю, а ты порыскай в машинном отделении.

— А что это за фигиовины? — спросил любознательный, но явно малообразованный подручный.

— Книжки полезные надо читать! — в который уже раз дал я Цыпе ценный совет. — Например, военные мемуары. В них точно указано: чтобы затопить судно, следует открыть кингстоны и впустить забортную воду. Отправим яхту на дно, не станем дарить ментам свои личные отпечатки. Все концы в воду, так сказать. Усек?

— Это я понял. Но как они выглядят, кингстоны? — продолжал упорствовать непонятливый соратник.

— Ну... — я задумался, но быстро бросил это глупо-бесперспективное занятие и был вынужден признаться. — Точно не знаю. Наплевать! Ищи что-то похожее на закрытые отверстия в днище яхты.

— Типа винного горлышка, заткнутого пробкой? — предположил утомительно-дотошный Цыпленок.

— Черт его знает. Возможно. Давай ищи короче, — отмахнулся я, теряя терпение и деятельно принимаясь за следопытские изыскания загадочных кингстонов.

Но как ни старались мы с Цыпой отыскать какие-нибудь закамуфлированные дырки в деревянных бортах — все дохлый номер. Четверть часа пропала впустую. Впрочем, не совсем. Мне на глаза попался тяжелый полутораметровый стальной лом, и я его сразу торжественно вручил соратнику:

— Не мытьем, так катаньем! Собственными силами знатный кингстон сварганим. Пробей-ка отверстие в посудине!

Когда под ногами весело забулькало, мы поднялись на палубу. Осадка яхты была довольно низкой, и нам удалось аккуратно спустить на воду надувной матрац вместе со шмотками. Следом за ним спрыгнули за борт сами.

Морская стихия встретила меня негостеприимно-прохладно. Ледяные течения, видать, и вдали от берега держат масть. Верховодят, то бишь. Моя кожа миглом покрылась ознобными мурашками.

Толкая резиновое плавсредство впереди себя, мы гребли в направлении сияющего разноцветными электрическими огнями берега и отплевывались от горько-соленой воды, нахально норовящей попасть через рот в наши желудки.

Мною владело пренеприятнейшее идиотское ощущение, что меня вот-вот кто-то цапнет за ногу и потянет за собой в черную глубину. Один из недавно почивших братьев, к примеру. Или сразу оба.

Впрочем, все это глупое суеверие и мистика. Во всем виновато мое богатое творческое воображение. Был момент, когда я чуть не выругался от переизбытка сильных эмоций, почувствовав, как по ноге скользнуло что-то телесное и податливое. Но я вовремя сообразил, что зацепил ногой всего лишь обыкновенную безобидную медузу. Небось, она перепугалась побольше меня. Хотя нет. Я где-то читал, что медузы — простейшие создания и никаких мозгов — не говоря уж об извилинах — вообще не имеют. Полные дебилки, короче.

Не знаю, сколько точно времени мы плыли, но, думаю, никак не меньше шестидесяти-семидесяти минут. Под конец дистанции мое уставшее тело уже не знобило, а наоборот. Пробило горячим потом, то бишь.

А Цыпе можно было искренне посочувствовать. На мелководье у самого берега он не встал на ноги, как я, а двигался по-звериному на четвереньках. Да и не мудрено — даже его молодой, тренированно-мощный организм ношу в десять золотых килограммов вынес с тяжким трудом и перенапряжением всех активных мышц. Наверно, потерял в море громадную массу килокалорий, бедолага.

— Полежи на песочке, братишка, отдышись децал, — щедро разрешил я, оглядывая незнакомый пустынный пляж. Интересно, в каком именно районе города-героя мы очутились? Впрочем, кардинального значения это не имело.

Продолжительное морское купание благополучно смыло с меня основной слой подсолнечного масла, но тело все одно оставалось противно липким и, одеваясь, я выругался "многоэтажкой", как заправский потомственный пролетарий, забыв на секунду, что являюсь интеллигентом в третьем поколении и обязан культурно гасить в себе негативные всплески эмоций.

Денежный брикетик бросил на колени Цыпе:

— Рыжые и валюту с собой возьмишь. Завтра во второй половине дня я у тебя нарисуюсь, обговорим подробенько детали транспортировки груза в родной Екатеринбург. Начерно план у меня уже готов. А сейчас разбежимся по берлогам.

— С этим что делать? — Цыпа поддел ногой резиновый матрас и спасательные жилеты, бесхозно валявшиеся почти на полосе прибоя.

— Пускай лежат, топить смысла нет. Осчастливим находками какого-нибудь местного бедолагу. Нужно, братишка, всегда творить добро, когда представляется хоть малейшая возможность. Ладушки. Уходим!

На Черноморском шоссе мы махом выловили мужика на белой "волжанке", не чуравшегося слегка подкалымить частным извозом. Сначала подбросили Цыпу на его Ромашковую улицу, а затем покатили к моему лечебно-санаторному учреждению на "Семи Фонтанах".

Проскользнув в номер, я сразу занялся личной гигиеной в душевой комнате. Полчаса терпеливо простоял под горячими водяными струями, пока отделался, наконец, от навязчивого запаха подсолнечного масла. Благоухать, как жареная картошка, мне совсем не улыбалось. Не было в кайф, то бишь.

Оберегая организм от возможной простуды, пришлось выпить страховочный стакан французского коньяка перед путешествием в царство бога сна Морфея.

В эту ночь мне совершенно ничего не снилось — будто в бездонную черную бездну провалился. И слава Богу.

5

Утром проснулся от собственного надсадного кашля. Канальство какое, все же не прошла для меня бесследно-благополучно вчерашняя ледяная купель. Вечный закон подлости в своем обычном мерзопакостном репертуаре.

Кстати, одиннадцать часов с лишним утром назвать можно было лишь условно.

Из чисто лечебных соображений сделав парочку добрых глотков "Наполеона" прямо из горлышка, я вышел на лоджию повдыхать свежий морской воздух и заодно душистый дым "родопины". Смешав, спарить полезное с приятным, так сказать.

Стеклянную трубочку с отпечатками Рафаила я сбросил на клумбу еще ночью и сейчас попытался, скуки ради, отыскать вещдок взглядом. Конечно, безрезультатно. С четвертого этажа в роскошно-буйных цветочных зарослях не только крохотный пузырек — бутылку не разглядел бы, наверно.

— Добрый день, Евгений! — раздался у меня за спиной голос Ольги. — Поздненько вы встаете. Я утром заглядывала, но не решилась прервать ваш сладкий сон.

Я обернул к этой "миссис Марпл" местного разлива свою старательно хмуро-задумчивую физиономию.

— Какие-то проблемы, Евгений? Что случилось? — моментально насторожилась соседка, ощупывая мой фэйс острым взглядом почуявшей добычу легавой суки.

— Ровным счетом ничего, слава Богу, — тяжело вздохнул я, прикуривая новую сигарету от старой.

— Но вы почему-то сильно нервничаете, — заметила проникательная соседка, доверительно коснувшись моей руки и, словно маленького дитя утешая, добавила: — Все будет хорошо, Женя. Чем я могу помочь?

— Разве что советом, — неуверенно откликнулся я, еще разок расстроено вздохнув для большей убедительности. — Я оказался в неловком двусмысленном положении. Даже не знаю, что предпринять в подобной глупой ситуации...

— Давайте вместе подумаем и найдем наилучший выход, — проворковала Ольга, доброжелательно улыбаясь накрашенными губами. — Не волнуйтесь и рассказывайте все по порядку.

— Хорошо, будь по-вашему, — без лишних брыканий пошел я на поводу у легавой собеседницы. — Дело вот в чем: днем, когда так неожиданно скончался Роман Борисович, я видел Рафаила Вазгеновича, вышедшего на лоджию из номера моего уральского земляка и что-то поспешно бросившего вниз на газон. Тогда я не придавал этому особого значения, а сейчас весь в сомнениях, измучился до головной боли — не сплеховал ли, не сообщив следователю о данном факте?

— Во сколько часов это было? — деловито уточнила Ольга.

— Примерно в пять, когда я пошел к Роману Борисовичу, чтоб пригласить его прогуляться со мною по набережной. Перед ужином очень полезно подышать свежим воздухом. Кстати, земляка в номере не оказалось. Значит, Рафаил Вазгенович находился в номере один.

— Как и вы, между прочим, — без тени улыбки, язвительно указала законспирированный Пинкертон в юбке.

— Да, ваша правда, — сокрушенно согласился я. — В том-то и суть. Но я, в отличие от Рафаила Вазгеновича, ничего потом на клумбы не скидывал. Честное благородное!

— А вы не допускаете, Евгений, что ваш сосед просто-напросто выбросил сигарету?

— Нет. Исключено. Во-первых, Рафаил Вазгенович не курит, а во-вторых, хотя предмет и был маленький, но заметно блестел, как что-то металлическое или стеклянное.

— Понятно. — Ольга задумчиво свела свои светлые брови "домиком", что наглядно свидетельствовало как раз об обратном — не ясно ей ни черта.

— Мне думается, Евгений, вам необходимо все же рассказать о данном эпизоде следователю. Чтоб снять тяжесть сомнений с души. Возможно, это яйца выеденного не стоит, но и умалчивать не советую. Лучше перестраховаться на всякий случай. Вы согласны?

— Пожалуй, да. Боюсь только, что органы меня на смех поднимут, как человека, дующего на холодную воду.

— О подобных пустяках не тревожьтесь, Евгений. Главное — выполнить свой гражданский долг, посодействовав установлению истины.

— Какими высокими категориями мыслит столь молодая особа! — почти натурально восхитился я. — Впрочем, вы, безусловно, правы. Нынче же навещу следователя, благо, его служебная карточка случайно у меня сохранилась в целости и сохранности.

— А где сейчас Рафаил? — неожиданно обеспокоилась Ольга. — В номере его нет, я недавно заглядывала.

"Узнав его настоящее местопребывание, ты бы надолго дар речи потеряла, ментовская глупышка!" — с легким сарказмом подумал я, но вслух сказал совсем иное:

— Скорее всего, на пляже. Наш сосед — крупный любитель солнечной радиации, как известно. А может, организм у Рафика устроен навроде солнечной батареи — без регулярной подзарядки нормально не функционирует. Разные странные казусы бывают у проказницы природы.

— Мне тоже давно пора принимать солнечную ванну, — вдруг вспомнила Ольга, явно порываясь меня покинуть. — Вас, Женя, с собой не зову. Как поняла, вы ведь в город собрались?

— Так точно, сударыня. Пойду выполнять свой гражданский долг. А вы непременно панаму или шляпку наденьте, чтоб головку не перегреть на солнцепеке. Очень это вредно для качественной мыслительной деятельности, как я где-то читал.

— Благодарю за заботу, — мило улыбнулась "подсадная утка" и упорхнула к себе в номер. Должно быть, спешила взять под наружный контроль Рафаила — основного на этот момент подозреваемого в убийстве бедолаги Романа Борисовича.

Я с глубоким удовлетворением констатировал, что в данном конкретном случае доблестные следственные органы все же взяли верный след. Правда, с моей оперативно-деятельной помощью. Но я не гордый — требовать валютных премий и орденских наград от МВД Украины благородно не стану. Моя врожденная скромность не позволит.

Как и обещал соседке, сразу направил личные стопы в город. Но из трех намеченных на сегодня мероприятий визит в местный РОВД значился в моем плане на непрестижном последнем месте.

В первую очередь посетил читальный зал библиотеки на набережной. Пары минут копания в справочнике вполне хватило, чтоб заиметь точный состав необходимого мне химического препарата, с аппетитно-симпатиченьким алкогольным названием.

Цыпа натурально сибаритствовал — вальяжно развалившись в гамаке, срывал с лозы над головой спелый черный виноград "дамские пальчики" и пригоршнями отправлял себе в пасть. Тащился, бродяга, в

полное свое удовольствие, короче.

На скрип калитки обернулся и, узрев шефа, в один момент дисциплинированно покинул облюбованное сетчатое ложе.

— Привет, Евгений! — бодро поприветствовал он меня, предварительно выплюнув непрожеванный виноград. — Ты что-то неважнецки выглядишь. Не выспался, по ходу? Или неприятности?

— Все путем. Спал как убитый. Просто децал простыл, — успокоил я соратника, направляясь во флигель. — Идем в дом, базар серьезный имеется.

Устроились на табуретках в кухоньке подале от хозяйских глаз и ушей. Я тут же перешел прямо к делу:

— Слушай сюда внимательно, брат. Билет на самолет сдашь и тормознешься здесь на столько дней, сколько тебе понадобится для успешного выполнения задания. Оно состоит в следующем: найдешь в городе две концентрированные кислоты — азотную и соляную. Литр азотной смешаешь с тремя литрами соляной и получишь химическую смесь под названием "царская водка". В этой штуке рыжье растворяется полностью и практически без следа. Работай очень осторожно — "царская водка" не только золото, но и твои пальчики может запросто начисто "съесть". Усек?

— Само собой. Не пойму только — к чему нам вся эта сложная катавасия? Здесь морочиться растворять золотишко, а в Екатеринбурге, как понимаю, по-новой его выпаривать? Не слишком ли трудоемкая операция? Чересчур хитромудро, считаю. В натуре, откуда ты выкопал такой замысловатый способ контрабанды? Я о нем никогда не слыхал.

— Строчишь вопросами, как из электрического пулемета, — усмехнулся я. — Похвальная любознательность в тебе вдруг проклюнулась, надо отметить. Поясняю для малограмотных: перетаскивать на себе драгметалл через две таможни сильно рискованно. Голимое палево, то бишь. А о способе узнал легко, случайно и давно — в военных мемуарах вычитал. Один ученый еврей, чтоб надежно загасить личное золотишко от гестапо, растворил его в "царской водке", и лишь после окончания войны выпарил. Все гениальное — просто, как ясно видно на данном жизненном примере.

— А что прикажешь базарить, коли таможенники заинтересуются, что везу в банках и почему они такие тяжелые, — Цыпа воззрился на меня так победно, будто не банальный вопросик подкинул, а, как минимум, неразрешимую китайскую головоломку.

— Пустяки. Таможне до гестапо, понятно, далеко, но ты будешь железно подстрахован на всякий пожарный. Береженого Бог бережет. Наше жидкое золото станешь транспортировать в двух дюжинах водочных бутылок. Вполне легально купишь в Одессе сотни полторы ящиков со спиртным и на грузовике тихо-мирно доставишь их в родной Екатеринбург. Валюты тебе на это хватит. Кстати, лучше не водку, а украинскую горилку купи. Она махом у нас в заведениях разойдется. На Урале хохлов, как собак нерезаных — не меньше, чем евреев в Биробиджане.

— А ты разве со мною не поедешь?

— Естественно, нет. Во-первых, санаторное лечение не закончил, и, во-вторых, неразумно, братишка, рисковать двумя головами сразу. Один-то справишься?

— Само собой! Гарантия! — самоуверенный Цыпа выпятил вперед подбородок. Было предельно ясно, что если сейчас даже и предложить свое общество, то соратник из гордости откажется. На это я и рассчитывал, задавая довольно провокационный последний вопрос. Приятно все же иметь дело с человеком, которого знаешь от и до.

— Вот и ладушки! — удовлетворенно подытожил я, поднимаясь со скрипучего табурета. — Встретимся снова уже в Екатеринбурге. Тут я больше не появлюсь, да и ты в "Нептуне" не светись от греха.

Менты там землю носом роют в поисках убийцы моего земляка. — На прощанье я дружески хлопнул соратника по литому плечу и посоветовал: — Сильно на виноград не налегай, не жадничай. Невоздержанность вредна для здоровья. Помни древнюю мудрость: все хорошо в меру. Удачи, браток!

В райотделе внутренних дел я тоже не слишком долго загостился. Следовательно Капорейко ни капли не удивился моему появлению в его служебном кабинете. Видно, о визите был заблаговременно предупрежден по телефону Ольгой. Под бдительным оком мента я состряпал письменное заявление, упомянув в нем не только подозрительное поведение Рафаила Вазгеновича в день внезапной смерти моего земляка, но и ежевечернюю азартную игру соседей в нарды. Без интереса — не на деньги, то бишь — в них сражаются только дураки или нищие. Ни к той, ни к другой малопочтенной категории человечества мои соседи явно не относились. Обо всем этом в доходчивой, ненавязчивой форме я и доложил доблестным следственным органам, честно выполняя свой гражданский долг.

Перед зданием санатория царил натуральный ментовский хипиш. Коли сильно по-научному сказать — ажитация.

Весь газон под лоджиями был буквально облеплен сотрудниками милиции, как сладкий пирог навозными мухами. Должно быть, шмон начался уже давненько — по мордам блюстителей правопорядка стекал обильный пот. Я даже слегка посочувствовал им где-то в глубинах души, но точное место, где валялось стеклянное вещественное доказательство вины Рафаила Вазгеновича все одно из принципа не подсказал. Пусть стараются мужики, добросовестно отрабатывая свой хлеб с салом. Никто их не заставлял выбирать себе столь нелегкую и неблагодарную профессию. Как говорится, Богу — Богово, а кесарю — кесарево. Каждому свое, то бишь.

Ольга, сколько ни рыскал я взглядом, в близлежащих окрестностях не просматривалась. По ходу, спецом где-то загасилась из соображений конспирации.

Вспомнив, что уже настало время обеда, я отправился в санаторную столовую, хотя из-за простудного першения в горле есть мне совершенно не хотелось. Но режим есть режим. Даже против желания необходимо регулярно вбрасывать в организм нужное количество питательных килокалорий, чтоб тело всегда находилось в хорошем рабочем состоянии — в любой момент готово оказать активное сопротивление наглым посягательствам на его законное место под солнцем и саму жизнедеятельность.

В столовой Ольга тоже не появилась. Ни капли не берегут менты личное здоровье, видать. Вот как раз поэтому, наверно, самое распространенное профессиональное заболевание у них — язва желудка. Несчастные бедолажки. Не понимают своими куриными мозгами простейшей вещи: на голодный желудок много не навоюешь. Эту истину, кстати, не только я подметил, но и великий русский полководец прошлого Суворов. Приходится констатировать, что менты совсем недалеко ушли от моего Цыпы — тоже, по ходу, ленятся читать на досуге поучительно-полезные военные мемуары. Так как милиция и таможня — два сапога пара, то вполне логично предположить, что таможенники о еврейском ученом и "царской водке" понятия не имеют. Парадоксально, но в некоторых конкретных случаях чужая малограмотность и плохая начитанность могут оказаться даже позитивны, как явствует из данного банального примера.

После обеда, вместо того чтоб по-умному подремать у себя в номере, я глупо поперся на пляж в надежде, хорошенько прогревшись на солнце, отделаться от простуды. Ни к чему положительному это не привело, только башка разболелась как после двухнедельного беспробудного кутежа. Схлопотал солнечный удар по темечку, наверно.

Читал где-то, что клин клином вышибать надо. При простудном заболевании пить исключительно ледяную воду, то бишь. Книжки, конечно, я сильно уважаю, но рисковать здоровьем, испытывая верность этого утверждения на личном организме, все же не стал. Посчитал более перспективным, надежным и

проверенным напитком марочный коньяк, чем простая ледяная водица.

Пару дней старательно лечился этим чисто русским алкогольно-народным способом, неукоснительно соблюдая постельный режим, но на третьи сутки мне все это надоело хуже пареной репы, и я убедил себя, что уже вполне поправился и готов к активной жизни курортника. Если и лукавил сам с собой, то самый децал. Противное першение в горле и беспорядочная стрельба в голове благополучно исчезли, осталось только ощущение усталости, да редкий сухой кашель. Пустяки, короче. Если я и подхватил в неласково-холодном море какую-то вредную заразу, то всего лишь обыкновенный бронхит, а не опасное воспаление легких.

За дни моего вынужденного коньячного затворничества Ольга ни разу в номере не нарисовалась. Я пришел к очевидному выводу, что она выписалась из санатория и вернулась на свой основной боевой пост в УГРО или прокуратуре. И правильно сделала девочка — пасти-то здесь некого. Главный подозреваемый в убийстве несчастного Романа Борисовича куда-то бесследно пропал, а моя скромная персона у органов, видно, не вызывала никакого профессионального интереса. Это замечательно, пасьянс складывается именно так, как надо.

До конца моего черноморско-санаторного отдыха оставались считанные дни, и я постарался использовать их с максимальной пользой для души и тела.

Для блага последнего познакомился с одной из столовских официанточек. Молодая брюнетка была студенткой из Симферополя, подрабатывающей здесь в каникулы. Мы довольно неплохо потрудились с ней на поприще взаимудовлетворения. Славная оказалась девчонка, жаль, не запомнил ее имени.

А для развития души и расширения образовательного кругозора посетил музей Александра Сергеевича Пушкина. Все же коллега, как-никак, необходимо было выразить дань некоторого почтения. Хотя проза мне гораздо ближе, чем поэзия, я стихотворцев уважаю. Слегка, правда.

Крупнейший русский поэт с негритянской родословной, как выяснилось, был в повседневном быту скромнягой. Проживал на втором этаже обычного серого дома в квартирке с анфиладой из трех комнат всего. Меня преследовало ощущение, что нахожусь не в квартире-музее, а в публичной библиотеке. Не из-за обилия книг — в их количестве перебора не наблюдалось. Просто на столах, защищенных стеклянными колпаками от пыли и воров, лежали всякие документы, листки со стихами, открытые старинные фолианты. Немного оживляли скучноватый интерьер несколько живописных картин, изображавших Кавказ.

Кстати, в этом же доме размещалась современная гостиница для писателей. Все-таки хохлы — явные нахалы: могли бы и чуток поскромнее место под отель в городе подобрать, не примазываться к мировой славе русского пиита.

В последний день пребывания в учреждении "Нептун" меня внимательно обследовал главврач, по своей эскулапской привычке звезданув напоследок по моей коленной чашечке. Нога дернулась вверх, но, кажется, не так припадоочно, как при первом осмотре.

— Вот видите, молодой человек! — возликовал-возрадовался выходец из Биробиджана. — Вы стали значительно спокойнее и уравновешеннее. И все это благодаря чудодейственным водным процедурам.

— Да уж, — не сдержал я усмешки. — Здешние водные процедуры мне, ручаюсь, очень надолго запомнятся...

В номере оказался живой сюрприз — только я не решил: приятный или неприятный — Ольга в милицейской форме. Ее китель украшали погоны младшего лейтенанта, как я ранее и предполагал. Небось, лишь в прошлом году юридический институт закончила.

Ольга, улыбаясь, неотрывно глядела мне в глаза, явно ожидая увидеть в них громадное изумление.

Как человек тактичный, я не стал разочаровывать нежданную гостью, сделав вид, что буквально ошарашен ее милицейским прикидом, и изобразив на физиономии удивленную растерянность, смешанную с восхищением.

— Как сами можете убедиться, Евгений, не только в ваших надуманных криминальных романах бывают крутые повороты! — звонко рассмеялась юная ментовка, забавляясь моим, безусловно потешным, выражением лица.

— Согласен, сударыня, ваша правда! Жизнь преподносит разных зигзагов похлеще любых художественных вымыслов. Выходит, вы поселились в соседнем номере совсем не случайно, а по долгу службы? Угадал?

— Сразу заметен цепкий аналитический ум писателя-детективщика, — слегка польстила мне младшая лейтенантша. — Ну да! Появилась, конечно, не для курортного отдыха. Необходимо было поближе узнать подозреваемых, разобраться в отношениях между вами и потерпевшим. Сейчас уже имею право это сказать, так как преступление можно считать раскрытым, а убийцу точно установленным. В этом есть и ваша заслуга, между прочим. Хотя, если до конца честно, я вначале больше подозревала именно вас, а не Рафаила.

— На каком основании такая честь моей скромной особе? — Я даже слегка оскорбился.

— Иногда проглядывает в вашем взгляде, Евгений, что-то хищное, холодно-жестокое. Я искренне рада, что ошиблась и убийцей оказался другой человек. Как мне стало известно, вам слишком много пришлось испытать тяжкого в жизни. Она складывалась у вас очень непросто и трудно, что, безусловно, наложило свой негативный отпечаток на внешность и выражение глаз...

Признаться, после этих слов Ольги я был не только раздосадован, но и весьма неприятно поражен. Ведь я с первого дня знакомства с ней прилагал массу усилий, чтоб в моих глазах читались лишь томная нежность и глубочайшее мужское преклонение перед ее женскими прелестями. Явно, выходит, сплеховал и сильно переоценил личные способности к обольщению слабого пола.

Впрочем, меня тут же успокоило новое убедительно-веское соображение: Ольга-то не нормальный человек, в натуре, а легавая ищейка. Поэтому все воспринимает совсем не так, как другие женщины. Неадекватно и предвзято, то бишь.

— Насчет жестокости вы грубо заблуждаетесь. Мой гуманизм уже вошел в поговорку среди близких друзей, — открыл я собеседнице сей знаменательный факт, широко известный в узком кругу лиц. — Просто, сударыня, я никак не могу привыкнуть к яркому одесскому солнцу и потому вечно щурюсь. Этим и объясняется мой, якобы, хищный взгляд.

— Очень может быть, — не стала спорить Ольга, грациозно высвобождая из объятий кресла свое восхитительно стройное тело, которое ни капельки не уродовала строго официальная милицейская форма. Скорее — наоборот.

— Уже уходите? А как же допрос? — не удержался я от легкой язвительной колкости, так как мною овладело вдруг ощущение незаслуженной обиды. Неприятное чувство полной отвергнутости, короче.

— Допроса не будет, Евгений. Я лишь на минутку заехала, чтоб проститься с вами и заодно ключ от своего номера отдать. Я ведь даже формально выписаться из санатория не успела с этими розысками Рафаила.

— Как так? — весьма натурально, как мне кажется, удивился я. — Разве сосед все еще не арестован?

— К сожалению, не успели. Думаю, он увидел, как наши сотрудники отыскиали на газоне выброшенную им пробирку из-под яда и сразу сорвался в бег. Каюсь, не предусмотрела такой вариант. Но

вам совершенно не о чем беспокоиться, Евгений, ни малейшей опасности Рафаил для вас не представляет. Скорее всего, из города его уже и след простыл. Будем объявлять во всесоюзный розыск. Рано или поздно попадется, никуда не денется.

— В таком случае, желаю удачи в поисках и не смею задерживать. — Я тоже поднялся из кресла и склонил голову в прощальном полупоклоне. — Жаль, что наши добрые приятельские отношения не переросли в нечто большее и интимное. Но выше себя все одно не прыгнешь, тут уж ничего не поделаешь. Не было суждено, видно.

— Не расстраивайтесь, Евгений, — нахальная милиционерша фамиллярно погладила меня по шевелюре, как маленького капризного пацаненка. — По-своему вы очень обаятельный и интересный мужчина, но, как это ни печально, ваш типаж не в моем вкусе. Простите.

— Между прочим, вкус приходит во время еды, — скаламбурил я, слегка переиначив популярную поговорку про аппетит. — А мы, милая Оля, так и не приступали с вами к "еде"... Крупнейшее и глупейшее упущение, считаю. Но лучше поздно, чем никогда! Посему предлагаю...

— Не надо! — бесцеремонно отбила мои галантные излияния собеседница, лукаво погрозив наманикюренным пальчиком. — Не опускайтесь до бледного уровня навязчиво занудного прилипалы, Женя. Это вам совершенно не идет, поверьте. А личную пользу и выгоду в особо крупных размерах вы от нашего знакомства уже получили и так.

— ?..

— Ну как же! Всю эту историю опишете в своем следующем криминальном произведении. Правда ведь?

— Обязательно! — вполне серьезно и ответственно пообещал я. — Даже не сомневайтесь, сударыня. Напишу все как было, я строгий реалист и в жизни, и в творчестве. Прощайте, Ольга.

— Всего доброго, Евгений, счастливого пути. Не поминайте лихом!

— Вы, драгоценная Оленька, не черт, чтобы вас помянуть. Всего лишь — молодая чертовка в форме! — Все-таки не смог я удержаться от несколько жестковатой шутки на десерт.

Моей юной пассии из обслуживающего персонала столовой поехать со мной на железнодорожный вокзал не позволил. Долгие нудные проводы терпеть не могу. Свойство характера такое.

Мне показалось, что в этот раз на вокзале было не так уж слишком многолюдно и шумно, как в день моего прибытия в Одессу. А может, я просто свыкся за две недели к обычной и повсеместной здешней суете и уже перестал обращать на нее внимания.

Железнодорожный билет я имел на тот самый скорый "Уралец", который доставил меня на черноморское побережье. Признаться, функционировала в мозгах, и еще кое-где, лучезарная, уверенно-твердая надежда, что обратный путь в Екатеринбург проведу в чудненьком обществе незабываемой красотульки Маргариты, хотя я не был в курсе графика ее работы.

Бодро шагая по плавившемуся на солнце асфальту перрона вдоль своего зеленого "Уральца", я зорко высматривал среди проводниц, производивших посадку пассажиров в вагоны, знакомое нежно-розовое личико. Мои упорные визуальные старания увенчались заслуженным успехом — Маргарита стояла у дверей тамбура восьмого вагона. На ловца и зверь бежит, как говорится.

Незаметно подойдя к вожаемой цели вплотную, брякнул мешавший свободе рук дорожный баул на асфальт и обхватил милую землячку за прекрасную милую талию, даже не пытаясь скрыть радостной улыбки:

— Здравствуй, малышка! А вот и я!

Дальше произошло дико неожиданное. Резко вывернувшись из моих ласковых объятий, Маргарита со всего размаха припечатала к моей щеке свою маленькую ладошку. Довольно болезненно-хлестко получилось, надо отметить. Хорошо хоть, что я нынче солнечные очки не надел, а то бы дорогая импортно-изящная конструкция "Лидера" разлетелась бы к чертовой матери прямо на моем фэйсе.

— Получай, господин подлец! Я тебе не проститутка! — по-змеиному свистящим шепотом заявила агрессивная особа, забавно покрасневшись лицом и швыряя мне под ноги две смятые зеленоватые бумажки. Это были те двести долларов, что я из самых лучших побуждений незаметно оставил ей в качестве прощального сувенира.

Когда я чисто машинально поднял и сунул в карман злосчастные банкноты, Маргарита уже оперативно ретировалась, скрывшись в вагоне.

Невдалеке остановилось несколько зевак, по-идиотски ухмыляясь и показывая в мою сторону пальцами. Я искренне пожалел, что в силу целого ряда объективных причин не имею сейчас приятной возможности дать по ротозеям автоматной очередью для острастки. Пришлось ограничиться малым: смерив наглецов высокомерно-холодным взглядом, я поспешно поднялся в тамбур.

Мне нередко удается демонстрировать чудеса красноречия и дипломатии, когда сильно припрет. Короче, мы с Марго благополучно помирились и по-новой самозабвенно занялись любимой научной работой — глубоким осваиванием на практике индийских премудростей "Кама-сутры".

А главное, всецело охваченный горячим и пылким научным интересом в течение всего пути до родного Екатеринбурга, я окончательно отделался от простуды. Даже кашлять полностью перестал.

Впрочем, у любой медали всегда две стороны. Нет добра без весомой толики худа, то бишь. Был во время путешествия домой и негативный момент: опять мне не удалось всласть полюбоваться из окна на проносившиеся мимо дивные ландшафты и романтично покосившиеся деревенские домишки милой сердцу провинциальной России.

Стрельба рикошетом

1

Попка Наркоша нахально стучал кривым клювом в стекло балконной двери, напоминая, что пришло время полуденной попугайской трапезы, состоящей из семян конопли. Ничего другого он почему-то в пищу не потреблял, что и обусловило его совсем не птичью кличку.

Попугая мне недавно преподнес в подарок Цыпа, зная пристрастие шефа к разным проявлениям флоры и фауны. Живой презент, впрочем, был с серьезным дефектом — бедняжка Наркоша имел покалеченную левую ножку и при ходьбе заметно хромотал, забавно переваливаясь из стороны в сторону, словно крепко поддатый.

Был у попугая и другой весомый недостаток — он ни в какую не желал селиться в клетке, предпочитая по-хозяйски осваивать всю четырехкомнатную квартиру. Очень скоро мне надоело соскребать с мебели и ковров зеленые отходы пищеварения Наркоши, и я определил попугаю новое местожительство на балконе. Он большой и довольно теплый, так как полностью защищен со всех сторон толстенными пуленепробиваемыми стеклами. А зимой можно установить на балконе электрообогреватель, а то и два.

Я щедро насыпал в деревянную миску крупных конопляных зерен из кулька и, открыв балкон, вынес привередливому пернатому его обычный злаковый обед.

К часу дня, как всегда, нарисовался верный Цыпа. По его хмуро насупленной мордахе я сразу просек, что наш пиратский фрегат опять где-то дал опасную течь.

— В чем проблемы, брат? — поинтересовался, когда мы заняли свои удобные места в теплом соседстве с камин-баром.

— Нынче тебе пить не след, Евгений, — мягко, словно извиняясь, заметил соратник, предупреждая мои дальнейшие логичные действия. — Край необходимо срочно пораскинуть мозгами, как нам быть с Бароном.

— А в чем суть? — я отвел равнодушный взгляд от нежно светившегося открытого бара, где озорно-призывно множилась в зеркалах целая батарея разнокалиберных бутылок всех цветов и оттенков. С плохо скрываемым разочарованием закурил "родопину" и откинулся в кресле, приготовившись выслушать неприятные известия.

— Если помнишь, я уже докладывал неделю назад, что куда-то исчез Химик — главный наш спец по переработке опийного молочка в героин. С тех пор о нем ни слуху ни духу.

— Это ничего плохого не означает. По ходу, отрывается братишка на шалмане с девочками. Запас порошка у нас приличный — пару недель и без талантов Химики запросто обойдемся. Пусть отдохнет всласть.

— Согласен. Но дело значительно хуже, Евгений.

— Рассказывай. Подробно.

— Всю эту неделю я ежедневно по многу раз названивал безрезультатно на фатеру Химику, а вчера не выдержал и сам поехал. Дверь его квартиры-лаборатории раскурочена и сбита с петель, а все оборудование с реактивами пропало вместе с хозяином. Следов крови, правда, не обнаружил.

— Да, не было печали... — я даже расстроился слегка. Одно утешение: это работали не менты. Иначе

майор Инин мне бы уж давно цинканул. — А с чего ты вдруг взял, что здесь как-то Барон замешан?

— Это на поверхности, как ты часто любишь выражаться, — убежденно заявил Цыпа, потряхнув своей густой рыжей шевелюрой. — Вся цыганская кодла Барона поголовно торговала лишь ханкой — опийным сырцом. Героина у цыган никогда раньше в наличии не было. А вот недавно, как я точно выяснил, порошок у Барона откуда-то появился. Да в крупном количестве. А главное, козел, сразу цену сильно сбил — всю постоянную клиентуру хочет на себя замкнуть. У нас грамм "лимон" весит, а у его братии восемьсот тысяч всего. Мы уже имеем серьезные убытки. Надо срочно что-то делать, Евгений.

Я с силой вдавил вдруг загорчившую сигарету в пепельницу-"акулу" и решительно достал из бара плоскую бутылочку "Матры".

— Полезно слегка ополоснуть мозги для их активизации, — пояснил я, отвечая на явно осуждающую гримасу соратника. — Рюмашка-другая сейчас будет очень в тему.

Накатив стопку обжигающей янтарной жидкости, я моментально почувствовал себя значительно лучше. Серая муть перед глазами куда-то благополучно испарилась, окружающие предметы стали смотреться красочно и выпукло. Тело ощущалось невесомо легким и одновременно бодро активным, как новенькое.

— Ладушки, брат. Сделаем для начала вот что: возьми Барона под плотный колпак. Главная задача: установить канал поступления к нему порошка, либо координаты цыганской лаборатории, если таковая имеется. На грубость пока не нарывайся, снижай расценки, как и он, до восьмисот "штук". Постоянную клиентуру терять нам никак нельзя.

— Сесть на его телефон? — спросил Цыпа, заметно оживляясь.

— Неплохо бы. Хотя навряд ли что-то дельное в базаре промелькнет. Барон не желторотик, а битый волчара. Но попытай счастья. Чем черт не шутит, пока Бог спит.

— Как обычно, составить список всех членов его группы? С адресами?

— Само собой. При любом раскладе может пригодиться. Действуй, братишка. А я еще чуток пораскину мозгами на досуге. Авось, какая-нибудь грамотная идея народится.

— Только, Евгений, не утопи их окончательно, — усмехнулся фамильярный Цыпленок, кивнув на распечатанную коньячную емкость. — Тебе ж вредно много пить, подожди хоть до вечера.

— Ждать и догонять — дело не наше, а ментовское! — наставительно изрек я, наполняя стопарик по новой. — А вредно, кстати, буквально все. Особенно жить в таком фатально бандитском вертепе, как наш милый Екатеринбург. До такой степени коллеги оборзели, что хоть палец с гашетки вообще не снимай! Мокруха на мокрухе и конца этому не видать!

— Как-нибудь и здесь утрясем, — прощаясь, высказался непроходимый оптимист Цыпа. — Прислать ребят на всякий случай?

— Без надобности. Я нынче никуда выходить не собираюсь. Рви когти — дело превыше всего!

Когда дисциплинированный подручный исчез за стальной входной дверью, я еще децал подегустировал золотой напиток в слабой надежде нащупать в мозговых извилинах какой-нибудь удачный козырной ход, но ничего путного из этого не получилось.

Учинять кровавую разборку с Бароном совершенно не хотелось. И не из-за каких-то, весьма свойственных мне, гуманных соображений, а просто потому, что не люблю ссориться с цыганами. С ними свяжешься — потом не развяжешься. Крепкий и спаянный у них клан, друг за друга горой стоят. Не все и не всегда, правда. Только это и обнадеживало слегка.

В два часа дня наступило время кормежки любимых аквариумных рыбок с приятно-родственным названием кардиналы. Сыпанув в стеклянную квадратную кормушку рыбьего питания из перетертых сушеных червей, я немного полюбовался на звериный аппетит сиренево-неоновых милых созданий: вечно норовящих зараз заглотить значительно больше, чем были в состоянии. Прямо как людишки.

Пора и мне чуток подкрепиться. На одном алкоголе далеко не уедешь — на кладбище разве. С унизительно-противеньким диагнозом патологоанатома при вскрытии: цирроз печени вследствие пагубного невоздержания в питии крепких спиртных напитков.

Зажарив дюжину яиц с пластиками ветчины, почти насильно заставил себя проглотить все это дело, запив светлым пивком из холодильника.

Закурив из портсигара с двуглавым орлом, устроился в шезлонге на балконе, желая предаться размышлизмам. Очень надеялся, что у Наркоши хватит птичьих мозгов и скромности на то, чтоб не заляпать дерьмом своего хозяина и кормильца. Вон он сидит, нахохлившись, на специальной рейке под стеклянным потолком балкона и подозрительно косит на меня оранжевым глазом. Станный какой-то у попки характер: недоверчиво-пугливый и — как ни прискорбно это сознавать — неблагодарный.

Впрочем, я оптимистично не терял надежд перевоспитать экзотического представителя пернатого мира. Вполне возможно, что он оценит когда-нибудь мое доброе к нему отношение и в одно прекрасное время дружески сядет на плечо хозяину. Тогда я сразу стану смахивать в некоторой степени на капитана Сильвера из "Острова сокровищ", — он с детства нравился мне за твердость характера и продуманность в действиях. Научить бы еще попугая хрипло восклицать слово "пиастры!" — сходство с пиратом получилось бы значительно заметнее. Но пока что Наркоша хранил гордое молчание, как вор в законе на допросе. А может, он просто дурак от рождения. Это и у людей совсем не редкость, что уж говорить о каких-то попугаях.

Вечером появился Цыпа, торжественно неся на своей молодой бесхитростной физиономии самодовольно-глупое выражение.

— Только мы успели подключиться к телефону Барона, как моментально выловили любопытную информацию. Вернее — очень подозрительную! — плюхнувшись в кресло, радостно похвастался соратник, закуривая вечный свой вонючий "Кэмэл".

— Рассказывай! — поморщившись, велел я и закурил благородно-ароматную болгарскую "родопину", чтобы хоть частично перебить ненавистный запах американской табачной продукции, изготавливаемой, похоже, из засушенного силоса и шелухи третьесортных кофейных зерен.

— В восемнадцать часов с копейками Барон позвонил в Пермь вот по этому телефону. — Цыпа положил на столик передо мной блокнотный листочек с накарябанным номером.

— По всему видать, что в школе ты нахально игнорировал уроки правописания, — заметил я, скептически разглядывая кособокие цифры телефона неизвестного абонента. — Четверка на девятку очень смахивает, пятерку запросто можно за шестерку принять. А семерка твоя — ну прямо близнец единицы!

— Просто я сильно спешил, — по-умному не стал обижаться подручный. — Ерунда это, Евгений. Ты вот лучше их базар послушай. Весьма подозрительный прикол у них получился.

Цыпа рывком выбросил свое тренированное тело из глубокого кресла и подошел к музыкальному центру в углу комнаты. Вставив в него магнитофонную кассету, нажал клавишу воспроизведения записи и вернулся на место.

— Привет из Екатеринбурга, Сашок! — услышал я знакомый голос конкурента из магнитофона. — Узнал, надеюсь, кто беспокоит?

— Само собой, брат. Приветствую тебя! Какие-то проблемы нарисовались на горизонте?

— Да так... — Барон несколько замялся. — Не то, чтобы проблемы, но все же... Короче, как у тебя личный график? В состоянии приехать на парочку-другую дней? Дело стоящее, не пожалеешь...

— Ясно, что по порожнякам названивать не стал бы. Тебе срочно я нужен? Верно понял?

— Пока не горит, брат. Но лучше раньше, чем позже, как любит выражаться мой заклятый друг. Большой он любитель пословиц и поговорок, кстати.

— Рубль за сто — на тебя намекает! — не вовремя встрял Цыпа, уставив в музыкальный центр свою вонючую сигарету, словно из пистолета целясь.

— Не мешай слушать, глупыш! — резко оборвал я неугомонного телохранителя, так как точно та же неприятная догадка посетила и мою голову.

— Лады. В настоящий момент я свободен по всем параметрам, — чуток подумав, глухо отозвался пермский Сашок. — Завтра в полдень прилечу, с авиабилетами здесь напряга не бывает. К тебе на фатеру подскочить, или где-то в другом месте состыкуемся?

— В другом. Не стоит тебе раньше времени светиться. Я забронирую одноместный номерок "люкс" в "Центральной" на твоё имя. Сам там появлюсь, когда понадобится. Не беспокойся — долго ждать меня не придется. Как любит выражаться мой милейший друган: ложка нужна к обеду. А обед — поимей в виду — уже начали подавать!

— Лады. Все понял. Тогда до встречи!

— До встречи!

На этом месте разговор оборвался. Я некоторое количество минут молчал, переваривая полученную информацию и деланно равнодушно попыхивая сигаретой.

Цыпа требовательно-неотрывно глядел мне в глаза, нетерпеливо ожидая реакции на прослушанный междугородный разговор.

— Ну и чего ты хипишуешь? — любопытствовал я, гася окурок в пепельнице-"акуле". — Никаких твердых доказательств, что Барон говорил именно обо мне и тем более, что это как-то нам угрожает, не просматривается. Как вижу, ты иного мнения?

— Конечно! Каждая собака в городе в курсе, что ты обожаешь разные афоризмы в базар вставлять к месту и не к месту.

— Ну-ну, браток, полегче на поворотах! — Я даже слегка оскорбился. — У меня запостоянку все к месту! И вообще: что позволено Юпитеру — то не позволено быку! Богу — Богово, а кесарю кесарево, так сказать.

— И на что ты намекаешь, Монах? — обиженно заморгал пушистыми ресницами Цыпленок, скривив губы в перевернутый "рожками" вниз месяц. — По-твоему, я бык?

Мне сразу стало его жалко где-то в глубине души. Чтоб немного подбодрить верного телохранителя, я ткнул кулаком в его литое плечо и дружески подмигнул:

— Ладушки! Забудь! Здесь я и верно не в тему сморозил, искренне каюсь. Как догадываюсь, ты уверен, что Барон вызвал наемного убийцу по мою бедную душу? Так?

— Гарантия! — тряхнул рыжей шевелюрой Цыпа, снова приобретая свой обычный амбициозный вид.

Вот за это я его и люблю — не злопамятен соратник ни на децал и очень быстро оттаивает-отходит, не таит за душой камень-обиду, как большинство людишек. Впрочем, может, у него просто нет души. При его

практически ежедневной костоломной работе ничего удивительного.

— Ладушки, брат! Что конкретно предлагаешь?

— Необходимо, Евгений, сделать какие-то срочные упреждающие шаги для страховки. К примеру — шлепнуть и Барона и пермского гостя.

Я понимающе улыбнулся. Ну ясно, можно было даже и не спрашивать. У этого законченного бандита запостоянку только мокруха на уме. Кто о чем, а голый все о бане, как говорится.

— Скоропалительных — как в прямом, так и в переносном смысле — решений принимать не будем, — с тонким юмором отверг я задумку соратника. — Сперва выясним, кто почем. Кто есть ху то бишь. Тем более, что сделать это для нас сущая пара пустяков.

Я поднял телефонную трубку и набрал домашний номер старшего оперуполномоченного Инина. Когда услышал в мембране знакомый глубокий голос, доносившийся словно с самого дна желудка, сразу взял быка за рога:

— Добрый вечер, майор! Это я. Вот какое дельце — пробей по ведомственным каналам, кому принадлежит данный телефонный номер в Перми, — я взял блокнотный листок и продиктовал корявые Цыпины цифры. — Сможешь? Ладушки! Меня интересует некий Александр. Жду результата завтра не позднее десяти утра. Удачи!

Вернув трубку на положенное место, улыбнулся верному костолому:

— Это лишь первый из упреждающих шагов. Но будут и другие. У меня вчерне уже родился нехилый план. Поехали в клуб, навестим нашу ненаглядную красотку Мари!

Уже через два десятка минут мы входили в помпезно высокие кованые двери моего ночного заведения "У Мари".

Номинальная хозяйка, а точнее — главная и единственная стриптизерка клуба Мари находилась в своем кабинете-будуаре на втором этаже. Валялась, как обычно, в розовой шелковой пижаме на соблазнительно широкой софе и листала иллюстрированный журнальчик, рекламирующий последний "писк" моды: от парфюмерии и шмоток до автомобилей и роскошных особняков.

Года три назад я был ею по-настоящему и сильно увлечен. Даже, признаться, идиотская мысль о женитьбе появилась в мозгах и требовательно просилась на язык. Но я сумел удержать глупую идею при себе, вовремя разобравшись, что Мари точно такая же меркантильная сучка, как и все остальные представительницы прекрасного пола, встреченные мной на жизненном пути.

Приличные женские особи сохранились, наверно, только в глухих таежных деревнях Сибири. Но по своей воле отправляться туда в мои планы почему-то никогда не входило. В натуре. Ей-богу то бишь.

— Поторопись, детка. Скоро твой выход, а ты не готова, — мягко попенял я, устраиваясь на пуфике у софы. Цыпа по привычке тормознулся у двери, подперев мощным плечом косяк.

— Женечка, я парочку дней работать стриптиз не смогу, — жалобно глядя мне в глаза, сказала Мари. — Месячные у меня начались. Прости, что не предупредила.

— Ладно, раз такое дело, — великодушно кивнул я, закуривая "родопину". — Выходит, зря на тебя рассчитывал.

— Ну что ты, Женик! — отбросив журнал в сторону, Мари села на софе как капризная холеная кошечка. — Если господин Цепелев скромно выйдет за дверь, то я с радостью удовлетворю тебя оральным способом. Ты же всегда восхищался, как я классно минет исполняю!

— Да нет, ты не поняла. Речь совсем о другом, — усмехнулся я. — Просто хотел задействовать тебя в одном завтрашнем мероприятии. Впрочем, клиент, коли не дурак, тоже сможет по достоинству оценить твои милые оральные таланты. Короче, слушай сюда, малышка: подбери в клубе с дюжину девчонок из нашего контингента поинтересней и погрудастей. Самых крутобедрых — чтоб от их "станка" мужику глаз было не отвести. Усекла? Вместе с ними заявишься завтра к полудню в гостиницу "Центральная". Я тоже там нарисуюсь и покажу "объект", которого надо соблазнить. Думаю, хотя бы одна из клубных красоток сумеет взять его в оборот. Ну а если он импотент и не клюнет на приманку — ему же хуже... Ладно, нам пора обрываться. Ты все хорошо поняла?

— Ну конечно, Женечка! Обычное дело, — Мари капризно надула свои чуть припухлые губки "бантиком". — Может, удержишься хоть на самую чуточку? Обещаю — останешься доволен...

— В другой раз, детка. Нужно еще одно дельце до утра проверить. Удачи, милая зеленоглазка! Стань королевой завтра на моей шахматной доске! Очень на тебя с девочками рассчитываю!

— А сейчас давай гони в "Центральную". Нажмем слегка на управляющего, — сказал я, когда мы устроились в "мерсе" — Цыпа за рулем, а я, как всегда, на заднем сиденье.

— Считаю, что надо ребят туда подтянуть, — угрюмо заявил телохранитель, включая зажигание.

— Зачем? — не врубился я.

— Для полной гарантии твоей личной безопасности.

— Но ведь ты же со мной!

— Этого мало. У "Центральной" серьезная "крыша" — армянская группировка. Без надежной страховки соваться туда — себе дороже, Евгений!

— Ерунда! — отмахнулся я. — Мы ведь не доить управляющего едем, а лишь побеседовать по душам. Не дуй на воду, браток. Поехали!

— Как знаешь, Евгений, я тебя конкретно предупредил. У меня даже запасной обоймы нынче с собой нет. Поимей в виду.

— Что имею, то и введу! — плоскогато сострил я, чтоб немного приободрить слишком уж нервного соратника. — Погоняй лошадей давай, перестраховщик!

Цыпа явно хотел еще что-то сказать, но передумал и тяжело вздохнул, смирившись с неизбежностью. "Мерс" рывком снялся с прикола на автостоянке и вылетел на трассу, вливаясь в общий поток.

Нужное мне четырехэтажное произведение гостиничного искусства располагалось недалеко — всего в нескольких кварталах от клуба.

У двойных стеклянных дверей гранитным монументом стоял солидный швейцар с чисто военной выправкой. Небось, какой-нибудь бывший полковник-строевик, досрочно уволившийся из армии в запас из-за хронической невыплаты денежного довольствия. Да, натворили дел в матушке России горбачевско-ельцинские реформы не слабее татаро-монгольского нашествия.

Углядев, что мы прибыли на "Мерседесе", швейцар угодливо склонился в поклоне, предупредительно открывая перед нами двери. Быстро же гордость нации — защитники Отечества, то бишь — превращаются в холуев. Впрочем, у них есть смягчающее обстоятельство: голод не тетка.

Пришлось по доброте душевной сунуть в верхний нагрудный карман швейцарской ливреи денежную купюру "на чай".

В обширном холле гостиницы никого кроме портье за стойкой не наблюдалось. Непростительная

беспечность в наше суровое время. Охрана здесь явно на весьма низком уровне, а глупый Цыпленок пытался лепетать мне о какой-то опасности, кретин.

Портье выглядел совсем не внушительно — худосочный, плюгавый тип с полусонными рыбьими глазами навывкате. Отлично зная, как находить общий язык с такого рода никчемными людишками, я сразу выложил перед ним двадцатидолларовую бумажку. Убедившись, что он ее разглядел, я прикрыл баксы ладонью:

— Кто из руководства гостиницы сейчас на месте?

— Фельдман Борис Николаевич, первый заместитель генерального директора.

— Как к нему пройти? — спросил я, подумав с легким сарказмом: до чего все же наши евреи наострились под русских грамотно канать — и имя и отчество почти у всех российских иудеев славянские. Такие вот пройдошистые прохиндеи.

— А вы по какому вопросу, господа? — портье вежливо, но пытливо уставился мне в глаза.

— По личному, милейший, по сугубо личному! — усмехнулся я и придвинул к собеседнику зеленую купюру. — Так как найти уважаемого Бориса Николаевича?

Плюгавый цербер задумчиво поглядел на двадцатку:

— По личным вопросам господин Фельдман принимает с десяти до одиннадцати. Приходите завтра.

— Но ведь сейчас всего лишь половина одиннадцатого! — подал голос нахально-находчивый Цыпа, сунув свой пудовый кулак с часами на запястье под нос портье. — Сами гляньте!

— Правильно, — спокойно согласился тот, почему-то даже не отстранившись от мощного Цыпиного "аргумента". — Но пол-одиннадцатого ночи, а не дня.

— Не будьте таким заплесневелым зашоренным формалистом. Это, между прочим, давно не модно! — Я мило улыбнулся и положил на первую купюру вторую, но уже повыше достоинством — полусотню.

Портье, наконец-то, перестал кочевряжиться и, смахнув баксы со стойки себе на стол, констатировал, скромно потупя взор:

— Вы очень убедительны, господа. Бориса Николаевича найдете на втором этаже в комнате под номером двадцать два.

Поднявшись по широкой лестнице с ковровым покрытием на нужный этаж, мы быстро отыскивали номер хитромудрого русского еврея.

Дверь оказалась не запертой. Комната была ярко освещена. Горели не только хрустальная люстра под потолком, но и три настенных бра. Прямо праздничная иллюминация нас встречала. Я посчитал это за хорошее предзнаменование.

Господин Фельдман выглядел точно так, как я себе и представлял: излишне полноватый, с заметной проседью в рыжих волосах, с лоснящимся, гладко выбритым лицом и ушами-"пельменями". В добротном твидовом костюме и розовой рубашке без галстука. Он вальяжно сидел в одном из кресел, окружавших круглый стеклянный стол и весело блестел на нас своими агатовыми глазами.

— Проходите, господа, не стесняйтесь! — полуулыбнулся Борис Николаевич, совсем не удивившись неожиданному вторжению. — Что за проблемы привели вас ко мне в столь неурочный час? Присаживайтесь, Евгений Михайлович, вместе со своим спутником и почувствуйте себя как дома.

— Вы меня знаете? — слегка опешил я.

— Разумеется! — ухмыльнулся хозяин гостиничного номера. — Кто же не знает владельца стриптиз-клуба "У Мари" и отеля "Кент"? Даже наш портье помнит вас в лицо! Вы в городе личность очень известная, господин Монах, не надо скромничать!

— В натуре? — Я даже немного расстроился, но сделал вид, что весьма доволен личной популярностью. — В таком случае, мы легче пойдем друг друга и, уверен, сможем договориться.

Я уселся в кресло напротив Фельдмана, Цыпа последовал моему примеру.

— Очень интересно! — без всякого энтузиазма отозвался Борис Николаевич, прищурившись. — Даже архиинтересно! И о чем же, дорогой Евгений Михайлович, вы желаете договориться? Надеюсь, не о том, чтоб стать куратором нашей гостиницы? Хочу сразу поставить вас в известность, что этот финт не пройдет. Вы, безусловно, человек с серьезной репутацией, но и мы не лыком шиты, господин Монах!

"Вот морда иудейская! — в сердцах подумал я, сдерживая сильное раздражение, рвавшееся наружу. — Далась ему моя кликуха!"

Одарив собеседника своей коронной доброжелательной улыбкой, вложил в голос самые убедительные ноты:

— Борис Николаевич, вы совершенно напрасно так нервничать изволите. Никто рэкетировать вас, любезный, не собирается, уж поверьте слову серьезного — как сами утверждаете — человека.

С лица Фельдмана заметно спало мускульное напряжение, взгляд из пристально-настороженного стал просто внимательным, только что прямая спина снова расслабленно вернулась в мягкие объятия кресла. Он даже задумчиво покосился на компактный холодильник-бар в углу комнаты, видно, гостеприимно желая предложить нам выпить. Но почему-то передумал, козел.

— Так о каком предмете вы хотели со мной потолковать, уважаемый Евгений Михайлович? — уже совсем иными словами и другим тоном переспросил заместитель гендиректора.

— Суший пустяк, Борис Николаевич! — заверил я, для пущей убедительности подняв ладони вверх. — Яйца выведенного не стоит, в натуре!

— Очень интересно, — вяло отозвался Фельдман. — А можно как-то конкретизировать?

— Пожалуйста! Ваше заведение славится в городе чисто пуританскими нравами — даже в ресторацию девушку без сопровождающего спутника не пускают. Ну это не мое, в общем-то, дело. В чужой монастырь со своим уставом не лезут. Претензий никаких не имею, но просьбочка одна-единственная есть в наличии.

— Любопытно, — Фельдман подозрительно уставился в мое честное лицо. — И какая же именно?

— Прошу разрешить завтра приход на территорию гостиницы нескольких наших девчат. Для меня это жизненно важно, а вам никаких особых хлопот, уверяю, они не доставят. Будут вести себя натуральными пай-девочками. Я даже готов заплатить наличными за такую маленькую, но дружескую услугу. Подумайте — вы же деловой человек!

— Для какой цели это нужно? — сухо поинтересовался Фельдман, закаменев лицом. Тоже мне, сфинкс задрипанный на Урале нашелся!

Сдерживая усмешку, я, ни секунды не колеблясь, честно и открыто пояснил:

— Для личной, Борис Николаевич, для сугубо личной! Большого, к великому сожалению, сказать не вправе. Уж простите великодушно.

— Ну что ж. Ваше законное право не вдаваться в мотивы и подробности. Но в таком случае я

вынужден внести полную ясность по существу: ваше предложение совершенно не приемлемо! — отрезал заместитель гендиректора. — И не из-за моего к вам какого-то предубеждения, а просто потому, что такие вопросы единолично я не решаю, — явно передразнивая, он язвительно добавил: — Уж простите великодушно, любезный Евгений Михайлович, но ваш "сущий пустяк" не в моей компетенции. Уж поверьте слову делового — как вы сами утверждаете — человека.

Я было собрался откровенно и без лишней интеллигентной дипломатии высказать наглому старому еврею все, что о нем думаю, но вовремя сдержался, уловив какое-то подозрительное движение за спиной.

Быстро оглянувшись, убедился, что милая интуитивная осторожность и на этот раз меня не подвела. Хипишевать в данной ситуации было бы бесполезно и даже глупо-смешно. Да и опасно, по ходу.

В комнату вошла, по-кошачьи неслышно ступая в своих темных кроссовках "Рибок", целая группа, состоящая из четырех молодых людей в одинаковых серых костюмах. Кроме "прикида" четверка имела еще две, внешне их роднящие отличительные черты — все ребята были черноволосы и атлетически сложены.

Цыпа, не растерявшись, тут же сунул в рот сигарету и, будто в поисках зажигалки, зашарил по карманам, расстегнув, между делом, куртку, чтоб освободить руке доступ к верному крупнокалиберному "Стечкину" под мышкой. Молодец, ничего не скажешь. Школа Монаха.

К сожалению, лично мне расстегиваться не имело никакого смысла: нынче я совершенно случайно оставил "шпалер" дома, в чем сейчас остро раскаивался. Никогда не стоит беспечно забывать, что вечный закон подлости не дремлет и только и ждет подходящего момента, дабы посильней подгадить человеку.

К счастью, трудная ситуация не успела перерасти в необратимо-фатальную.

Дверь снова раскрылась, впуская Тенгиза — одного из тех немногих армян, которых я имел сомнительную честь знать. У меня прямо гора с плеч свалилась.

— Монах? — не смог скрыть искреннего удивления мой черноволосый знакомец. — Что ты тут делаешь?

— Да вот шел мимо, дай, думаю, навещу хорошего человека, — усмехнулся я. — Как твой дядя Армен поживает? Здоров и бодр, несмотря на свой преклонный возраст?

— Дядя в полном порядке, — не захотел вдаваться в семейные подробности племянник, недовольно встопорщив усики над верхней губой. Не оглядываясь, махнул рукой своим подручным — свободны, мол.

Четыре живых зубодробительных механизма покинули комнату так же быстро и бесшумно, как и проникли в нее.

— А мне передали, что "синие" внаглую наезжают на заведение! — откровенно признался-посетовал Тенгиз, присаживаясь к нашему круглому стеклянному столу. — Кретины! Так каким ветром, Монах? И что тебе надо от Бориса? Говори прямо, как мужчина мужчине.

Я повторил давешнюю личную просьбочку насчет завтрашнего присутствия в гостинице нескольких моих девочек.

— Обещаешь, что клиентов они клеить здесь не будут? — уточнил дотошный Тенгиз.

— Ручаюсь! Разве что одного...

— Ясно. Незаметно берешь какого-то кадра под плотный колпак? — ухмыльнулся достойный сын армянского народа. Хотя, это меня не колышет. Главное, чтоб вреда заведению не было.

— Об этом можешь не беспокоиться, — заверил я. — Все будет культурно-интеллигентно. Ты ж меня

знаешь!

— В том-то и дело, — с явным сомнением поглядел в мои честные глаза племянник Армена. — Ну да ладно, рискну. Обеспечу нескольким твоим проституткам беспрепятственный проход. Кстати, сколько это сколько?

— Не более чертовой дюжины, — скромно отозвался я.

— Ого! Узнаю размах. Хорошо! Сделаю, раз уж пообещал. Больше просьб нет?

Я махом просек прозрачный намек и стал прощаться. Фельдману руку пожимать не счел нужным, глядя на его хмурую, недовольную морду. Заместитель гендиректора, злорадно ожидавший совсем иного финала переговоров, был явно разочарован. Козел — нечего добавить.

Когда мы с Цыпой выходили из гостиницы, я, дружески улыбаясь, подмигнул съезжившемуся за стойкой портье:

— Что, землячок, одновременно на два фронта умудряешься работать? Очень чревато это для здоровья, между прочим. Как родного предупреждаю. Ладно, живи. Пока.

— Куда едем? Домой? — спросил Цыпа, с полоборота заводя наш мощный "мерс".

— Само собой! — зевнул я, культурно прикрыв пасть ладонью. — Завтра тяжелый день. Необходимо хорошенько выспаться.

Но наивная лучезарная надежда в скором времени блаженно уронить голову на пуховую подушку не оправдалась — вечный закон подлости.

Подъезжая к моему дому, Цыпа вдруг весь напрягся и резко сбавил скорость до черепашьей, положив "Стечкин" себе на колени. Я сразу понял, что так обеспокоило телохранителя. У моего подъезда стоял "жигуль" с зажженными габаритными фарами и работающим мотором, но с поразительно темным салоном. Машина явно незнакомая — "серебряного" цвета. Впрочем, неровный лунный свет мог превратить в "серебро" любую светлую "тачку".

Я присмотрелся к номерным знакам и облегченно откинулся на сиденье. Цыпа уже передергивал затвор своего АПС, но я остановил его суетливые приготовления:

— Все путем, брат. Это колеса нашего опера Инина.

Наглядно подтверждая мои слова, хлопнула дверца "Жигулей" и к застывшему "мерсу" бодренько зашагал майор, одетый в гражданский "прикид".

— Ладушки! Отдыхай, Цыпленок. Жду тебя утром к десяти. Счастливо!

Я тоже покинул машину и пошел навстречу представителю лягавого племени.

— До утра ждать не рискнул. Слишком горячая информация, — отвечая на мой немой вопрос, объяснил свой поздний визит опер. — Поднимемся к тебе?

— Давай.

Когда мы заняли привычные места в гостиной у камин-бара, Инин как-то странно поглядел мне в глаза.

— Сначала поделись, Евгений, что за каша заваривается? Откуда у тебя взялся тот пермский телефонный номер?

Темнить особого резона я не видел и рассказал майору весь расклад, не уточняя, правда, из-за чего у нас возникли трения с Бароном.

— Теперь все стало на свои места, — задумчиво протянул опер, грея в лапах уже вторую стопку с "Наполеоном". — Насчет данного номерка есть весьма интересные новости...

— Хорошие? — полюбопытствовал я, невольно настораживаясь.

— Как сказать... Решай сам. — Инин выудил из внутреннего кармана пиджака ксерокопированный бумажный лист. — Вот, полюбуйся, Монах! Знакомая личность?

С листка на меня смотрела фотокопия обритого наголо мужика средних лет. Довольно специфическое фото — выполнено и в анфас и в профиль. Должно быть, в следственном изоляторе. Почему-то я с первого взгляда почувствовал к данному представителю "спецконтингента" смутную неприязнь.

— Что за тип?

— Это Александр Григорьев по кличке Григорий. Несмотря на свои тридцать пять лет, уже успел попасть в категорию особо опасных рецидивистов. Причем отрабатывается исключительно "по-мокрому". Давно должны были "к стенке" прислонить, но хитер, волчара, — доказать его причастность к умышленным убийствам органам никогда не удавалось. Два раза отсидел за "неосторожное" убийство и один раз за "превышение пределов необходимой обороны" со смертельным исходом. Хотя всем ясно, что это были заказные "мокрухи". Отличные у Григория адвокаты, надо признать.

— Ну и зачем ты мне этого профи показал? — полюбопытствовал я, с невольным уважением снова взглянув на двойное фото коллеги.

— Не догадался еще? — ухмыльнулся опер, по-хозяйски наливая себе полную рюмку любимого марочного коньяка из бара. — Это ему, голубчику, позвонил Барон, срочно вызвав в Екатеринбург для работы. Для какой именно — сам должен понимать, Монах.

— Это на поверхности, майор, Барон надумал кого-то "заказать". Впрочем, кажется, я знаю, за чью голову Барон, сука, приз назначил...

— Я тоже догадываюсь, — опер мелкими смакующими глоточками опорожнил рюмку, не сводя с меня внимательно-цепкого взгляда своих прищуренных глаз. — Но кто предупрежден — тот вооружен. Уверен, что и с этим кадром ты благополучно справишься. Кончай его прямо в аэропорту — и вся недолга.

— Мысль дельная! — кивнул я, доставая из бара вторую рюмку. — Обмозгую на досуге. Время у меня еще есть в наличии.

— Не так уж его и много! — напомнил старший оперуполномоченный, наполняя наши рюмки. — Григорий уже сегодня днем прилетает, как ты сказал. Так что активней шевели извилинами, Монах, пока не поздно и есть чем шевелить.

Мы дружно выпили за упокой души Григория и стали прощаться.

— Фотографию я обратно заберу от греха, — опер аккуратно сложил ментовскую ксерокопию вчетверо и сунул к себе в бумажник. — Думаю, ты отлично запомнил объект и ни с кем не перепутаешь, когда возьмешь цель в прорезь прицела. Удачи!

— Тебе того же и по тому же месту! — по привычке съюморил я, хотя настроение было паршивое и шутить совершенно не хотелось.

Когда остался один, некоторое время еще интимно пообщался с початой бутылкой, а затем занялся любимым привычным делом — нежно обихаживать своего самого надежного подручного — длинноствольный малокалиберный пистолет системы Марголина. Старательно смазал машинным маслом пусковой механизм и ствол, почистил от пороховой гари цилиндр глушителя, заменив в нем обгоревшие войлочные прокладки на новые. Милый "братишка" благодарно-ласково прижимался к ладони

рифлеными "щечками" рукоятки и матово блестел воронением, выказывая полную готовность хоть сей момент радостно приступить к выполнению своих, смертельных для кого-то, обязанностей.

— Чутко помайся без своей любимой работы, — улыбнулся я, укладывая безотказный пистолет обратно в тайник под валиком дивана. — Но очень скоро ты сможешь на деле доказать свою преданность. Железно обещаю, братишка!

Как всегда, общение с моим главным огнестрельным "аргументом" мигом привело в прекрасное расположение духа, вселив твердую уверенность в благополучном исходе и этой, намечавшейся разборки с профессиональным ликвидатором и с Бароном, не только нагло сократившим личные доходы моей организации, но и пожелавшим сократить даже мой жизненный путь. Банальная история — во всем виновата неумная тупая алчность, свойственная примитивным человеческим слабостям, к коим, несомненно, принадлежит и негодяй Барон.

2

И фраеру понятно, что манера зажигать спичку для личной сигареты преотлично характеризует человека.

Но данный индивид чиркнул в свою сторону, что говорило о замкнутости и даже рискованно-глупой натуре и плохо вязалось с полученной оперативной информацией, что это матерый наемник-профи, прибывший из Перми для ликвидации моей скромной особы.

Я подал знак ребятам, чтоб не светились раньше времени, и позволил рыжему Григорию благополучно взять такси и спокойно отчалить из аэропорта с полным сохранением всех жизненных функций его долговязого организма.

Маршрут гостя Екатеринбурга был мне заранее известен, и поэтому я совершенно не опасался потерять его машину в интенсивном потоке городского транспорта.

Наш "мерс" и "волжанка" держались на почтительном расстоянии от такси, не желая привлечь к себе ненужное внимание залетного киллера. Хотя он и зажигает спичку чисто по-идиотски, но навряд ли на самом деле идиот — раз так грамотно уходит от ответственности за свои многочисленные "мокрые" художества. Вполне может сейчас по-умному страховаться в зеркальце заднего обзора.

Как я и предполагал, такси остановилось у гостиницы "Центральная", высаживая единственного пассажира. Григорий, не глядя по сторонам, сразу скрылся за высокими парадными дверями отеля. Я скорым шагом последовал за ним, оставив Цыпу с четырьмя мальчиками прохладиться пока в машинах. По моей задумке, они должны были вступить в дело лишь в крайнем случае.

Я успел вовремя — господин Григорьев как раз предъявлял паспорт портье, заявляя, что имеет бронь на одноместный номер "люкс". Сверившись с книгой регистрации постояльцев, служащий гостиницы без лишних слов выдал приезжему ключ, на круглом брелоке которого была отчетливо проставлена черной краской цифра 15. Ну что ж, можно с удовлетворением констатировать, что один небольшой вопрос — номер "люкса" Григория — благополучно и скоро разрешился.

В холле "Центральной" царил маленькое женское столпотворение. Как я визуально определил, практически все представительницы прекрасного пола принадлежали к специфическому контингенту нашего ночного стриптиз-клуба "У Мари". Сама Мари также находилась здесь — сидя в кресле, сосредоточенно-внимательно листала какой-то глянцевого журнала, бросая на меня короткие взгляды своими бесподобными изумрудными глазками.

Так как Григорий уже топал по широкой лестнице на второй этаж, я без опаски подошел к Мари и уселся в соседнее кресло из казенного дерматина.

— Обратила внимание на долговязого рыжего типа в замшевой куртке? Сейчас он поднимется в свой пятнадцатый номер.

— Естественно обратила, Женечка. Ты так на него кровожадно смотрел, будто живьем проглотить собрался. Вместе с курткой причем! — ответила нахальная девчонка, мило мне улыбаясь.

— Вот и отлично! — не стал я глупо сердиться на колкую фамильярность подруги дней моих суровых. — Зовут его Александр Григорьев. Весьма опасный кадр, учти.

— Все твои друзья и знакомые обычно очень опасные люди, — не в бровь, а в глаз заметила беспечная Мари. — Это меня ни капельки не волнует, давно уже привыкла, Женик. Я вот только одного не пойму — чего ты на самом деле хочешь? Чтоб я ублаготворила все его интимно-похотливые причуды и

выведала какой-то важный секрет?

— Мне секреты господина Григорьева без особой надобности. Уже их знаю в общих чертах. Все значительно проще, детка. — Я вынул из внутреннего кармана кожанки стеклянный пузырек с мутноватой жидкостью. — Вот возьми. Это лошадиная доза этаминала натрия. Нужно, чтоб наша девочка, которую подцепит постоялец пятнадцатого номера, ухитрилась как-нибудь подмешать снотворное ему в питье. Всего-то и делов, как говорится.

— Ну, это я и одна запросто могу устроить. Совсем ни к чему столько наших девушек в данное предприятие посвящать, — заявила Мари, чрезвычайно меня удивив.

Я только не просек, что конкретно поразило меня больше всего — то ли ее неслыханная самонадеянность, то ли предусмотрительная осторожность.

— Ты уверена? — Я даже не считал нужным скрывать ноту сильного сомнения в голосе.

— Ну конечно, Женик. Я тут успела переговорить с господином Тенгизом, начальником службы безопасности гостиницы. Он твердо пообещал предоставить мне при надобности униформу горничной или официантки. Григорьев твой, наверняка, ведь обедать будет — либо спустится в ресторан, либо закажет обед в номер. И в том и в другом случае я его обслужу лично. Так что без всяких хлопот снотворное попадет по назначению.

— Почему Тенгиз вдруг так расщедрился? — подозрительно прищурился я, ощутив неожиданный укол ревности в глубине души. — По ходу, ты ему подвернула, да? Или ублажила иным способом?..

— Не будь таким любопытным, Женечка! — слегка смутилась моя пассия, очень мило порозовев щечками. — Тебе это совершенно не идет, ты же интеллигентный человек!

— Ладушки, — как-то враз остыл я. — Дело превыше всего. Благодарю за полезную инициативу. Отпускай своих девчонок восвояси и действуй сама. Убежден — справишься в лучшем виде. Когда объект благополучно вырубится, позвонишь мне на фатеру. Удачи, малышка! Ни пуха тебе, ни пера!..

— Иди к черту, Женечка!

Базарить больше ни о чем не хотелось. Признаться, у меня децал испортилось настроение от сознания того прискорбно-очевидного факта, что вариант Мари оказался значительно качественнее моего собственного. Ну, да ладно. Женщины всегда были горазды на разного рода военные хитрости. Это у них в крови, по ходу. А на природу сердиться вообще никакого смысла нет. Совсем беспонтово, то бишь.

Когда мы с Цыпой приехали на мою квартиру, я уже почти успокоился. Да и рюмашка хорошо выдержанного марочного коньяка сыграла свою обычную благотворную роль.

Ребят из "волжанки" приглашать к себе не считал нужным. Я редко зову к себе в квартиру подозрительные личности с явно протокольными рожами.

— Кстати, Цыпа, морды у твоих мальчиков малознакомые какие-то. Ты где их откопал? Они надежны?

— Вполне. Самые головасто-мозговитые из наших ребятишек. И отпетые — пробы ставить негде! — похвастался телохранитель, закуривая свой ядовитый "Кэмел". — За приличные "бабки" без лишнего разговора пришьют любого. Даже друг дружку.

— Ничего не скажешь — ценные кадры! — язвительно заметил я. — Таким мальчонкам палец в рот и на минуту положить нельзя!

— Не переживай зря, Евгений! — ухмыльнулся Цыпа, блестя небесно чистыми глазами младенца. — С ребятами все ништяк. Неприятных "головняков" от них не жди. Гарантия!

— Ладно. В данном случае тебе видней, — согласился я, обеими руками отмахиваясь от перистых облаков вонючего сигаретного дыма. — Хватит отравлять мои личные апартаменты! Давай лучше в нардишки сразимся, пока суть да дело!

Все мысли в моей голове крутились вокруг Мари с Григорием, и это тут же пагубно сказалось на игровых способностях. Партию я продул с треском. Хорошо хоть, что без унижительных "марса" и "кекса". Нарды требуют к себе уважения и сосредоточенности, ничего не напишешь.

Цыпленок был на вершине блаженства, в полном восторге от выигрыша. Радовался как пацан-малолетка, в натуре. Оно и понятно — на сотню партий со мной удача выпадает ему не чаще пятнадцати раз.

Начатую вторую партию явно ожидала неприглядная участь первой, но мое самолюбие очень вовремя спасла мелодичная трель ожившего телефона. Звонила крошка Мари, сообщившая, что все в полном порядке. Велев ей ждать нас на автостоянке у гостиницы, я повесил трубку.

— Надо ехать, — сообщил я разочарованному Цыпе, с удовлетворением захлопывая доску с нардами. Встав с кресла и подойдя к дивану, высказал мысль вслух: — Ну вот, братишка, пора просыпаться и приниматься за работу!

— Я не сплю. И к работе завсегда готов, — недовольно отозвался соратник.

— Это я не к тебе обращаюсь, — усмехнулся я, вынимая из-под валика дивана любимый длинноствольный шпалер с навинченным глушителем. — Вот он: мой верный десятизарядный "братишка" по прозвищу Марголин.

— Станный ты, Евген. С простой железякой огнестрельной разговариваешь чисто как с человеком. Между прочим, я со своим "Стечкиным" никогда не базарю.

— И напрасно, Цыпленок! Когда-нибудь он всерьез обидится и отомстит осечкой в самый ответственный момент. Либо перекося патрона даст. Все предметы имеют душу и даже индивидуальный характер — наука этот факт уже точно доказала. Сам лично в одной брошюрке об этом удивительном феномене читал.

— В натуре? — изумился Цыпа, вытаскивая из наплечной кобуры тяжелый двадцатизарядный "Стечкин" и глядя на него, как баран на новые ворота. — Ну тогда я буду звать его Братан, чтоб у нас с тобой одинаково не получилось. Ты уж прости меня, Братан, я ж не в курсах последних научных открытий. Клянусь: уважаю тебя не меньше, чем Евген своего Братишку!

— Ладно, кончай с простой железкой огнестрельной в нежной любви объясняться! — рассмеялся я. — Рвать когти пора. Мари уже заждалась, поди.

Когда подъехали к автостоянке у "Центральной", я сразу засек Мари на тротуаре. К ней приставал какой-то полупьяный бугай, явно принимавший нашу элитную стриптизерку за обыкновенную уличную шлюху.

Мари отворачивалась от настырного верзилы, но с места уйти не решалась. Ответственно-дисциплинированная девочка, ничего не скажешь.

Махнув ребятам, чтоб оставались в "Волге", мы с Цыпой подошли к Мари.

— Полиция нравов! — представился я, козырнув, хотя на мне не было никакого головного убора. — Что здесь происходит, сударыня?

— Вот этот тип пытается насильно склонить меня к половому акту. Сто долларов сулит, морда пьяная! — не растерялась Мари, указуя праведным перстом в эту самую морду.

— Как мыслишь, сержант? — повернулся я к Цыпе. — Может, гражданина в отделение доставить за грубое нарушение общественного порядка? Пусть немного охолонет у нас в клетке.

Как я и предполагал, верзила моментально растворился в пространстве, не дожидаясь решения своей участи. Словно корова языком слизала.

— Как наш подопечный? — улыбнулся я Мари, потрепав ее по нежной щечке.

— Все нормально. Господин Григорьев заказал обед в номер. Я ему его доставила. Весь пузырек в чай вылила. Клиент дрыхнет без задних ног, вот ключ.

— Молодец! Возвращайся в клуб, вечером увидимся. Кстати, как твои месячные?

— Уже в норме, — слегка засмущалась стриптизерка. — Закончились практически.

— Тем более увидимся! — пообещал я и, не удержавшись, шлепнул Мари по ее главной, выпирающей из джинсов, достопримечательности. — Ступай с Богом, детка. Дальше уже сугубо наше дело.

За стойкой в холле гостиницы, успев смениться, восседал другой портье — вчерашний плюгавый тип. Узрев нас, он весь как-то съежился и даже не решился поинтересоваться, куда и к кому мы направляемся. Не зря я его давеча чуток припугнул, выходит. Так что поднялись на второй этаж к пятнадцатому номеру мы без сучка и задоринки. Без всяких ненужных помех то бишь.

Одноместный "люкс" выглядел довольно непрезентабельно: потертый зеленый ковер с пятнами пролитого когда-то вина, широкая деревянная кровать со спинками, безбожно устаревший телевизор "Рекорд", полуторакамерный холодильник в углу и два кресла с журнальным столиком. Да уж, весьма задрипанный сервис в некоторых отечественных отелях. Даже за державу обидно.

В одном из кресел сидел, безвольно свесив голову набок, Григорий, а на столике перед ним остывала нехитрая трапеза, состоящая из говяжьей поджарки, чая и тостов с маслом. Непьющий, видно, киллер попался — большая редкость в нашей нервной профессии.

— Цыпа, цепляй чашку вместе с чайником и хорошенько прополоскай их в душевой комнате. Перчатки не забудь надеть, — велел я, подходя к клиенту. Приподняв теплое веко спящего, убедился по закатившимся зрачкам, что он находится в глубокой отключке и не очнется, как минимум, еще добрых пару часиков.

Натянув на руки прихваченные из "бардачка" "мерса" тонкие лайковые перчатки, принялся за доскональный шмон. Сперва проверил кровать — лично я, к примеру, когда снимаю номер в гостинице, обычно кладу пистолет под подушку или матрац. Привычка такая. Но пермский наемник имел, видно, совсем другие привычки.

Затем настала очередь холодильника, стенного шкафа и телевизора. Но ничего интересного не нашел, что сильно меня разочаровало где-то в глубине души.

Багажа у господина Григорьева не было — на сей любопытный факт я обратил внимание еще в аэропорту.

Из душевой вышел Цыпа и доложил о том, что, кроме засохшего куска хозяйственного мыла, больше там ничего не обнаружено.

Оставался необысканным лишь сам Григорий. Но не волок же он оружие на себе — через электромагнитный контроль в аэропорту ни за что не проскочил бы. Рубль за сто, как говорит Цыпа. После целой серии угонов самолетов и разных террористических актов сейчас там весьма ответственно-строго к мерам безопасности относятся.

Прикасаться к собственному потенциальному убийце почему-то совсем не хотелось, и я поручил

шмон спящего тела Цыпе. Хотя по натуре я и не брезглив.

Уже через секунду-другую обыск дал неожиданный позитивный результат.

Отодвинув в сторону чайник, мой подручный торжественно выложил на столик пистолет Макарова, бумажник из тисненой свиной кожи, пачку сигарет "Кент" с коробком спичек и несколько жевательных резинок "Дирол".

— Это все? А где же глушитель? — слегка удивился я.

— Клиент чист. Больше у него ничего нет, — опроверг мое подозрение в халатном обыске Цыпа.

— Выходит, он через носовой платок палит?

— Навряд ли. Носовой платок при нем тоже отсутствует. — Цыпленок задумчиво выпятил нижнюю губу. — А знаешь, Евгений, возможно, Григорий стреляет всего один раз. И пользуется самодельным одноразовым глушаком — пустой консервной банкой. И дешево и сердито, как ты любишь выражаться.

— Похоже на то, — чуток поразмыслив, согласился я. — Но как ему удалось шпалер через два аэровокзала пронести?

Впрочем, "ларчик просто открывался" — в бумажнике, кроме пачки российских дензнаков и паспорта, лежало еще удостоверение личности в темно-синей твердой обложке с изображением какого-то хищного зверя на титуле. Из "корочек" явствовало, что господин Григорьев числится президентом охранного бюро "Багира" и имеет вполне законное право на ношение табельного пистолета системы "Макаров". Сравнив заводской номер на оружии с номером на удостоверении, убедился в полной их идентичности.

— Ну и фунт изюма! Натуральный дурдом! — не сумел я сдержать праведного возмущения. — Куда только смотрели органы внутренних дел Перми, выдавая разрешение на оружие судимому за убийства?!

— Они смотрели на крупную взятку, что он притаранил им в зубах! — ухмыльнулся Цыпа. Мысленно я с ним тут же согласился — иного правдоподобного объяснения этому невероятному факту просто быть не могло.

— Может, Евгений, тут прямо его и кончим? — высказал ценное рацпредложение телохранитель. — Из его же шпалера. Стопроцентным самоубийством выглядеть будет. Чего с гадом канителиться?

— Не пори горячку, браток, — забраковал я неплохую, в общем-то, мысль соратника. — Во-первых, не стоит Тенгизу неприятность доставлять, а во-вторых, у нашего опера день рождения не за горами. Надо приличный презентик ему подбанчить, как и пристало культурным людям.

Ладушки! Идея уже созрела, пора за настоящее дело приниматься. Уходим!

Прихватив со стола табельное оружие коллеги, я пошел к двери. Цыпа, разочарованно потоптавшись чуток у тела почему-то все еще живого врага, тяжело вздохнул и неохотно последовал за мною.

Заперев номер на ключ, мы спустились на первый этаж в холл. Портые все так же делал вид, что в упор нас не видит. Но я не стал выговаривать ему за наглую неучтивость — в настоящий момент его "слепота" была нам в тему. На руку, то бишь.

Оказавшись на автостоянке, направился к "Волге" с ребятами. Те дисциплинированно вышли мне навстречу, покинув свои насиженные места.

— Все при козырях? — спросил я, с неподдельным интересом разглядывая четыре, явно побитые жизнью, рожи наемников. Практически у всех имелись на "фото" следы шрамов и ранних морщин.

— Само собой, Евгений! — ответил за ребят подошедший сзади Цыпа. — И глушители у каждого в наличии, как и положено нормальным людям.

— Ладушки! Сейчас нам предстоит непростое дельце: налет на берлогу Барона. Знаете такого?

— Конечно, Монах! — осклабился чернявенький водитель "волжанки". — Два дня за его фатерой пасли, как шестерки какие-то!

— Значит, так: ты, видать сразу, мужик бывалый и крутой, — доброжелательно подмигнул я водиле. — Войдешь в дом первым. Тем более, что на цыгана немного смахиваешь. Позвонишь в дверь, и как только ее откроют, шмаляй на поражение всех подряд. Главная твоя задача — не дать захлопнуть двери, а то мы с нею намаемся. Сильно не переживай, подмога подскочит моментально. Справишься, братишка?

— Тогда тройной гонорар! — децал поразмыслив, откликнулся алчный "цыган". — Риск больно велик.

— Твоя правда! — кивнул я и, не удержавшись, усмехнулся. — Риск, ясно, весьма весомый — три к одному, что тебя ухлопать успеют. Но за гонорар, браток, не беспокойся — мы, как и положено, поделим его по-братски... Все! Рвем когти к Барону!

День уже давно перешагнул за свою половину. Солнце, отвисев положенный срок над Уралом, начинало потихоньку откидываться на запад.

Цыпа сосредоточенно крутил баранку, видно, думая о чем-то постороннем. Я решил вернуть его мысли из далекого далека — расслабляться перед серьезным делом хуже нет.

— Значит, так и не обнаружил канал поступления порошка к Барону?

— Нет, — сокрушенно вздохнул молодой соратник. — Наблюдение за домом ничего не дало. Ни одного курьера не засекли. По ходу, Барон берет наркоту редко, но сразу очень крупными партиями. Месяц, а то и два следить пришлось бы. Столько времени, как понял, он нам дарить не намерен.

— Да уж, щедрым Барона никак не назовешь. Умным, кстати, тоже. А про нашего Химика ничего не слышать?

— Полная тишина. Думаю, на поверхности земли его уже нету.

Не доезжая до намеченной цели шесть-семь кварталов, Цыпа свернул на обочину дороги:

— Наш "мерс" слишком заметен. Дальше предлагаю прогуляться пешком. Тебе это сильно полезно, Евген, ты ж на воздухе почти не бываешь.

— Дельно! — оценил я. — Светиться у фатеры Барона нам не в цвет. Да и разомнемся немного. А, кстати, "Волга" у ребят, надеюсь, не своя? Угнана?

— Не волнуйся по пустякам, Евген, все продумано заранее. Палева не будет. Гарантия!

Вечерняя прохлада приятно освежала лицо и деятельно проветривала мои прокуренные легкие. Мысленно я вынес ей искреннюю благодарность от имени своего организма.

Особняком дом Барона за глаза называли в насмешку, а в глаза, чтоб потрафить самолюбию хозяина. На такое гордое определение здание явно не тянуло. Оно было одноэтажным, но довольно объемным — комнат семь-восемь, и добротным — кирпичной кладки. Официальным прикрытием для цыгана-мафиози являлась частная мастерская по изготовлению полиэтиленовых пакетов, принадлежавшая ему и занимавшая одну из комнат.

Пустая "Волга" стояла впритык к особняку. Обойдя ее, мы вошли в распахнутые настежь двери дома. Нас встретили едкий запах сгоревшего пороха и шофер "волжанки", радостно возбужденный и счастливый. Оно и понятно — просто невероятный фарт, что ему удалось остаться живым и невредимым. Я, признаться, даже глазам своим сначала не поверил.

— Глянь, Монах, какая здесь допотопно-хреновая охрана была! — оскалив в улыбке железную пасть, затараторил он, указывая пистолетом в угол прихожей.

Там, неестественно привалившись к стене, лежал бородатый цыган в красной рубахе. Впрочем, приглядевшись, я понял, что рубаха еще совсем недавно имела белый цвет — просто многочисленные кровоточащие пробоины в груди махом превратили ее в модно кумачовую. Рядом с бородачом валялась лупара — обрез охотничьего ружья.

— А ведь, в натуре, Барон скуп до омерзения, — подвел я итог личным наблюдениям. — При его-то крутых доходах мог бы, кажется, и поприличнее "волыну" собственному телохранителю подбанчить! А где он, кстати? Жив?

— В дальней комнате. Уже в Сочи, — ответил наш боевой "первопроходец", продолжая любоваться "мокрым" делом рук своих. Своего автоматического "вальтера" — точнее.

— Дверку прикрой и оставайся здесь на шухере, — распорядился я, направляясь в глубь дома.

Бдительно-осторожный Цыпа, выдернув на всякий случай из наплечной кобуры "Стечкина", решительно оттер меня плечом и пошел впереди.

Работы уже никакой не осталось, мне даже стало немного неловко перед верным "братишкой". Обижается, небось, в своей кожаной колыбельке у меня под мышкой. И главное, имеет на то законное право. Еще бы — хозяин пообещал ему любимую огненную работенку-развлечение, а слово не сдержал, как фраер. Ладно, "братишка", слишком не переживай — в очень скором времени, ручаюсь, что-нибудь для тебя обязательно подвернется. Такой уж наш милый город Екатеринбург — без дела пистолеты здесь долго не залеживаются. Специфика Среднего Урала, ничего не попишешь. Не мы такие — жизнь такая.

В первых шести жилых комнатах никого не было, даже трупов. Это стопроцентно свидетельствовало о том, что налет оказался совершенно неожиданным для обитателей дома. Не подозревал я в пройдохе Бароне такой нахально-дуровой беспечности. Впрочем, о мертвых плохо отзываться — крупный грех.

В седьмой комнате-мастерской застал живописную картину: среди разбросанных упаковок с полиэтиленовыми пакетами застыли на полу в самых разных позах шесть человек "загорелой" цыганской наружности. Все они уже благополучно покинули этот жестокий грешный мир. В правом углу помещения, у длинного металлического стола, плотно заставленного ретортами, газовыми горелками, колбами, пробирками и еще целой кучей всяких, неизвестных мне химических приборов, столпились Цыпины три головореза, живо что-то обсуждая.

Подойдя ближе, я увидел причину их "базара" — у стола на деревянном табурете сидел бледный, давно не бритый мужик с мутным, пустым взглядом. От его левой ноги тянулась к ножке стола собачья цепочка, не позволявшая пленнику отойти в сторону более, чем на полтора метра. С великим трудом я узнал в нем нашего пропавшего Химика.

— Теперь понятно, куда реактивы и оборудование из его фатеры подевались, — кивнул Цыпа на металлический стол. — И откуда вдруг у Барона чистый героин появился!

— Чего столпились? — повернулся я к бездельничавшей троице. — Быстро принимайтесь за доскональный шмон. Здесь несколько килограммов товара должно где-то быть!

Ну, про килограммы я, конечно, загнул просто для понта, чтоб воодушевить ребяташек. На изготовление одного килограмма героина уходит не меньше двадцати килограммов опийного сырца. Ханки то бишь. Так что самое реальное тут могло найтись не больше пятисот-тысячи граммов "порошка". Но мальчишки с арифметикой были явно не в ладах и азартно занялись обыском помещения.

— Химик, ты в состоянии соображать? — похлопал я по колючим щекам нашего похищенного кадра.

Но безрезультатно — все тот же отсутствующий взгляд и прерывисто-хриплое дыхание. Всмотревшись в расширенные зрачки, я начал просекать причину такого состояния.

Подозрения мои полностью оправдались. Закатав рукава рубахи Химики, увидел то, что и ожидал — змеиевидные кровоподтеки на внутренних сторонах локтей. Так называемые "дорожки смерти", оставляемые на венах шприцом.

— Барон сразу посадил Химику на иглу, — высказался догадливый Цыпа. — Чтоб подавить волю и окончательно подчинить себе.

— Точно, братишка, — кивнул я. — Он уже стопроцентный хроник. Неизлечим!..

Я закурил, задумчиво разглядывая еще совсем недавно весьма ценного члена нашей команды. Мне понадобилось некоторое время, чтоб переломить что-то в себе и принять единственно верное в данной ситуации решение.

Завернув окурочек "родопины" в носовой платок, старательно смял его и сунул себе в карман. Улик от меня менты никогда не дождутся.

"Вот и пришел твой черед, братишка! — подумал я, невольно усмехнувшись. — Недолго прохлаждаться тебе довелось, в натуре!"

Трижды весело "кашлянув", пистолет с чувством выполненного долга впорхнул обратно в свою теплую кожаную "постельку" рядом с моим сердцем.

Химик тяжело свалился на пол, громко стукнувшись головой, бедолага. Но ему уже не могло быть больно, к счастью — три аккуратно-ювелирные пулевые отверстия во лбу навсегда освободили его от земных страданий и самой унижительной пакостной жизни — жизни хронического наркомана. А заодно освободили и меня — от постоянной угрозы "палева" организации из-за неуправляемого языка наркоши. Так что все путем. Все к лучшему, то бишь.

Предстояла еще одна не очень-то приятная, но необходимая, работенка. Конечно, можно было бы сбавить ее безотказному Цыпе, но не хотелось выглядеть в глазах подчиненных филоном и слюняем-чистоплюем. Поэтому, скрепя сердце, взялся за дело лично.

Передернув ствол "Макарова", стал методично обходить — одного за другим — шесть поверженных среди коробок тел, наделяя каждого по одной пуле из шпалера господина Григорьева. Над последним трупом склонился в недоумении:

— А где же сам Барон, оглоеды?!!

— Он в смежной комнате, Монах, там его спальня, — равнодушно отозвался один из боевиков, продолжая вытряхивать из упаковки полиэтиленовые пакеты.

Мне уже опротивело палить в мертвецов, и я отдал "Макаров" Цыпе:

— Два патрона осталось. Действуй!

Молодой соратник почему-то слишком долго возился в почивальне старого цыгана. Наконец, глухо бухнула пара выстрелов — должно быть, он приставил ствол прямо к телу, нагнав себя, как это только что делал я. Хороший ученик, ничего не скажешь.

Цыпа появился из спальни с весьма довольным выражением на круглом лице.

— Глянь-ка, Евгений, сколько на Бароне "рыжья" висело! — радостно воскликнул соратник, протягивая мне пригоршню массивных золотых перстней и цепочек. — "Штуки" на три баксов, не меньше!

Заметив явную заинтересованность ребят, я без лишних слов забрал у Цыпы золото и сунул к себе в

карман, добавив сверху опорожненный пистолет Макарова.

Обыск принес нам чуть больше семисот полиэтиленовых катышек с белым порошком по одному грамму в каждом. Приблизительно на такой "улов" я и рассчитывал. Цыпленок рассовал шарики с героином по карманам и сразу забавно пополнил. Я чуть было не рассмеялся.

— Мы с Цыпой уходим, — сообщил я ребятам. — Минуты через две обрывайтесь и вы. Встретимся у "Центральной".

— Домишко подпалить? — спросил один из мальчиков, в детстве, по ходу, большой любитель пионерских костров.

— Ни в коем случае! Оставить все как есть!

Когда я и Цыпа проходили вереницу пустых комнат продолговатого, как пенал, дома, в прихожей негромко хлопнул пистолетный выстрел.

Выждав около минуты, с оружием в руках мы влетели в прихожую, готовые к любым неприятным неожиданностям. Но, как выяснилось, ничего страшного, к счастью, не случилось. Просто к Барону в гости зашел какой-то мужик, а водила "волжанки", стоявший на стреме у двери, без базара приговорил его к "вышке".

— Еще одного цыгана кокнул! — похвалился боевик, по-идиотски ухмыляясь.

— Нет, братец, это не цыган, — глянув на светлое лицо с застывшим изумлением в глазах, опроверг я. — Впрочем это уже не важно. При нем что-нибудь было?

— Ничего не обнаружил, — честно уставившись мне в переносицу, отрапортовал Цыпин головорез. — Только бумажник, да и тот пустой.

Я сразу просек, куда подевались деньги из бумажника, но промолчал. Ладно уж, черт с ним. Каждый человек имеет право на свои маленькие слабости.

— Мы уходим. А ты выйдешь с остальными ребятами.

На улице все было спокойно, и мы дошли до "мерса" без всяких приключений и эксцессов.

Заметно вечерело. Кое-где на темно-сером небосводе уже весело-игриво подмигивали друг другу звездочки.

Оставив машину на автостоянке у "Центральной", мы поднялись на второй этаж гостиницы.

В пятнадцатом номере все было на прежних местах. Григорий спал в кресле, мирно похрапывая и не ведая, какие черные тучи сгущаются над его буйной бандитской головошкой.

Протерев "Макаров" носовым платком, я сунул пистолет пермскому головорезу в боковой карман куртки, для симметрии поместив в карман с другой стороны "рыжие" побрякушки Барона.

— Так будет убедительней, — пояснил я Цыпе свое явное расточительство. — Тут тебе сразу и мотив, и орудие убийства. Не станем жадничать по пустякам, браток.

Окинув на прощание комнату взглядом, я убедился, что все выглядит вполне естественно. Ну, напился мужик, или обкумарился наркотой — обычное дело, ничего особенного.

Все мы люди, все мы человеки, как говорится.

Оставив ключ с внутренней стороны двери, мы тихо покинули номер, предоставив Григория его дальнейшей нелегкой судьбе.

В холле на первом этаже сразу направился к кабинкам телефонов-автоматов. Набрал домашний

номер опера Инина, терпеливо дождался, пока с той стороны провода поднимут трубку.

— Майор? Привет, это я. Ты что, в сортире заснул? Ах, в ванной мылся! Ну, тогда, конечно, простительно. Внимательно слушай сюда: есть интересная оперативная информация для тебя. Лишней звездочкой на погоны пахнет. Только что расстрелян Барон вместе со всеми работниками его полиэтиленовой лавочки. Кстати, мастерская являлась лишь "зонтиком" для лаборатории по перегонке опия в героин. И знаешь, кто перебил цыган?

— Догадываюсь! — хмыкнул Инин. — Сто к одному, что это наш дорогой Григорий расстарался! Угадал?

— В цвет, майор! Сейчас он кумарит в пятнадцатом номере "Центральной". Если хорошенько поспешишь, то найдешь при нем и орудие преступления и золотишко, из-за которого и погиб бедняга Барон, земля ему пухом!

— Григорий отрабатывался в одиночку? — уточнил Инин, прикидывая что-то в своей ментовской башке.

— Навряд ли. Слишком много трупов. Скорее всего — с неустановленными пока подельниками.

— Ясненько!.. Не слишком наследил, Евгений? Там ведь даже с потолка отпечатки снимать будут!

— Не тревожься по пустякам, майор. Ты же меня неплохо знаешь. Там все чисто, как у беременной после аборта. Давай меры принимай, а то, не дай Бог, убийца Барона отрезвеет и слиняет из города. Усек? Ну, до завтра!

Выйдя из кабинки, я обратил внимание на какое-то необычное выражение на упитанной мордахе соратника.

— В чем дело?

— Разреши, Еvgен, тебе фокус-покус показать?

— Ладушки. Не возражаю.

— Но не здесь, а на Парковой улице.

— Что за тайны мадридского двора? — подозрительно ощупал я взглядом лицо верного Цыпы, пытаюсь определить причину такой непонятной конспирации.

— Объясню все на месте. Останешься доволен, гарантия!

— Ладно. Поехали!

Наши две машины свернули с проспекта и бодро покатили к восточной окраине города, где пролежала Парковая улица.

Когда прибыли на место, я с любопытством осмотрелся. В натуре, тихо вокруг, даже прохожих не видать.

Цыпа вышел из машины и призывно махнул рукой. Черная "Волга" с ребятами встала почти вплотную к нам. Цыпленок открыл багажник "Мерседеса" и вынул оттуда какую-то увесистую картонную коробку, перетянутую крест-накрест желтым скотчем.

— Отвезите в бар "Вспомни былое". И поосторожнее — это китайский чайный сервиз, — заявил Цыпа, сунув коробку в опущенное окошко водителя "волжанки". — Там и встретимся для расчета. Счастливо!

Авто с мальчиками, чихнув на прощание выхлопными газами, развернулось и покатило к центру.

— Ну и где твой хваленый фокус? — недовольно поинтересовался я, покосившись на наручный

"Ролекс". — Меня же Мари вечером ждет! Слово ей дал!

— Сей момент, Евгений. Выйди сперва из салона. Начиная терять терпение, я выбрался наружу.

— Ну?!!

Цыпа вытащил из внутреннего кармана куртки продолговатую пластмассовую штуку, похожую на японскую минирацию "Уоки-Токи", и вытянул из нее антенну.

— Посмотри на "волжанку", Евгений, — заговорщически мне подмигнув, предложил соратник.

Я посмотрел вслед уехавшим ребятам, и в тот же миг раздался оглушающий взрыв. Черная "Волга" с развороченной крышей факельно горела, словно маслом облитая.

— Как так? Зачем? Ты ведь говорил, что это лучшие наши кадры! — я развернулся на каблуках к Цыпе, уже поняв, что это не безобидная рация у него, а дистанционное управление миной, заложенной в той самой картонной коробке.

— Вот именно поэтому! — заявил Цыпа, явно любуясь делом рук своих. — Цыганская братва назначит за убийц Барона очень аппетитный куш, и кто-то из этих башковитых мальчиков обязательно скумекал бы, как нас подставить, получить валютный приз, а самому целым остаться! А так — все концы в воду!

— В воздух — точнее, — по привычке поправил я и, не удержавшись, попенял:

— Все-таки излишне ты жесток, брат!

— Школа Монаха! — оскалился Цыпа, нахально не желавший признавать объективную критику.

— Какая, к черту, школа! — выругался я, охваченный праведным гневом. — Разве я бы позволил ребятам так долго мучиться?! Шлепнул бы — и все дела! А ты что творишь? Посмотри сам: в машине кто-то все еще шевелится, выбраться пытается!

Рука соратника дернулась под куртку к "Стечкину", но замерла на полдороге:

— Не, Евгений, тебе просто померещилось. Глянь, как лихо полыхает! В таком огне даже клопы не выживут, не то, что людишки! За пятнадцать минут пламя всех сожрет до костей, ничего червям не оставит. Гарантия!

Я вдруг вспомнил, что забыл нынче покормить милого бессловесного Наркошу. Вот ведь дьявольщина какая — все бегаем, суетимся в мелких повседневных делах и заботах, неприлично забывая святой долг гуманизма беспокоиться о благополучии братьев наших меньших.

Решительно забравшись в "мерс", я опустил боковое окошко и рявкнул:

— Кончай ерундой заниматься! Завтра подгоню тебе видеофильм, где все это значительно круче и красивей смотрится. Поехали! У меня попугай голодный сидит! А обижать Божье создание — грех великий! В натуре!

Извозчик

Эпилог

(Начало)

В аэропорту что день, что ночь — все едино. Не стихающая человеческая сутолока летающих, встречающих и провожающих, активно функционируют кафе и бары в своем непрерывном стремлении выудить у путешествующей публики побольше дензнаков.

Вадим стоял, прислонившись к бамперу старого личного "жигуля" и старательно высматривал в людской толпе потенциального пассажира. Желательно, чтоб тот был один и с большим багажом. "Пиджак", как с давних времен между собой называют таксисты состоятельного клиента, который никогда не глядит на счетчик и без малейшего сопротивления платит столько, сколько запросит извозчик-таксист.

К автостоянке фланирующей неторопливой походкой приближались трое молодцов с короткой "боксерской" стрижкой и в одинаковых черных кожанках "а ля Ван Дамм". Хотя мысленно Вадим прозвал их "вам дам", что более соответствовало сути этих наглых прибалтанных "качков", признающих исключительно лишь право кулака, кастета и ножа. Все перечисленное, естественно, у них в наличии было в достатке. В данном факте Вадим уже имел малоприятную возможность убедиться.

Глава первая

Произошло это два месяца назад. Он только-только приобрел лицензию на занятие индивидуальной трудовой деятельностью на своем личном автотранспорте.

Заработав на "жигуле" за неполную неделю почти пятьсот рублей, Вадим чуть было не поверил в благополучно-безоблачное будущее своей семьи, состоящей из жены Катарины и полуторагодовой дочурки Вероники. Но он был наивен, как все глупые фраера. Неприятности ждали его на аэровокзале — самой прибыльной точке для частного извоза.

Стоило Вадиму припарковаться на автостоянке, как к его машине тут же подошли трое.

— Привет, земля! Ты уж второй день здесь зажигаешь, а с нами все не познакомишься. Неприлично!

— В чем дело, ребята? — спросил Вадим, шаря рукой монтировку, постоянно лежавшую, на всякий случай, между передними сиденьями.

— Выйди-ка, хлопец, побазарить нам срочно треба по душам и по-деловому. — Как положено оскалился в кривой ухмылке один из молодых "качков" с многодневной рыжей щетиной на круглых упитанных щеках.

Конечно, по уму следовало ударить по газам и слиться от греха и опасной троицы подальше, но Вадим, понадеявшись на верную тяжелую железяку, не раз уже выручавшую его из подобных непростых ситуаций, уверенно-смело вылез из машины, зажав монтировку в правой руке.

Но на этот раз привычное шоферское оружие не спасло своего хозяина. Не успел Вадим выпрямиться, как получил мощный удар по затылку чем-то увесистым, в полуобморочном состоянии свалившись мешком на асфальт.

Чувствуя щекою пыльный шершавый асфальт и вдыхая сложный конгломерат запахов, состоящий из бензиновых выхлопов автотранспорта, окурков и засохшей грязи, он со всей очевидностью понимал, что оказать сопротивление уже не в силах, нечего и трепыхаться зазря — бессмысленно-бесперспективное это занятие.

Детина с рыжей щетиной рывком поднял Вадима за шиворот куртки-ветровки и прислонил к капоту "жигуля".

— Просекаешь, за что схлопотал по кумполу? — поинтересовался он, противно скалясь желтыми прокуренными зубами.

— Нет. Не в курсе, — честно признался Вадим, тяжело привалившись плечом к своей машине, чтоб не потерять равновесие.

— Ну и дурак, — радостно констатировал молодой "качок", снимая с пальцев и пряча в карман массивный медный кастет. — Наказали тебя за нахальство.

— В смысле? — Вадим даже удивился.

— В прямом. — Жестко заявил рыжий вожак троицы. — Ты, земляк, не соблюдаешь основной закон. А он четко указывает — надо делиться с ближними. С нами, то есть. В обязаловку, дорогуша! Десять баксов за каждый день работы в порту. Усек?

— Но ведь раз на раз не приходится, — сделал слабую попытку возмутиться начинающий таксист. — Бывает, за весь вечер ни одного пассажира не подцепишь! Сейчас все предпочитают садиться на иномарки, или, в крайнем случае, на "волжанки".

— А это уже нас не колышет, — усмехнулся вожак. — Коли здесь нарисовался — плати и не рыпайся. Закон один для всех. Или его тебе нужно в башку кастетом вбить? Ты только намекни — я с большой охотой и громадным удовольствием. Обожаю, признаться, такие профилактические "массажи" несознательным тупорылым частникам делать. В натуре, гадам буду!

"Чего это он сам себя костерит?" — не понял блатного жаргона Вадим, но вслух сказал другое, с трудом шевеля слипшимися губами:

— Я согласен. Согласен платить.

— Молоток, — одобрил рыжий, явно довольный сговорчивостью "клиента". — Отстегивай первый взнос. С тебя двадцатка баксов — за вчера и сегодня. Можно в рублях по курсу, мы не гордые.

Когда Вадим расплатился с наглой "крышей" автостоянки, в его кошельке осталось всего семнадцать рублей с мелочью — даже заправить бак горючим не хватит.

Малосвятая троица с видом победителей медленно-важно удалялась в сторону второй автостоянки у гостиницы аэропорта.

С ненавистью глядя им вслед, Вадим лихорадочно прогонял в мозгах возможные свои контрмеры против банды вымогателей. Увы, ничего путного в голову не приходило, хоть тресни.

Целый час безрезультатно прождав пассажиров, Вадим чертыхнулся, помянув всех святых в нелюбимом для них ракурсе, и поехал обратно в город.

На развилке пришлось сбавить скорость — чуть ли не десятиметровый участок трассы оказался под дымящейся грязно-мутной водой. Опять, видно, где-то прорвало трубу теплоцентрали. Не мудрено — подземные коммуникации вконец проржавели, а денег на их замену у города нет. Впрочем, как и во всех других местах в обворованной нуворишами России. Не реформы по стране гордо шествуют, а беспредел и бардак, ставшие уже нормой жизни.

Неожиданно для себя Вадим вдруг вспомнил Ивана — слесаря из ЖЭКа. В сильном подпитии тот как-то хвастался, что имеет крупные связи в среде блатных уголовников.

Возможно, сантехник не врал, и тогда стоит к нему обратиться за помощью. Чем черт не шутит, пока Бог спит. Авось, сведет с нужными людишками, и те отгородят Вадима от необоснованных наездов портовой шпаны? Есть смысл попробовать. Верно говорится: на безрыбье и рак — рыба. Других вариантов все равно нет, то бишь.

Поставив машину в железный гараж у своей пятиэтажной "хрущевки", Вадим направился по известному ему адресу сантехника, благоразумно не забыв прихватить по пути в магазине бутылку портвейна "две семерки" — горячо и беззаветно любимого Иваном напитка.

Поднявшись на нужный этаж, Вадим вдавил кнопку дверного электрозвонка. Ему открыла Ольга — безропотная, навсегда уставшая от жизненных невзгод женщина, давно смирившаяся со своей тяжелой участью жены алкоголика.

Иван был дома. Расположившись в крохотной кухоньке их однокомнатной квартиры, хмуро мастерил низкий стульчик — явно для малыша.

Узрев в руках гостя чудесную стеклянную емкость со светло-коричневой жидкостью, хозяин заметно оживился и отложил плотницкий инструмент на подоконник.

— Ты чего, Вадик, все еще свою лицензию индивидуала обмываешь? — высказал догадку Иван, укоризненно-радостно качая лохматой головой. — Кажись, уже вторая неделя пошла. Ну, ты даешь!

— Да нет, — поморщился от такого унижительного предположения гость. — Я с того раза капли в рот

не брал.

— Ну-ну, — явно не поверил в подобную неслыханную трезвость хозяин квартиры. — А сегодня решил размочить?

— По делу я пришел. Но дело не простое — без бутылки не разобраться, как говорится.

— Ясно, — ухмыльнулся Иван. — Побольше бы таких дел, и серая жизнь махом превратится в сказочный праздник. Как разбираться будем? Стаканами или рюмашками?

— Как хочешь. Мне все едино, — вяло отозвался Вадим, начиная подозревать, что совершенно напрасно сюда приперся. Толку не будет. Зря последние деньги на винный "пузырек" издержал.

Не дожидаясь мужниных распоряжений, Ольга быстро приготовила на газовой плите обычную "дежурную" закуску — яичницу с ломтиками "докторской" колбасы и, не поднимая глаз, молча удалилась в комнату, скромно прикрыв за собою дверь.

Намахнув по полстакана янтарного напитка, приятели жадно задымили сигаретами, игнорируя сковородку с аппетитно дымящейся яичницей. Иван после первой дозы спиртного никогда не закусывал из принципа, а Вадим о еде даже помыслить не мог — голова была занята неожиданными личными неприятностями в виде портовой шпаны, обложившей его рэкети́рским оброком.

— Ну и что у тебя за дело? — благодушно полюбопытствовал Иван, чувствуя, как чудодейственные алкогольные молекулы бодрости активно всасываются в кровь, заметно оживляя ее циркуляцию по организму.

— Ты, помнится, однажды говорил, что имеешь тесные связи с братвой? Это правда? — Вадим испытующе вглядывался в глаза собеседника.

— С уголовниками, что ли? — почему-то хохотнув, уточнил сантехник. — Имею. И даже не просто тесные, а самые что ни на есть родственные! Двоюродный брательник моей Ольги — прожженный бандюга. Клейма ставить негде. Ей-богу не вру! А зачем тебе эта ржавая погань, уголовники? Гангстером решил заделаться? Хо-хо!

— Не пори ерунду, Ваня! Я с тобой на полном серьезе говорю. Мне необходима помощь, или хотя бы дельный совет знающего человека. Нынче в аэропорту тамошнее хулиганье безусое меня налогом обложило похлеще государственных финорганов! Надо что-то делать, не желаю я, как раб, на чужой карман горбатиться. Не на таковского напали!

— Понятно. — Иван перестал улыбаться и задумался. Видно, для улучшения мозговой деятельности тут же набулькал в граненые стаканы по новой и тяжело вздохнул — то ли потому, что в бутылке живительной влаги осталось уже меньше половины, то ли из-за трудных раздумий.

— Даже не знаю, Вадик... Конечно, залучше всего клин клином вышибать. Обратись к брату Ольги. Ежели захочет, он тебе запросто помочь сможет — все его дружки настоящие оторви да брось, зверье, одним словом.

— Как с ним увидеться?

— Очень просто. Он в гостинице "Кент" метрдотелем робит. Живет там же в восьмом номере. Спросишь Григория Коновалова — каждая собака тебе его покажет.

Сильно сомневающийся поначалу в позитивном результате, Вадим несколько воспрял духом. О гостинице "Кент" он ранее уже слышал краем уха. У городских блатных всех мастей она была излюбленным местом для деловых сборищ и интимного отдыха.

— Ладно. — Вадим решительно поднялся с табурета. — Сразу сейчас к нему и отправлюсь. Авось,

выйдет что-то путное. Чем черт не шутит!

— Посиди еще чуток, — Иван хотел удержать приятеля, но, должно быть вовремя сообразив, что с уходом гостя портвейн останется в его единоличном распоряжении, тут же изменил курс на сто восемьдесят градусов. — Хотя, твоя правда, дружище. Куй железо, пока горячо! Ступай, Вадик, передавай родственничку от меня привет.

Уже взявшись за ручку двери, Вадим задал вопрос, который родился у него уже в самом начале визита, но потом на время затерялся где-то в лабиринтах сознания:

— Пополнение в семействе ожидается, да? Значит, Ольга выздоровела? Поздравляю!

— Не с чем поздравлять покамест, — хмуро ответил Иван, заметно помрачнев конопатым лицом. — С чего ты это взял?

— Ну, как же! А детский стульчик для кого мастеришь?

— Это я на перспективу работаю, — по-научному важно пояснил слесарь-сантехник. — В кладовке уже и колыбелька готовая своего часа дожидается. Из экологически чистого материала сколотил — из ясеня. Не то, что нынешний пластик и разные всякие вреднющие полимеры!

— А как у Ольги дела?

— Все так же, — насупился Иван, прикуривая новую "приму" от старой. — Продолжает матка ее протестовать, никак не желает оплодотворить хоть один мой сперматозоид. Ну, да ничего. Буду и дальше вещи для дитяти мастерить, как меня бабка одна научила. Это ведь чистой воды белая магия. С ее помощью родит Ольга, никуда не денется! Бабка твердо обещала.

— Так ты у нас настоящим колдуном стал? — усмехнулся Вадим. — Ну-ну, желаю успеха на мистическом поприще. Бывай пока!

Гостиница "Кент" располагалась недалеко — в кирпичном двухэтажном здании на соседней улице, и Вадим отправился туда пешком.

Так как летний вечер только-только начал вступать в свои права, то зал ресторации гостиницы был практически свободен от жующей и пьющей публики.

У входа в ресторан в кожаном кресле за служебным столиком, вальяжно закинув ногу на ногу, восседал метрдотель заведения — Вадим определил это по строгому черному смокингу и галстуку "бабочка" на белоснежной манишке.

Скользнув пренебрежительным взглядом по "пролетарскому" прикиду вошедшего — затаканно-потертым джинсам и куртке-ветровке, метр не счел нужным не только подняться навстречу, но даже просто гостеприимно кивнуть.

Впрочем, ничего этого Вадим не заметил и не понял, так как все его внимание сейчас было направлено на одно — выглядеть уверенным. В данном злачном заведении он чувствовал себя явно не в своей тарелке и изо всех сил старался этот факт скрыть за угрюмой маской видавшего виды человека.

— Если не ошибаюсь, господин Григорий Коновалов? — хриловатым голосом осведомился Вадим у типа за служебным столиком.

— Не ошибаетесь, — вскинул слегка удивленные прищуренные глаза метрдотель. — Что вам угодно, любезнейший? Кстати, с кем имею честь?

— Меня зовут Вадим. Пришел, чтоб передать привет от супруга вашей двоюродной сестры Ольги.

— От Ваньки? Ладно, передавай, — щедро разрешил Григорий, протянув раскрытую ладонь и цепким

взглядом ощупывая карманы Вадима, словно ожидая узреть "привет", материализованный во что-то существенное и значимое.

Вадим даже немного подрастерялся, не зная, как правильно поступить в такой глупой ситуации.

Вдоволь налюбовавшись на топтавшегося на одном месте "носителя" приветов, метрдотель снисходительно усмехнулся и кивнул на соседнее кресло:

— Присаживайтесь, дорогой. В ногах правда-матка начисто отсутствует. Так в чем, собственно, дело? Выкладывай, любезнейший, не меньшейся.

Присев на предложенное место, Вадим, застопорив свой напряженный взгляд на галстук-"бабочке" метра, довольно сбивчиво поведал о произошедших с ним в аэропорту событиях, напоследок, уже спокойнее, присовокупив:

— Платить, между прочим, я вовсе не отказываюсь. Но только в разумных пределах — долларов пятьдесят в месяц. А червонец в день — это же натуральный беспредел! Как считаешь, Григорий? Я прав?

— Без базара! — согласно-сочувственно поддержал метрдотель. — Молодежь нынче вконец оборзела. Никаких авторитетов не признает, кроме, понятно, американского дяди Сэма на зеленых бумажках.

— И что же мне теперь делать посоветуешь? — упав духом, спросил начинающий частный таксист. — Может, в милицию обратиться? Авось, помогут.

— Смотри сам, — моментально потеряв и сочувствие, и благожелательность в голосе, жестко заметил лощеный метр. — Но не советую. Прикинь сперва последствия... Или ты секрет бессмертия в записке имеешь?

— Нет, но...

— Вот то-то и оно! — отрубил Григорий, невольно усмехнувшись случайно образовавшейся поэтической рифме. — В подобных делах лучше не суетиться, не спеша все досконально обмозговать и точно взвесить. Короче, сделаем так: я пробью по своим каналам ситуацию в аэропорту, узнаю, кто там конкретно масть держит, а ты пока не дергайся раньше времени. Заметано? Вот и отлично! Подгребай сюда через пару-тройку деньков. В тринадцать часов я обычно всегда свободен. Найдешь меня в восьмом номере на втором этаже.

После разговора с метрдотелем Вадим немного приободрился. Авось, Григорий сумеет каким-нибудь манером разрешить его проблему с портовыми рэкетирами. Хотя, если честно, какие-то полусонные с поволокой глаза метра особого доверия и оптимизма не внушали. Не был он похож на "крутого" ни капли.

Впрочем, первое впечатление зачастую бывает обманчивым, не имеющим к объективной реальности ни малейшего отношения.

Успокоившись данным соображением, Вадим энергичным шагом быстро преодолел четыре квартала до своего дома.

Собственная однокомнатная квартира была его гордость и радость — единственным серьезным достижением в жизни, которого он смог добиться, добросовестно отпахав на местном металлургическом заводе без малого десять лет инженером по технике безопасности. Очень вовремя успел получить жилплощадь — буквально в последние дни советской власти. Сейчас-то задаром ничего не отломится. Звериный оскал капитализма на российском "дворе". Даже законную зарплату работягам уже восьмой месяц не выдают. Потому и уволился Вадим с родного завода, решив попытать счастья частным извозом. Авось, идея себя оправдает. Чем черт не шутит.

Женился Вадим в тридцать один год — только тогда, когда стал, наконец, обладателем вожаделенной квартиры. Не желал он, как другие, ютиться в семейном общежитии среди вечного детского плача, гомона соседей и чада единственной на весь этаж кухни. Пословице "с любимой рай и в шалаше" Вадим никогда не верил. Для полноценной семейной жизни, считал, обязательно необходимо отдельное собственное "гнездо".

С женой, правда, не слишком-то ему повезло. Положил глаз на первую попавшуюся симпатичную молодую особу, когда наведалься в районное ЖКО внести квартплату. Катарина, работавшая там младшим бухгалтером, не оставила без должного внимания робкие попытки заигрывания долговязого белобрысого парня. Особенно ей импонировало, что Вадим постоянно носит галстук, как начальник какой-то. Среди ее многочисленных приятелей данный атрибут мужской одежды никто не надевал почему-то. И костюм у Вадима всегда был опрятно чистый и старательно выутюженный. Да и тот факт, что новый ухажер имел отдельную жилплощадь играл для бухгалтерши весьма немаловажную роль. Надоело ей до синих чертиков жить в квартире с престарелыми родителями, ворчавшими по любому пустяковому поводу и требовавшими, чтоб она отдавала в семейный бюджет всю свою зарплату. А чего отдавать-то?! Месячный оклад младшего бухгалтера триста рублей всего. Столько крохотный флакончик модных парижских духов стоит. А ведь еще одеться более-менее прилично хочется.

Поднявшись на свой этаж, Вадим, как обычно, звонить в дверь не стал, а просто открыл ее собственным ключом. Катарину электрзвонок постоянно приводил в состояние, близкое к нервному срыву, да и дочурку Веронику разбудить опасался. В полуторагодовалом возрасте она уже, а любит сладко поспать точно так же, как и в младенчестве. Натуральная засоня уродилась, видать. Зато, когда вырастет, нервы у дочери, наверняка, будут весьма крепкие. При нынешней бардачной психованной жизни вещь очень немаловажная и сильно полезная.

Жена занималась своим излюбленным глупым делом — увлеченно тарасилась на телеэкран, остро переживая перепетии взаимоотношений и надуманные проблемы какого-то мексиканского семейства из популярного телесериала. Чтобы не потревожить спящую в кроватке у окна Веронику, звука практически слышно не было — жена воспользовалась наушниками, подключившись ими к телевизору.

Вадим терпеть не мог "мыльные оперы" принципиально, считая сериалы "опием для народа", придуманным властями, чтоб запудрить мозги трудящимся массам и отвлечь их от борьбы за свои права, нагло погранные нуворишами. "Новыми русскими", то бишь.

Вообще телевизор старался не глядеть — навязчивые рекламные ролики, постоянно прерывающие фильмы на самом интересном месте, Вадима просто бесили. Это же низкое издевательство — расписывать красоты Канарских островов и разных экзотических стран, пропагандировать дорогие видеотехнику, автомобили и особняки населению, большая половина которого давно прозябает за чертой бедности. Натурально голодает, короче.

Впрочем, некоторые виды рекламируемых товаров Вадим вполне мог бы себе позволить, не разоряя семейный бюджет. Например, импортную жвачку и туалетную бумагу. Но жвачку он никогда не покупал, считая ее исключительно коровьим лакомством, а красочные "мягкие, как сама нежность" рулончики начисто игнорировал потому, что с детства привык, не мудрствуя, пользоваться по нужде обыкновенной газеткой. Соединял полезное с приятным в некотором смысле.

Основные информационно-аналитические программы он раньше никогда не пропускал, но и в них недавно разочаровался. От Сванидзе из "Зеркала" правды вовек не услышишь — любые факты мастерски передергивает, пройдоха, в пользу начальников, "Вести" измелечали и заметно попритихли, а "Итогам" Вадим вовсе перестал доверять, узнав из газет, что ведущий этой программы Киселев много лет прирабатывал стукачом в бывшем КГБ. Окончательно и бесповоротно пришел к неутешительному выводу:

вокруг одни прохиндеи и сволочи. Особенно наверху. И противный российский парадокс — чем человек больше по социальному значению и статусу, тем мельче и грязнее его душонка. Такая вот странная и подлая закономерность.

Катарина, засмотревшись на красивую заграничную жизнь, не сразу заметила приход мужа. А когда, наконец, обратила на него внимание, тут же сняла с головы наушники и спросила приторно-елейным голосом:

— Сколько нынче удалось накатать? Осень ведь не за горами, учти, милый. Надо бы мне на демисезонное пальто денежки начать откладывать.

— С этим делом придется чуток обождать. Неудачный день выдался. Пустой я сегодня, как барабан. Не повезло.

— Как так? — подозрительно прищурилась Катарина, мигом потеряв куда-то всю нежную мелодичность в голосе. — Совсем нисколько не заработал?!

— Так уж получилось, — пробормотал Вадим и за шуткой неловко попытался спрятать свое смущение. — Пустяки. Деньги, что навоз — нынче нет, а завтра воз. Не сердись, Катюша, авось, все образуется.

— Сколько раз говорить тебе, чтоб не смел называть меня Катюшей?! — взъерепенилась Катарина, решительно напяливая наушники обратно. — Борщ в холодильнике. Сам разогреешь, не развалишься. Я в служанки к тебе не нанималась!

Сидя за кухонным столом и без всякого аппетита хлебная деревянной ложкой борщ прямо из кастрюльки, Вадим уныло глядел в окно на зажигающиеся уличные фонари и тихо скорбел над своей незадавшейся семейной жизнью.

В общем-то, Катарина, если разобраться, человек неплохой, но слишком уж зациклилась на деньгах, точнее, на их хроническом отсутствии. Прямо-таки болезненно обострился у жены меркантильный "пунктик" где-то с полгода назад, когда ее уволили из ЖКО по сокращению штатов. С тех пор получала нищенское пособие по безработице, которого с трудом могло хватить лишь на хлеб без маргарина. Мизерное же пособие на ребенка семья уже второй год в глаза не видела. Денег на подрастающее поколение у госчиновников нет, говорят. Зато в избытке есть на собственную роскошную жизнь, как ясно видно и по телевизору, и из газет. И ведь совершенно не стесняются "слуги народа" поплевывать на этот самый обманутый и голодный народ с высот Кремля и Белого Дома. Жулье, зажравшееся до полной невменяемости. Пир во время чумы!

С расстройства Вадим не удержался и достал из холодильника неприкосновенный запас — графинчик лимонной водки, приберегаемый на случай прихода неожиданных гостей.

Позволил себе выпить, правда, всего лишь единственный стопарик из строгих соображений хозяйственной экономии.

"У них деньги куры не клюют, а у нас на водку не хватает", — с мрачным сарказмом мысленно высказался Вадим, закусывая горькой луковицей, чтоб уничтожить предательский алкогольный запах и скрыть от жены свой несанкционированный набег на домашний спиртовой НЗ.

Ночью, вопреки обыкновению, Катарина на постельное перемирие с последующим жарким "братанием" не пошла — сухо-категорично отвергла все нежные поползновения мужа, отвернувшись к стене и сославшись на головную боль.

Глава вторая

Три дня проскочили для Вадима так же незаметно, как зайцы под дулом охотника-любителя.

Не рискуя появляться в аэропорту, колесил по центральным улицам Екатеринбурга с неприязнью косясь на привередливых пешеходов, не желавших призывно поднять руку ему навстречу. Рублевый навар, как и следовало ожидать, "накипел" весьма ничтожный — за три дня всего около ста рублей. Львиная доля от данной суммы безвозвратно "сгорела", уйдя на оплату бензина для личного "жигуленка".

К тринадцати часам, как и было условлено с метрдотелем, Вадим подъехал к гостинице "Кент" и, оставив машину на автостоянке, отправился на встречу с Григорием.

Восьмой номер находился точно посередине широкого коридора второго этажа. Дверь была не заперта. Уже повернув ручку, Вадим все же стукнул для приличия пару раз костяшками пальцев в обитую красной кожей дверь. Услышав в ответ какое-то невнятное бурчание, вошел в номер.

Григорий вальяжно полулежал в чашеобразном кресле у окна, закинув ноги на подоконник. В одной руке он держал стакан с неким золотистым напитком, а в другой — дымящуюся сигарету.

— А-а, друг ситный! Проходи, присаживайся, — несколько не удивился визитеру метрдотель, гостеприимно ухмыляясь и кивая на рядом стоящее кресло у низкого полированного столика.

Вадим молча воспользовался приглашением, глубоко утонув в велюровых объятиях кресла и нерешительно таращась оттуда на хозяина номера вопросительным взглядом своих незамутненно-голубых глаз.

— Все помню, Вадик, склерозом конкретно не страдаю, — моментально став серьезным, заверил Григорий, скинув ноги с подоконника и доверительно придвинувшись к гостю. — Я пробил насчет твоих обидчиков. Зелень мохнорылая, но опасные ребята. Отморозки, короче. Воровских "понятий" не признают, живут по единственному закону: кто смел — тот и съел. С такими трудно договориться по-хорошему.

— Что же мне делать? — Вадим явно расстроился, хотя в глубине души не слишком-то и рассчитывал на мгновенный позитивный результат от действий своего нового знакомого.

— Для начала выпей, — радушно предложил метрдотель, взяв со стола хрустальный графин и набулькав в два высоких стакана солнечно искрящейся жидкости. — Херес отлично промывает мозги, улучшает пищеварение и кровообращение. Убедись лично.

Залпом заглотив ароматный алкогольный напиток, Вадим машинально закурил, старательно избегая встречаться взглядом с насмешливо прищуренными глазами хозяина номера.

— Неправильно пьешь, приятель, — снисходительно подметил Григорий. — Такое благородное винцо надо смаковать мелкими глоточками, чтоб весь букет конкретно прочувствовать. Это как с бабой — чем медленнее и продолжительнее процесс, тем приятнее. Усек, братишка?

— Угу, — буркнул Вадим, с силой вминая вдруг загорчившую сигарету в медной пепельнице. — В следующий раз исправлюсь, обещаю. Но что же мне теперь делать? Вообще не показываться на аэровокзале, да?

— Сам решай. Но одно твердо помни: против лома нет приема — окромя другого лома! Просекаешь смысл, приятель?

— Не совсем, — честно признался Вадим.

— Все очень просто. Нужно по-крупному и конкретно разобраться с вокзальной шпаной. И тут я могу тебе помочь. Организовать мероприятие, так сказать. Не задаром, ясно.

— И сколько это мероприятие мне будет стоить? — неуверенно поинтересовался Вадим, с острой грустью припоминая, что в его худощавом портмоне всего-то около тридцати рублей.

— А как сам мыслишь? — прищурясь, вопросом на вопрос ответил метр. — Мокруха в наше время недешево обходится, учти.

— Как? — Вадим был буквально поражен. — Ты что же, убийство предлагаешь?

— Само собой, приятель. А ты как думал? В таких делах полумерами не обойтись. Рэкетиров надо сразу на месте кончать без всякой жалости и сантиментов. Значительно продуктивней и дешевле выйдет.

— Но ведь можно их просто хорошенько проучить. Побить, например. А убивать — это уж слишком! Мы же не в Чикаго!

— Вот то-то и оно! Тут ты точно в цвет попал — мы не в Штатах, а в России, что значительно хуже! — жестко заявил Григорий, оскалив зубы, словно демонстрируя свои блестящие стальные коронки в два ряда.

— Мне твоё мероприятие не подходит, — выпростав тело из объятий кресла, хмуро сказал Вадим. — Хоть они и законченные подонки, но выносить им смертный приговор я не имею никакого права. Да и денег у меня нет, кстати.

— Вопрос о гонораре можно запросто утрясти во взаимовыгодном ракурсе, между прочим, — вкрадчиво сообщил метр, оценивающе разглядывая покрасневшееся лицо частного извозчика. Услуга за услугу — и вся недолга! Как тебе такой нехилый расклад?

— Нет, — упорно мотнул головой Вадим. — Мне, пожалуй, уже пора восвояси. Я пойду.

— Как желаешь, приятель. Хозяин — барин, — равнодушно отозвался Григорий, плеснув себе в стакан новую порцию горячительного. — Все же пораскинь мозгами над моим предложением на досуге. В натуре — мы можем оказаться весьма полезны друг другу.

Когда дверь за гостем закрылась, метрдотель добавил вполголоса:

— Детский сад! С таким лоховатым фраером каши не сваришь. Если и использовать слабака, то только в темную...

Глава третья

Недели полторы Вадим не искал пассажиров в аэропорту, основное свое внимание переключив на железнодорожный вокзал Екатеринбурга. Здесь дневной денежный навар извозчика выходил на два порядка жиже, чем на аэровокзале, но зато было относительно спокойно. По крайней мере, наглых рэкетирских "крыш" на "железке" не наблюдалось.

Слегка отвлекаясь от постоянно пасмурного настроения удалось Вадиму лишь в воскресенье на вечеринке у приятеля-сантехника. Иван пригласил его отметить знаменательное, давно ожидаемое событие — жена Ольга, наконец-то, проявила сознательность и забеременела. Натуральное чудо. Видно, в "белой магии" все же есть какой-то смысл и потаенная сила.

Вечные ахи-вздохи супруги Катарини насчет демисезонного пальто все-таки вынудили Вадима плюнуть на личную безопасность и нарисоваться в поисках приличного заработка на аэровокзале. Правда, он немного подстраховался, поехав туда не вечером, а днем. Очень надеялся, что тамошняя шпана "работает" лишь с наступлением темноты — лучшей подружки всех бандитов, как известно.

Но Вадим грубо просчитался. Малосвятая троица "качков" словно его поджидала. Только он припарковал "жигуленок" на автостоянке, как они тут как тут. Совершенно неожиданно откуда-то сбоку выскочили, как хвостатые чертики перед мужиком, не успевшим вовремя опохмелиться.

— Нынче у меня нет денег, ребята, — попытался пойти дипломатическим путем Вадим, жалко улыбаясь. — В следующий раз обязательно с вами рассчитаюсь. Честное слово.

— Без валюты не хрен сюда соваться! — заявил вожак группы. — Не мешай другим водителям зарабатывать, не отбивай клиентуру, овца тупая! А честное слово твое никому и задаром не нужно — засунь его к себе в очко, падла! Там честному слову самое место!

Вадим хотел возразить, но ему такой возможности не дали. Ударом в челюсть его сбили наземь и стали жестоко, с явным удовольствием, избивать. Особенно усердствовал рыжий садист — все метил пнуть своим тяжелым бутсом в пах извивающемуся на асфальте неплательщику "налога".

Как раз в этот момент по тротуару шел патруль из двух милиционеров, старательно "не замечавших" происходящего беспредела. Конечно, ментов тоже можно где-то понять — зарплата мизерная, да и та выплачивается с многомесячным опозданием. А кушать хочется всегда, как говорится. Вот и остается у голодных блюстителей правопорядка лишь одна единственная альтернатива — кормиться от местного рэкета, отстегивающего им долю от доходов несправедливых без скупости и точно в оговоренные сроки — по пятницам.

После завершения унижительной и болезненной экзекуции Вадим с тяжким трудом смог забраться в свою машину. Да и то лишь на четвереньках. Сдерживая стоны, сильно похожие на скулеж побитой собаки, он повернул ключ зажигания и резко рванул "жигуленок" в город.

Через три четверти часа Вадим уже сидел в восьмом номере гостиницы "Кент" и рассказывал Григорию о случившемся, смущенно пряча от него правую сторону лица с подбитым глазом.

— Знатный у тебя "фонарь", — как-то весело посочувствовал метрдотель. — Надо бы свинцовую примочку приложить, аль монету. У меня есть пятирублевик. Дать?

— Ерунда! — отмахнулся Вадим. — Давай о деле. Ты недавно одно "мероприятие" предлагал. Я согласен. Что от меня требуется? Конкретно.

— Я думал об этом, приятель, — Григорий испытующе взглянул своими водянистыми "рыбьими"

глазами в лицо собеседнику. — Идея чем заменить гонорар за ликвидацию рэкетиоров уже благополучно созрела и родилась.

Неторопливым и вкрадчивым голосом хозяин номера подробно поведал свой план. Он заключался в следующем: вечером в четверг, когда у мэтра намечен выходной, Вадим возьмет в аэропорту одинокого пассажира с объемным багажом — зажиточного "челнока", то бишь — и повезет в Екатеринбург. Григорий будет ждать машину недалеко от развилки дорог и "проголосует", чтоб его подвезли.

— А когда окажусь в салоне, махом разберусь с "челноком" — и вся недолга! Стоимости его багажа на твое "мероприятие" вполне хватит, думаю. Кстати, подсаживай к себе какого-нибудь чучмека из Средней Азии. Я эту братию с детства ненавижу.

— Разберешься, говоришь? — подозрительно спросил Вадим. — Но без мокрухи, надеюсь? Сразу предупреждаю — я участвовать в убийстве не согласен. Просто не смогу. Я себя знаю.

— Тут я в курсе, приятель, — пренебрежительно скривил губы метр. — Не волнуйся. Я лишь раскручу чучмека в картишки — и все дела. Было ваше — стало наше! Проще пареной репы, в натуре. Успех акции гарантирован!

— Ты разве шулер? — удивился Вадим.

— У меня масса всяких разных полезных профессий и навыков, даже не сомневайся, приятель.

Обсудив время и место встречи, будущие подельники расстались до назначенного четверга.

Но одну весьма немаловажную деталь своего плана Григорий от частного извозчика благоразумно утаил, а именно: тот факт, что до четверга он обязательно должен успеть вырыть в лесу неподалеку от аэропорта "Кольцово" вместительную глубокую яму. Острая саперная лопатка для этой цели у него была предусмотрительно заготовлена заранее и хранилась рядом, в стенном шкафу.

Эпилог

(Окончание)

Приблизившись к автостоянке, троица молодцов в черных кожанках выжидающе-настороженно уставилась на Вадима.

Рыжий вожак привычно сунул руку в боковой карман куртки, нащупывая свой медный "инструмент" с шипами.

— Сегодня кастет не понадобится. Я уже исправился, — стараясь говорить спокойно, заявил частный извозчик, протягивая местным вымогателям червонец баксов. — Такса прежняя, надеюсь?

— Мы не Сбербанк, чтоб постоянно менять правила игры и накалывать клиентов, — ухмыльнулся рыжий, в один момент "приватизировав" зеленую бумажку. — Заруби себе на носу, земляк: мы не подлые кидалы, а частная охрана. Работай спокойно — теперь ты за нами, как за каменной стеной!

Довольно хохотнув, рыжий детина в сопровождении своих подручных потопал дальше, зорко высматривая очередных "клиентов".

С ненавистью глядя на удаляющиеся мощные спины, обтянутые черной кожей, Вадим злорадно подумал: "Очень скоро, сволочи, изгаляться над шоферами перестанете. С вами конкретно разберутся ваши же братья-уголовники! Клин клином!"

Вскоре Вадиму повезло — в толпе прилетевших ему попался на глаза подходящий чернявый мужик, хорошо одетый и с огромным тюком на плечах. Явный "челнок", в данный момент сильно смахивающий на одnogорбого верблюда.

Когда Вадим помогал гостю Екатеринбурга запихивать тюк в багажник "жигуленка", он выяснил, что торговец привез на Урал для реализации партию итальянских колготок.

Вырулив с автостоянки на асфальтовое шоссе, Вадим вынужден был включить фары, так как вечер уже оперативно отдавал бразды правления ночи.

Григорий караулил частное такси на обусловленном месте, но Вадим чуть было не проехал мимо, не сразу узнав метрдотеля в простецком брезентовом плаще, похожем на солдатскую плащ-палатку.

— В город! — коротко бросил водителю Григорий, плюхнувшись на заднее сиденье "жигуленка" рядом с приезжим коммерсантом.

Вадим с любопытством ожидал услышать, как Григорий станет хитро убалтывать смуглого пассажира на карточную игру, но мэтр почему-то продолжал угрюмо молчать.

Вдруг до извозчика донеслись сзади какие-то подозрительные звуки и шорохи, быстро переросшие в задавленный хрип. Все смолкло так же неожиданно, как и началось.

— На развилке сворачивай налево в лес, — глухим, но спокойным голосом распорядился Григорий, щелкнув зажигалкой, чтоб добыть огня для своей сигареты.

Вадим вцепился ледяными пальцами в руль, не смея даже оглянуться. Панический ужас, странно смешанный с каким-то деревянным оупением, сковал его тело и мозг не хуже стальных кандалов.

— Тормози здесь, приятель, — послышался с заднего сидения новый приказ, когда "жигуль", ломая кусты дикого боярышника, выехал на укромную полянку, посередине которой высился холмик

свежевырытого глинозема.

Вадим, плохо еще соображая, открыл дверцу и вышел-вывалился из машины. Но, сделав всего пару нетвердых шагов, тут же был вынужден прислониться к капоту, буквально скрюченный в три погибели острыми спазмами в желудке.

— Зачем ты это сделал? Мы так не договаривались! — всхлипнул-простонал он, стараясь не глядеть на деловитую и страшную суету Григория, выволакивавшего труп коммерсанта из салона "жигуленка".

— Мозгляк! — насмешливо оскалился в кривоватой ухмылке Григорий, сталкивая мертвое тело в черную пасть ямы. — Ладно. Сильно не переживай, приятель. Сейчас успокоишься, и все пройдет, гарантия!

На этот раз мэтр говорил чистую правду — ведь лесная яма-могила готовилась им сразу для двух "постояльцев"...

Выстрел в спину, или Долг кровью красен

1

Нежный запах гвоздик будоражил в душе какие-то неясные добрые воспоминания о том благословенном времени, когда мы воспринимаем жизнь как вечный праздник, наивно полагая, что все люди друзья-братья и никто никаких пакостных сюрпризов нам не преподнесет и тем паче — не выстрелит в спину. Воспоминания о счастливой поре детства, короче.

Цыпа неловко топтался у моей кровати, держа в вытянутых лапах букет-охапку красных гвоздик и явно не зная как от них, наконец, отделаться.

— В тумбочке трехлитровая банка с маринованными помидорами есть, — пришел я на помощь молодому соратнику. — Выкинь содержимое и налей туда водицы. Замечательно вместительная ваза получится. Помидоры я все равно не слишком-то уважаю. Огурчики соленные мне больше в кайф.

— Отличная закуска. Я учту это дело, — кивнул Цыпа, скрываясь со стеклянной тарой в кабинетике туалета. В палате "люкс" я лежал в гордом одиночестве. Кроме туалета, здесь имелась даже крохотная душевая комната с сидячей ванной, не говоря уж о таких мелочах, как видеодвойка и холодильник. Больничные специфические "ароматы" не действовали мне на нервы благодаря постоянно работающему кондиционеру, неутомимо освежавшему воздушное пространство комнаты.

В этих апартаментах я отдыхал от дел праведных — и не очень — уже почти неделю, схлопотав при выходе из "Вспомни былое" от неизвестного киллера огнестрельный сюрприз в спину. Контрольный выстрел подонок сделать, к счастью, не успел, тут же буквально выпотрошенный очередью Томиного "Стечкина". Тупорылая "Макаровская" пуля ударила мне в левую лопатку и выдохлась, не сумев преодолеть каких-то миллиметров, оставшихся до сердца.

В этот злополучный час на мне случайно не оказалось бронежилета, который я уже месяц терпеливо таскал на теле, устав от надоедливых увещаний Цыпы. И вот, по известному вечному закону подлости, стоило лишь мне из-за несносной летней жары "забыть" бронежилет дома, как на тебе — сразу последовала наглая огнестрельная проверка шкуры Монаха на прочность. Но воровской фарт бдительно оказался на стреме и спас меня от неожиданной отправки в Сочи. По всей видимости, негодяй палил из сильно изношенного ствола.

Левой рукой нормально шевелить я еще не мог, но в туалет перемещался уже на своих двоих. Только первые сутки мне пришлось терпеть унижительную "утку" в руках заботливой медицинской сестрички. Она была весьма молода, и я страшно смущался при этих интимных процедурах, но даже пошевелиться ладом самостоятельно тогда был не в состоянии — отходил после операции и наркоза. Если уж до конца откровенно, то смущало меня не само справление нужды, а предшествующие моменты. Когда юная леди брала член своими тонкими "музыкальными" наманикюренными пальчиками, я непроизвольно ощущал возбуждение и совала она в "утку" уже не слабовольный орган, а натуральную "дубину", упрямо не желавшую сгибаться в предназначенное железное отверстие. И явно жаждавшую иного удовлетворения и совсем в другом, более нежном и приличном отверстии.

Цыпа появился из санузла с довольной мордой, неся трехлитровую банку, битком набитую цветами.

— Поставь на тумбочку, — велел я, опасаясь, что он по наивности и необразованности пристроит букет на столик в ногах кровати, и получится, как у гроба покойника.

— Ты в порядке? — спросил телохранитель, выполнив указание. — Сердце не болит?

— Все тип-топ! — уверил я заботливого подручного. — Ты выяснил, что за недоносок шмальнул меня в спину? На кого он работал?

— Пока нет. Известно только имя покушавшегося: Кирилл Владимирович Кравченко. И все.

— И то хлеб! — оптимизировал я настроение соратника, хотя фамилия эта мне ни о чем не говорила. — Какие-нибудь его связи проглядываются?

— Еще нет. Никто из наших ребят с ним никогда не контактировал. По крайней мере, все в один голос так утверждают.

— Ладно. Ясно одно — Кравченко простой любитель. Профи сначала расстрелял бы телохранителя, а уж потом спокойненько за "объект" взялся. Согласен?

— В цвет, Евгений! Солидарен с тобой. Несерьезный, в натуре, заказчик, — подумав децал, кивнул Цыпа. — Но тогда вконец запутано все! Какой олух пошлет на дело любителя-одиночку? Среди конкурентов я таких идиотов не встречал. Может, это какой-то ухажер одной из наших бабочек?

— Не будем гадать! Неблагодарное занятие! — отмахнулся я. — Подождем информацию от майора. Зря что ли мы ему пять "штук" зеленых ежемесячно отстегиваем? Пусть отрабатывает мент свою красивую жизнь!

— Чуток он уже отработал, — напомнил подручный. — Кабы не майор, сидеть бы Тому за ношение оружия! Гарантия! А с отмажкой майора объяснение Виктора, будто бы он случайно надыбал "Стечкина" в туалете пивбара — отлично проканал, словно менты не в курсях, что у Тома уже имеется на рогах судимость за мокруху.

— Ничего. Пусть покрутится опер на благо нашей фирмы на всю катушку, не развалится, морда протокольная. Как с моей охраной? Обеспечил по уму?

— Все в елочку, Евгений! Три гаврика из охранной фирмы "Кондор" круглосуточно в коридоре больницы сидят и еще трое в машине под окнами. Второй этаж, но рядом с твоими окнами водосточная труба проходит — лучше подстраховаться, на всякий случай, от греха. Меняются охранники по часам. С тутошней администрацией я утер это дело, главврач дал добро.

— Почему не наши ребята? — спросил я чисто для проформы, так как уже и сам просек, где собака зарыта.

— Надежнее. Менты могут наших ошмонать, а сотрудники "Кондора" имеют право легально оружие носить. Да не беспокойся — это мальчики надежные, можно положиться. Мы их парочку раз уже использовали на подхвате, если помнишь.

— Помню. Натуральные головорезы! Ладушки. С этим ясно. Как дела в заведениях?

— Все путем. Осложнений и наездов нет, девки передком работают прям как швейные машинки. Постельные стахановки, можно сказать.

В палату без стука заглянула молодая медсестра:

— Евгений Михайлович, к вам еще один посетитель. Примете? Не в форме, но, по-моему, из внутренних органов.

— Из каких конкретно? — ухмыляясь, уточнил мой подручный. — Не из прямой кишки, случаем?

— Не хами даме, братишка! — строго осадил я не в меру разошедшегося Цыпу. — И гуляй давай. По ходу, это наш незабвенный опер нарисовался. Как говорится: легок черт на помине! Кстати, огурчики

завтра не забудь притаранить.

— Помню я, Михалыч, склероза нет, — надул губы Цыпленок и, отвесив нахально-двусмысленный реверанс покрасневшей девушке, исчез за дверями.

Я как в воду глядел — вторым моим сегодняшним посетителем оказался майор Инин.

— Не обрыдло здесь без дела валяться? А, Евгений? — вместо приветствия весело пророкотал мент, скосив хитрый насмешливо-оценивающий взгляд на медсестру. — Впрочем, с тобой все понятно! От такой сахарной конфетки зараз не слиняешь! Верно говорю, милочка? Но ты поосторожней с пациентом. Евгений известный любитель женского пола — за уши не оттащишь. Хе-хе!

Не ответив разнузданному менту, медсестренка мигом юркнула в коридор и поспешно захлопнула за собой дверь, словно опасалась преследования со стороны этого нескромного мужлана.

— Присаживайся, майор. Выпьешь? В холодильнике есть водка "Господа офицеры", а в тумбочке коньяк. Сам хозяйничай, раз я на заслуженном больничном.

— На заслуженном? — сразу по своей легавой противной привычке прицепился к словам опер. — Выходит, ты знаешь, кому дорогу перешел? Кто заказчик ликвида? Из деловых?

— Понятия не имею. Я просто так сказал, — поморщился я. — Никаких сведений пока, к сожалению, не имею в наличии. На тебя вот рассчитывал по наивности, как на друга старого. Зря, по ходу?

— Ничего не зря! — неловко замахал Инин руками, занятыми уже бутылкой коньяка и двумя хрустальными стопками из тумбочки. — Кое-что могу сообщить. Кравченко дилетант и не из спецконтингента. Ни разу даже не сидел!

— Это я и сам догадался! — усмехнулся наивности старшего оперуполномоченного. — Кстати, это не доказано. Мог быть и профи, хоть и не судимый ранее.

— Лажа! Стопроцентный любитель! — опер наполнил рюмки золотой амброзией и подал мне одну. — Знаешь, из чего он палил? Из газового пистолета, расточенного под Макаровский патрон. Так-то, Евгений! Ни один мало-мальский профи с такой горе-волыной на дело ни в жизнь не пойдет! Верно говорю?

— Вот это в елочку! — пришлось мне согласиться под давлением столь убедительного довода. — Но ведь странно-глупо все выглядит, ни в какие ворота не лезет!

— Что да — то да! Непонятная темная история. Стопроцентный "глухарь", — с удовольствием смакуя пахучую французскую жидкость мелкими глоточками, заявил майор, нисколько, видать, этим не огорченный. — Но ты не хипишуй раньше времени, Монах, — сделаю все, что смогу. И даже больше! Буду как экскаватор копать этодохлое дело, будто мне за его раскрытие полковничьи погоны светят!

— А кто он такой, Кравченко этот? — поинтересовался я, проглотив свою дозу и взяв из вазочки очищенный мандарин. — Закусывай цитрусовыми дарами природы, майор, не тушуйся.

— Время еще не пришло — я как тот главный фраер из кинофильма "Судьба человека" — после первой не закусываю! — осклабился опер, наливая себе по новой.

— Только этим ты на героя и похож, — слегка подначил я. — Ладно, проехали! По делу говори.

— Пожалуйста! — совсем не обиделся Инин, медленно-постепенно согревая собственный желудок второй стопкой. — Кравченко жил один, снимал комнату в трехкомнатной квартире где-то на Бебеля. Работал раньше техником в радиоцентре. Примерно год как безработный числился.

— Возраст?

— Тридцать три годочка.

— Прямо возраст Спасителя, — мрачновато усмехнулся я. — Но больше ни одной дельной ассоциации! Добудь мне список всех знакомых покойного. И точные координаты его фатеры. Авось, пригодится.

— Сделаю. Это не проблема, — заверил собеседник и, покосившись на меня, спросил: — Тебе еще капельку плеснуть? Коньячок, хочу отметить, замечательного качества. Без химической экспертизы видно.

— Ты у нас знатный криминалист в данном сложнейшем вопросе! — понимающе улыбнулся я. — Меня уволь, а ты хапни еще децал на дорожку. Для сердечной деятельности очень полезно, говорят. Сосуды расширяет похлеще кофеина.

— Вот-вот! — сразу согласился Инин. — Об том и речь! Главное это богатство — личное здоровье. О нем необходимо тщательно заботиться, холить и печься. К тому ж, коньяк все вредные микробы в организме сжигает к чертовой бабушке.

— Гляди, чтоб однажды печень тебя не привлекла, — скаламбурил я, закуривая "родопину" и стараясь не смотреть в лицо оперу. Надоела мне уже его довольная лоснящаяся морда хуже пареной репы. Как лагерная баланда, короче.

Майор был не дурак и намек понял — поспешно приговорив стопку "на посошок", стал прощаться:

— Не хандри, Монах, и поправляйся ладом. И не слишком усердно разлагайся в теплом обществе с холодильником и тумбочкой!

— Чья бы корова... — усмехнулся я, выпустив в его сторону насмешливое колечко сизого дыма. — Ладушки. Ты тоже поменьше общайся с бутылкой — о деле мозги раскидывай, а не положи их в алкоголь. В ближайшие дни ожидаю от тебя благоприятных известий об обнаруженном, наконец, заказчике.

— Очень надеюсь что-нибудь для тебя разузнать, — не слишком уверенно заявил опер, берясь за ручку двери. — Выздоровливай, Евгений!

— Ты не кашляй, майор!

После ухода этого бескорыстного любителя халявного коньяка жидкости в бутылке осталось меньше половины. Ладно. Тут уж ничего не поделаешь. Каждый человек имеет право на свои маленькие слабости. А менты, если всесторонне и беспристрастно разобраться, тоже, как-никак, люди, и ничто человеческое им не чуждо. Алкоголизм и меркантильность — в особенности.

В палату, предварительно убедившись, что я один, вошла медсестра с компактным приборчиком для измерения кровяного давления. Приталенный белый мини-халатик смотрелся на ней не менее соблазнительно, чем продуманный летний наряд какой-нибудь путаночки.

А может, мне лишь казалось из-за томительно-долгого отрыва от интимного общения с прелестями женского пола. Ведь уже вечность целую страдаю в вынужденном монашеском воздержании. Неделя почти. Медсестра присела на краешек моего ложа, отчего халатик на ней натянулся, восхитительно подчеркнув крутые бедра и высокую грудь.

Я выпростал из-под верблюжьего одеяла голую правую руку, и мой бицепс плотно окольцевала черная надутая тряпка, не в курсе, как она по-научному называется.

— Милая сударыня, а ведь мы с вами почему-то все еще не познакомились, — забросил я пробный шарик. — Непорядок это. Крупное упущение. Вы не находите?

— Лежите спокойно, больной! — чуть-чуть улыбнулась фея в докторском халате, накачивая пальчиками резиновую "грушу", от которой шла гибкая трубка к "тряпке". — Вам, Евгений Михайлович,

много разговаривать пока вредно.

— Тем более непорядок! — не послушался я ее совета. — Вы меня знаете, а я вас — нет. Несправедливо как-то получается.

— Хорошо. Меня зовут Светлана Васильевна. Но можно просто Света.

— Замечательно! — искренне порадовался я первому сломленному льду между нами. — Но вы явно скромничаете, вы не просто Света. Нет! Вы луч СВЕТА в темном царстве страждущих! Ей-богу, ни капельки не преувеличиваю! Лстить с раннего детства не привык. Всегда и везде говорю исключительно голую правду, отчего и страдаю частенько.

— И стреляли в вас, конечно, за правду? — состроила невинные глазки медсестра, покачав белокурой головкой. — О, жестокий мир!

— Неприлично насмехаться над опасно раненным, сударыня! — строго-наставительно заметил я. — Где верность медицинской клятве Гиппократы? Выбросили за ненадобностью? Вы усиливаете мои телесные муки душевными, подозревая в неискренности. Да, стреляли в вашего покорного слугу за правду!

— Голую? — улыбнулась неожиданно бойкая девчонка, принимая правила игры несколько фривольной пикировки.

А ведь все эти дни я был совершенно уверен, что медсестричка скромна и невинна, как юная монашенка! Когда же я, наконец, научусь разбираться в женщинах?! Пора бы, кажется, — скоро сорок лет как небо копчу.

— Именно, барышня! Выказал одному негодяйскому "новому русскому" без утайки все, что о нем думаю, — и вот печальный результат налицо. Точнее — на спине. Как выяснилось, правда-матка нынче совсем не в чести.

— Кстати, рана не беспокоит? Обезболивающий укол не требуется?

— Благодарю покорно. Ничего не надо.

— Тогда, пожалуй, я пойду. У меня ведь еще две палаты на попечении. А давление у вас отличное, сто тридцать на девяносто. Будто и не больной вы вовсе.

Я еще долго зачарованно смотрел на закрывшуюся за Светланой дверь, мысленно продолжая любоваться волнующим покачиванием ее налитых бедер под узким халатиком. "Станок" хорошо развит, словно принадлежит взрослой опытной женщине, а не девятнадцатилетней девчонке. Да простится мне эта невольная пошловатость.

Остаток дня глядел телевизор, отдавая явное предпочтение боевикам и эротике — в тему с настроением. Думать о чем-то глобальном — к примеру, о причинах, уложивших меня на больничную койку, — желания не было. Да и не имелось в наличии достойного количества фактического материала, чтоб делать какие-то полезные выводы или хотя бы предположения.

Решил отдать себя во власть Морфея, когда на улице погасли фонари.

Из-за кондиционера и открытого окна в палате было приятно свежо. Несмотря на разгар августа, ночи на Урале отличаются своенравным прохладным характером.

Устроившись на правом боку, натянул на голову нежное верблюжье одеяло, оставив незакрытым только лицо. У меня с далекого детства такая привычка "закапываться", а вовсе не потому, что опасаясь повторить злосчастную судьбу папаши Гамлета, которому родной брательник влил в ухо яд во время сна. К тому же, мои "братишки" на подобную низкую подлость не способны. При надобности они просто стреляют вам в голову. Эффектно и без театральных затей.

2

Разбудил меня какой-то подозрительный шум за окном, будто что-то глухо стукнуло о подоконник. Приподняв голову с подушки, я разглядел при бледном свете луны, торчащие над подоконником "рожки" деревянной лестницы. Под чьими-то тяжелыми неторопливыми шагами уже противно поскрипывали перекладины. Должно быть, лестница долгое время бесхозно валялась на солнцепеке и сильно просохла.

Поддерживая больную левую руку, я выбрался из-под одеяла и тихо подкрался к окну, встав у стены рядом с кондиционером. Конечно: кто предупрежден — тот вооружен, но ничего, кроме своих ослабленных ранением физических данных, я сейчас противопоставить неожиданному ночному вторжению не мог. Все же слегка вооружился, прихватив с тумбочки пустую бутылку из-под коньяка.

Самое лучшее было бы спихнуть лестницу вниз, но я ясно чувствовал, что на сей подвиг сил мне не хватит.

В проеме окна показалась темная широкоплечая фигура гостя. Лицо его маской не прикрывалось, но было какое-то расплывчатое и явно незнакомое. По-кошачьи бесшумно спрыгнув на пол, киллер поднял руку в перчатке с зажатым в ней длиннотвольным пистолетом с глушителем и направил на мою незащищенную кровать. Раздалась серия хорошо знакомых мне "пробочных" хлопков, и дорогое верблюжье одеяло на кровати сразу потеряло товарный вид, превратившись в шерстяное сито.

При тусклом свете желтого ночника над деревьями больничной палаты злодей не сразу просек, что постель пуста и пули потрачены зря. Воспользовавшись этим, я со всей силы пнул неизвестному врагу в печень. Но то ли промахнулся сгоряча, то ли удар получился совсем неубедительным из-за мягкой домашней тапочки, надетой на ногу. Как бы там ни было, но убийца даже не пошатнулся. Вот если б на мне сейчас оказались любые остроносые туфли, то наглядный визитер мигом разлегся бы на полу отдохнуть на время от своей суетливой тяжелой профессии.

Продублировать удар я не успел. Киллер весьма легко отпрыгнул в сторону и направил свой шпалер в мою грудь, защищенную лишь тонкой фланелью спальной пижамы.

— Вот ты и приплыл, Монах! — раздался противно-скрипучий голос незнакомца. — Кранты тебе, браток!

Я сделал отчаянную попытку поднырнуть под руку с пистолетом и боднуть убийцу в солнечное сплетение, но был ослеплен встречной яркой вспышкой огня. Ноги мои моментально отнялись, а сердце пронзила острая режущая боль.

К счастью, все это было лишь обыкновенное кошмарное сновидение. Напрасно пожадничал, по ходу, позволив себе умять две порции говяжьей поджарки на ужин. Тяжелая пища на ночь отрицательно сказывается на психике — давно замечал. Впрочем, и на голодный желудок спать ложиться не менее чревато. В будущем надо быть все же поаккуратнее с этим делом, придерживаться золотой середины. Слишком не переедать то бишь.

А вот резкая боль в районе сердца оказалась всамделишная — неловко повернулся во сне на левый бок, потревожив простреленную лопатку. От того и пробудился.

Лежал с открытыми глазами, находясь под неприятным впечатлением привидевшегося удачного на меня покушения. Но скоро успокоился, вспомнив, что нынче не пятница и, значит, сон ни в коем случае не может быть "в руку" — вещим, то есть. Но все же встал и плотно закрыл окно от греха, защелкнув на оба

шпингалета. Береженного Бог бережет. Оптимистическое соображение насчет пятницы не является стопроцентной гарантией личной безопасности. По-любому: из всех правил бывают исключения, как известно. Перестраховаться никогда не лишне. И вовсе это не глупый страх, а просто присущая мне трезвая осторожность. В натуре.

Остаток ночи прошел спокойно. Никаких неприятностей в царстве Морфея больше не встретил. Наоборот, получил целую гамму непередаваемо-приятных ощущений, увидев себя веселым дельфином, беспечно резвящимся в искристых изумрудных водах с симпатичной молодой дельфинихой. Или дельфинкой, не в курсе, как будет правильней. Голубые глаза у нее, кстати, были почему-то совсем человечьи — точно такие, как у медсестры Светланы.

Но на следующий день, когда меня навестили Цыпа с Томом, я все же отдал должное несколько нервозному самочувствию:

— Ребята, оставьте-ка мне фигуру на всякий случай.

Цыпа с готовностью распахнул на себе джинсовую куртку, засветив громоздкую рукоять наплечного АПСа, но я отрицательно покачал головой:

— Нет, такая волына и даром не нужна. Том, у тебя что в наличии?

Управляющий баром, примостившись на краешек моей постели, задрал левую штанину и отстегнул от лодыжки аккуратнo-маленькую лайковую кобуру. Явно малокалиберный пистолет, но и этой "дамской" игрушки вполне хватит, чтоб обеспечить мне спокойствие и уверенность в себе. Я вынул из кожаной "колыбельки" совсем несерьезный на вид пистолетик и критически осмотрел:

— Что-то новенькое? Ты же, помнится, раньше красотульку "Беретту" таскал?

— Было дело. Но она слишком тяжеловата для моей лодыжки. Натирает. А этот "Лилипут" фирмы "Менц" на ноге почти невесом. Немчура крутые доки в изготовлении малокалиберных волын.

— "Люгеры" и "шмайсеры" у них тоже довольно не хило получаются, — для полной объективности добавил я к лестной для германцев характеристике соратника. — Какой калибр у "Лилипута"?

— Четыре двадцать пять. Шестизарядный магазин. Работает безотказно, сам проверял. Бьет точно под "яблочко". Глушитель в кармашке кобуры. Совсем новенький, — похвастал Том.

— Отлично! — я сунул боевой презент под подушку и закрыл тему: — Ладушки! Как там наш бизнес? Процветает?

— Бизнес в ажуре, — подал самодовольный голос Цыпа, пристраивая в холодильник новую стеклянную постоялицу — пятилитровую банку с солеными огурцами. — Как ему и положено, набирает валютные обороты. Сбоев не наблюдается.

— А как у тебя, браток? — улыбнулся я Тому, поощрительно ему подмигнув. Оно и понятно. Даже если у соратника и не все в порядке с торговлишкой спиртным, выговор делать я ему не собирался. Ведь он спас мне жизнь, как-никак. Поэтому вполне может чувствовать себя нынче героем дня и именинником, которому благодарный шеф запросто простит возможные недоработки в коммерции. Закрою глаза даже на убытки — если, понятно, они в пределах разумного.

— Все путем. Доход на прежнем высоком уровне, — как-то без особого энтузиазма отозвался управляющий пивбаром, скосив на меня свои серые глаза с поволокой. — Знаешь, Михалыч, я вот мыслю расширить децал наше дело. Сейчас жирные бабки на рэкетe можно срубить. Стоит лишь кулак частнику показать — и дело в шляпе. А коли пистолет засветить — враз, как курочка Ряба, золотыми яйцами нестись начнет со страху. В натуре! А мы почему-то проходим мимо этих перспективных алмазных приисков.

— Не нравится мне это пакостное словечко — рэкет! — вздохнул я, закуривая, чтоб сосредоточиться. — В переводе с инглиша как-то малоинтеллигентно звучит — вымогательство. Не находишь?

— Лажа! — недовольно отмахнулся от моих лингвистических изысков Том. — Не в слове суть! Это ж золотое дно, Монах! Нынче каждый дурак на этом крупные барыши поиметь в силах!

— Мы-то ведь не дураки, — встрял Цыпа, привнеся в деловой базар юмористическую нотку. — Дел и по нашему профилю, успевай только крутиться. Зачем нам еще и в эту блевотину залазить? Сдуру разве? Евгений, лично мне идея не в кайф! Хлопот с конкурентами не оберешься! Ведь только в Екатеринбурге не меньше полусотни банд халявой этой кормится! Взорвут к чертовой бабушке нашу пивную "Вспомни былое" — и все дела, концов потом не найдешь! Портфель с миной любому посетителю под столиком "забыть" — нет проблем, как два пальца обоссать! И придется нам с тобой, Евгений, отскребать от стенок то, что от Тома останется. А останется, учти, самый децал — даже в гроб нечего будет положить! С закрытой крышкой хоронить придется.

— Бой быков нам ни к чему, — подытожил я и сочувственно глянул на Тома, почти с ненавистью уставившегося на Цыпу. — Я понимаю, что ты жаждешь серьезного самостоятельного дела, но игра, по моему, не стоит свеч. Другие перспективные идеи есть в наличии? Я поддерживаю — будь уверен, брат! Не журишь раньше времени.

— Цыпа дует на воду, Михалыч! — стараясь говорить спокойно-убедительно, процедил сквозь зубы Том. — На рожон лезть я не собираюсь, гадом буду! Хочу подоить слегка лишь тех предпринимателей, которые не имеют боевого прикрытия. Никаких разборок не предвидится, поверь слову. Дело верное! У меня и список таких фирм, "крыш" не имеющих, составлен давно. Шестьдесят процентов от прибыли, понятно, тебе лично пойдет. "Лимоны" прямо под ногами валяются — только не ленись поднимать! Конкретно, Монах!

— Ну раз конкретно — тогда ладно, уговорил, — усмехнулся я, не желая отказом опускать настроение "имениннику". — Дерзай, Том. Но гляди, чтоб слишком много дров не наломать! Если наметятся ликвидации, сперва со мной посоветуйся. В обязательку!

— Будь спок, Михалыч! — расцвел Том, мигом воспрянув духом. — Закон знаю! Без твоего на то согласия ни одного делягу-эксплуататора к "вышке" не приговорю.

— Вот ладушки! — подвел я итог затянувшейся дискуссии и переменял уже поднадоевшую тему. — С органами, браток, осложнений не наблюдается? Менты, ясно, спят и видят, как бы привлечь тебя за незаконное ношение и применение оружия. Впрочем, думаю, майор Инин ржавые легавые потуги коллег пресек в корне. Не так ли?

— Я запросто обошелся бы и без страховки твоего толстого опера, — пренебрежительно вытянув нижнюю губу, заявил Том. — У меня были два свидетеля в заначке, которые подтвердили, что "Стечкин" я случайно в углу туалета обнаружил и собирался лично отнести его в управу. А за мокруху им меня при всем желании не привлечь — я действовал строго в пределах необходимой обороны. Не подкопаться мусорам, рубль за сто!

— Насчет свидетелей молодец. Весьма оперативно подсуетился! Предусмотрителен, бродяга! — похвалил я коллегу и, заметив хмурую мордашу Цыпы, переключил свое внимание на него, решив отвлечь соратника от мрачных мыслей о полупустом гробе с намертво прибитой крышкой.

— Цыпа, проглот! По себе меня меряешь! Ты на кой леший столько соленых огурцов приволок? Думаешь, за те несколько дней, что я здесь проваляюсь, пятилитровая емкость благополучно опустеет? Чревоугодие — смертный грех! А уж ты-то должен отлично знать, что без особой нужды я святые заповеди

стараясь не нарушать! Такой благородный у меня принцип. Что можешь предъявить в свое оправдание?

Наивный соратник непонимающе захлопал пушистыми пшеничными ресницами, распахнув, как окна в жару, свои небесно-голубые глаза, но быстро вкурил, что раздражение мое лишь наигранное и, расслабившись, широко усмехнулся:

— А я тоже предусмотрительный. Не хуже Тома! Вдруг ты решишь тут тормознуться? Я бы, к примеру, с такой аппетитной девахой, что градусник тебе ставит, не спешил распрощаться. На крайняк, пока сам бы ей кое-что кое-куда не вставил!.. Хо-хо!

Оба моих подручных весело-солидарно рассмеялись, словно уличили шефа в какой-то пикантной человеческой слабости, которой и сами были весьма подвержены. Я тоже слегка хохотнул из чувства приличия. Да и приятно наблюдать, когда соратники единоклюбы в проявлениях. Редкий случай. Пусть уже повеселятся чуток за мой счет — не жалко. Может, потихоньку и сдружатся, наконец. Чем черт не шутит! Надоело, признаться, лицедретить их вечное соперничество во всем. Даже по пустякам.

На непривычный для этой обители скорби шум в палату обеспокоенно заглянул дежурный врач, напомнивший строгим тоном, что время свидания с больным давно истекло. По вмиг заострившимся скулам Цыпиного лица я понял, что сейчас пошлет зарвавшегося эскулапа "куда Макар телят не гонял", и счел полезным тут же вмешаться:

— И правда, ребята, вам уже пора! Бизнес оставлять надолго без присмотра негоже. Не по-деловому. Ступайте восвояси, рад был пообщаться!

Послушные мальчишки, культурно попрощавшись, нехотя ретировались, чуть не сбив по пути — случайно, якобы, докторишку на пол. Тот еле успел испуганно отпрянуть в сторону, прижавшись к стене.

— О темпоре, о морес! — тяжело вздохнул старый эскулап, скосив на меня неприязненный колющий взгляд и тоже покидая больничный "люкс". С латынью, кстати, я накоротке. Это было совсем не ругательство, а лишь беспомощное восклицание, означавшее: "О времена, о нравы"! Его счастье, что на интеллигентного пациента нарвался. Кто-то другой мог бы докторишку и не понять, истолковав иностранную тарабарщину на свой счет. Тогда злобный старикашка в натуре поимел бы малоприятную возможность близко и весьма ощутимо познакомиться с нынешними крутыми нравами.

Со скуки я с полчаса послонялся взад-вперед по личному "апартаменту", пока не вспомнил, — совсем некстати, — тюремный прогулочный дворик. Такой же примерно квадратный метраж. Проклятое ассоциативное мышление! Мерять шагами расстояние от стены до стены враз расхотелось начисто.

Тупо пялиться в телевизор, как простой, затюканный жизнью обыватель, я не обожаю. Поэтому, щедро наплескав в высокий стакан ароматной золотистой жидкости из черной бутылки, пристроился на широком подоконнике полюбоваться из окна близлежащими окрестностями.

Больничный комплекс не имел забора даже декоративного. Его роль выполняли банальные кусты аккуратно подстриженной акации. Привычно надоевший городской антураж. Ни ума, ни фантазии у администрации лечебного учреждения. Я бы, например, посадил под больничными окнами сирень или даже плодовые деревья. Для разнообразия и улучшения пейзажа. Выглядело бы значительно оптимистичнее. А хорошее настроение для болящих — наипервейшее и чудодейственное лекарство, как выяснили современные ученые. Сам лично читал об этом в одной популярно-медицинской брошюрке.

Цыпа был прав: хоть и второй этаж, а совсем невысоко над землей, да и водосточная труба рядом с моими окнами проходит. Не нужно иметь разряд по альпинизму, чтоб сюда в два счета забраться. Впрочем, особо беспокоиться причин нет. Вон на обочине дороги всего в дюжине шагов от здания больницы притулилась к кустам бежевая "девятка" с выключенным мотором. Это, безусловно, ребята из

"Кондора" за моими окнами старательно-бдительно пасут, отрабатывая свой хлеб со сливочным маслом и паюсной икрой.

Правда, для объективности надо отметить, в работе охранников я выявил существенные огрехи, непростительные профессионалам, коими они себя считают. В девять вечера их "жигуль" покинул место своей стоянки и отчалил в неизвестном направлении. Появился вновь лишь в одиннадцать часов. Наверно, в это время у охранников происходит пересменка. Как бы там ни было, но целых два часа из-за их беспечной халатности я оставался без страховки со стороны улицы. Надо не забыть при случае попенять Цыпленку за такую вопиюще неграмотную организацию моей безопасности.

Телеящик успел надоесть мне еще вчера, поэтому включать его я не стал. Да и что там глядеть, в натуре? Хочешь посмотреть про жизнь коллег и вечно нарываешься на какую-то халтурную лажу, откровенную глупость. Вот, к примеру, фильм «По прозвищу "Зверь"». Я сюжет даже воспринимать всерьез не смог из-за одного персонажа — вора в законе по кличке Король. Джигарханян сыграл роль неплохо, но мне не давала покоя мысль, что меня нагло надувают, гонят чистейшую туфту. Ни один авторитет, и тем более вор в законе, с такой кликухой просто в природе существовать не может! На блатном языке Король означает активно-пассивный гомик. Худшего оскорбления для вора и придумать нельзя. За подобное унижительное прозвище "черная масть" не только пасть порвет, но и на куски порежет за две секунды. Автор кинофильма, как я знал, отсидел в восьмидесятых несколько лет в колонии за изнасилование. Но, видать, весь срок гасился от братвы где-то у параша, раз даже воровской жаргон не сумел ладом усвоить.

Заняться было совершенно нечем, и я начал подумывать о том, чтоб взять да и нарушить свои устоявшиеся привычки и традиции, завалившись в такую рань спать. Оригинальная идея. Ведь истинно свободный инвалид не должен признавать оков даже собственных привычек. Да, пожалуй, отправлюсь-ка я в гости к дружищу Морфею. Вот-то он удивится такому незапланированно раннему моему визиту! Самые интересные красочные сны у него, наверняка, еще в наличии — не мог же он успеть до полуночи все свои "бестселлеры" людишкам раздать.

Приоткрылась дверь, впуская в палату медсестренку Свету, вооруженную маленьким пластмассовым подносом, на котором одиноко стоял полстаграммовый стаканчик с каким-то желтоватым пойлом.

— Евгений Михайлович, вам надо лекарство принять.

— Что это? — взяв стаканчик, подозрительно принялся я.

— Обычное успокоительное. Микстура Павлова с небольшой добавкой транквилизатора, — пояснила Светлана, — лечащий врач прописал. Так как вы пережили нервный стресс, вам просто необходима медикаментозная поддержка психики.

— Да не было у меня ни стресса, ни шока. Ерунда какая! Думаете, в меня первый раз палят? Пустяки, я даже сознание не терял, сам лично в "скорую" залез, без глупых носилок обошелся. Не стану пить всякую дрянь, — так и передайте врачу-перестраховщику, который нахально о людях по себе судит!

— Больной! Нервничать вам сейчас категорически противопоказано! — соорудив строгое выражение на миловидном кукольном личике, заявила медсестра сухим казенным голосом.

— А тебе, Света, категорически противопоказана холодная суровость. Явно портит врожденную внешнюю привлекательность. Нежное сочувствие и понимание тебе больше подходит. Уж поверь слову специалиста, — примирительно улыбнулся я, отставив стаканчик с дурацкой микстурой для слабонервных хлюпиков на столик у кровати. — Впрочем, могу предложить отличный компромисс: ты — мне, я — тебе. В ногу с канонами развивающегося российского рынка, так сказать. Бартер по-научному.

— Любопытно, — Света впервые за время нашего разговора позволила себе улыбнуться, лукаво

блеснув глазками. — Что вы имеете в виду? Надеюсь, не что-то сверх нахальное? Архифривольное, если — как вы любите — по-научному...

"Палец ей в рот не клади, — пришел я к печальному выводу, но тут же утешился. — Хотя, ежели сильно постараться, то, возможно, удастся сунуть и кое-что посущественнее..."

— Во-первых, милая сударыня, перейдем, наконец, на дружеское "ты". Давно назрело, мне кажется. Во-вторых, Светлана, прошу освятить своим милым присутствием мой скромный холостяцкий ужин. День рождения нынче у меня, — пришлось в финале немного соврать, чтоб подвести солидную базу под несколько, признаться, двусмысленное предложение.

— Я согласна, — неожиданно легко сдалась медсестричка. — Но непереносимое условие, Евгений: в конце ужина ты примешь лекарство без всяких глупых отговорок.

— По рукам, сударыня! — тут же словесно подписался я под этим по-детски смешным соглашением, опасаясь, что Света может вдруг передумать, осознав всю опасность и зыбкость того пути, на который она столь легкомысленно беспечно шагнула.

Не давая времени соблазнительной собеседнице пойти на попятный, я со спринтерской скоростью оперативно соорудил на столике у кровати нехитрый ужин, выудив из холодильника дежурный набор холодных закусок: балык, коробку фигурного шоколада, апельсины и упаковку сырных "палочек". Увенчал все это дело бутылкой марочного "Матра". Коньячные рюмки по Цыпиному недосмотру в тумбочке отсутствовали, пришлось довольствоваться парой обычных хрустальных стопок.

— Терпеть не могу, когда трапезу прерывают случайные посетители, — заявил я, защелкивая шпингалет на двери в палату. — Это весьма пагубно сказывается на процессе пищеварения. Ты, как медработник, должна прекрасно знать сей научный факт.

Светлана довольно благосклонно приняла незамысловатую уловку. По крайней мере ничего не возразила, наблюдая за моими военными хитростями чуть насмешливыми блестящими глазами из-под кокетливо полупущенных ресниц. А может, и не насмешливыми вовсе, а просто лукавыми и отлично все понимающими.

Моя палата хоть и называлась "люкс", но кресло или диван в ней почему-то не были предусмотрены. Впрочем, в данной конкретной ситуации это упущение завхоза медучреждения играло мне на руку. Пришлось нам с очаровательной гостьей усаживаться за столик, используя в качестве дивана банальную больничную кровать, что сразу весьма заметно нас сблизило — как в фигуральном, так и в очень приятном прямом смысле.

Отечественный медперсонал, как я знал по кинопродукции, почти весь поголовно не дурак выпить и глушит чистый спирт, как какой-нибудь лимонад. Поэтому, недолго думая, плеснул в стопки коньяк чуть ли не до краев.

Светлана не обратила ни малейшего внимания на явно не женскую дозу, утверждая тем меня в мысли, что все же не всегда кинофильмы гонят наглую полную ахинею. Не обязательно все врут почем зря, то бишь.

— Странные у тебя продукты питания подобраны, — заметила Света, намахнув коньячную емкость и выбирая взглядом достойный объект для закуски. — Тут и соленое и сладкое вместе сосуществует. Прямо, как наша сегодняшняя жизнь.

— Бери шоколад, — посоветовал я, эгоистично сообразив, что ее милый ротик будет мне значительно приятнее после шоколада, чем после балыка или сырных палочек. — А разве современное бытие сладко-соленое? Вот никогда бы не догадался о таких мерзопакостных вкусовых качествах нашей жизни!

Впрочем, острил я совершенно напрасно — молодая собеседница даже не улыбнулась, сохранив на нежном личике напряженно-серьезное выражение, словно какой-то трудный вопрос решала.

— Ирония тут неуместна, Евгений. Разве ты не видишь, хотя бы на собственном примере, что оголтелые бандиты буквально затерроризировали город?

— Любопытно, — я невольно насторожился от такого неожиданного кульбита в разговоре. — Что ты имеешь в виду, дорогая? И при чем здесь солено-сладкое? Как-то странно прыгаешь с темы на тему, по моему.

— И вовсе никуда я не прыгаю! — капризно опротестовала мой намек на ее женскую алогичность Светлана, очень симпатично порозовев свежими юными щечками. — Власти поманили народ сладкой конфеткой капитализма, а что на деле вышло?! Начинка-то у "конфеты" соленой оказалась! Вместо культурных рыночных отношений получились просто зверино-животные отношения. Бандиты буквально всех под себя рэкетом подмяли. Скажешь, неправда?

— Полностью с тобой солидарен, малышка, — кивнул я, с неудовольствием закусывая шоколадным зайцем из коробки. — А ты-то чего вдруг по сущим пустякам переживаешь? Философски нужно мыслить. Богу — богово, кесарю — кесарево. Ты же не коммерсантка, не "новая русская", чтоб таким ядом на рэкет дышать.

— Да?! Думаешь, моя голубая мечта всю жизнь медсестрой горбатиться? Ошибаешься, Женечка! Я тоже хочу человеком стать, состоятельным и независимым. И кое-что уже сделала в данном направлении. Открыла на паях с двоюродной сестрой Людмилой прачечную "Белизна". Только-только на ноги стали становиться, а бандюги сволочные сразу тут как тут — долю от прибыли требуют. И что нам с Людмилой прикажешь делать? Закрывать, да?

— Ну, с этим спешить никогда не стоит, — обронил я, успокаивающе похлопав Свету по соблазнительно торчащим из-под короткого халата розовым коленкам. — Между прочим, я видел твою замечательную фирмочку. "Белизна" метровыми неоновыми буквами написана, верно? Тут недалеко — первый этаж пятиэтажки занимает. Весьма прилично смотрится.

— Не весь этаж, — скромно уточнила медсестричка, явно польщенная. — Раньше это была обычная трехкомнатная квартира. Две комнаты мы соединили, убрав перегородки, под прачечную, а в третьей сами живем. Тесновато, конечно, но мы надеялись соседнюю квартиру через годик-другой купить. Накрылась, впрочем, надежда с появлением этих хапуг-вымогателей. Прямо хоть в петлю с отчаянья залезай!

— Ну-ну, Светлана, не говори так. Большой грех о самоубийстве думать, — настоятельно изрек я, порываясь повторить профилактическую процедуру с коленками прелестницы, но Света сообразительно прикрыла их своими ладошками, разочаровав меня слегка.

— Так вы мне поможете, Евгений? — буквально огорошила собеседница. И не этим вдруг "выканьем", а совсем неожиданной постановкой вопроса. Ребром.

— Само собой, милая, — благородно брякнул я, не имея возможности хорошенько поразмыслить под испытующе внимательным надзором чудных лучистых глазок соседки по кровати. — А сколько надо денег? Коли в допустимых пределах разумного, то я, естественно, со всей душой...

— В пределах! — не слишком тактично прервала мои излияния Светлана. — Раз можешь позволить себе за "люкс" с охраной почти тысячу баксов платить в сутки, то нам с сестренкой подсобить особой проблемы для тебя не составит. Правда ведь?

— Вполне возможно, — не очень уверенно откликнулся я, ибо такие невероятно-крупные ежедневные расходы на содержание тут моей скромной персоны оказались для меня в натуре

неприятным открытием. Нужно будет потом не забыть все досконально у Цыпы выяснить. Подобная расточительность просто ни в какие ворота не лезет. — А сколько, все же, требуется монет? И когда?

— Завтра. Тысячу долларов вымогают в качестве первого месячного взноса.

— Беспредел! — возмутился я наглой нахрапистости неизвестных бандитов. — Куда родная милиция смотрит?! Оборзели же вконец, оглоеды! Небось, желторотое хулиганье какое-то из себя серьезных деловых корчит? Подростки-наркоманы?

— Нет, Женя, — вздохнула начинающая бизнесменка. — В том-то и дело, что это не шпана. На вид натуральные громилы, по розам и повадкам — уголовники с тюремным стажем.

— И много их? — уточнил я из любви к полной ясности.

— Не знаю. К нам вчера вечером приходили два амбала в десять часов, сразу после закрытия прачечной. Сказали, что из "Пирамиды".

— Вот гады! Внагляк общеизвестную криминальную "марку" используют. Ладушки. Давай прекратим о грустном, я с бандой улажу как-нибудь. Лучше продолжим-ка наш милый интимный междусобойчик. Не возражаешь?

— Ну, уладишь или нет — еще бабушка надвое сказала. А посулами сыта не будешь. Мне кажется, Женечка, что ты мог бы дать нам с сестрой требуемую сумму. Взаимообразно, понятно... — юная вымогательница выбрала толстенькую "рыбку" из шоколадного набора и весьма эротично откусила у нее головку. — А если завтра деньги уже не понадобятся, то я их просто тебе верну. Обещаю.

— Обещанного три года ждут, — засветил я приличную подкованность в житейских пословицах-поговорках. — Шутка! Ладно. Для успокоения твоей душеньки сделаю так, как просишь. Благо, личные вещи вместе с бумажником тут же обретаются. Неподалеку.

Подойдя к стенному плательному шкафу, распахнул тонкие дверцы и выудил из внутреннего кармана своей куртки объемный "лопатник" из эластичной лайковой кожи.

"Штуку" гринов вкупе с пачкой отечественных банкнот имею при себе практически постоянно, так как непредвиденные финансовые расходы в моей повседневной безалаберной жизни были совершенно предсказуемы и ужасно часты. Я ведь заядлый глупо-наивный филантроп на самом дне души. И сколько ни льется туда горечи разочарований и желчи трезвого рассудка — все без толку. Таким уж, по ходу, законченным болваном уродился. Вечным добряком оптимистом то бишь.

— Вот. Держи презент, Светик-семицветик. Зеленоцветик, точнее, — бодренько сказал я, подавая ей худощавую пачечку зелененьких стодолларовых купюр и с некоторым, тщательно скрываемым сожалением наблюдая быстрое исчезновение валюты в нагрудном кармашке халата медсестрички.

— А я ведь не верила, Евгений, что всерьез говоришь. Все вы, мужики, только на слова-обещания горазды, — призналась Светлана с очень довольным видом. — Думала, заливаешь, как и про свой день рождения — он же у тебя двадцатого февраля, не так ли?

— Откуда такая поразительная информированность? — полюбопытствовал я, усаживаясь на прежнее место рядышком с прелестницей. — Ты, случаем, в Интерполе не подрабатываешь на полставки?

— Все проще, Женя. Я твою медицинскую карту глядела в регистратуре. За свои сорок лет ты, оказывается, в нашем лечебном заведении уже шесть раз сподобился побывать. Ветеран, можно сказать! Дважды "скорая" сразу в реанимацию доставляла, верно ведь?

— Было дело. Не всегда же детские ранения судьбой-проказницей отламываются, как в тот раз. Впрочем, давай закончим о грустном. Не люблю. — Я наполнил стопки червонным золотом коньяка и

предложил простенький тост: — Выпьем, дорогая сударыня, за те дружеские отношения между мужчиной и женщиной, которые без глупо-ханжеских проволочек быстро перерастают в тесные интимно-партнерские. К полному удовлетворению как духовных, так и чисто плотских желаний обеих заинтересованных сторон, что весьма полезно для оптимистического восприятия действительности.

Одним махом опорожнив хрустальную емкость, я, пользуясь отсутствием в данный момент заградотрядов из рук соседки, приземлил ладонь на розовые округлости ее коленок и слегка погладил-помассажировал их пальчиками. Мне, кстати, подобные ласки не доставляют ни капли удовольствия — старался я исключительно для пользы Светланы. Ведь известно, что через кончики пальцев струится живительная электропсихическая энергия, которая в силах зажечь любую "лампочку"-женщину. Даже фригидную от рождения. Сам лично читал об этом в одной научно-популярной брошюрке. В достоверности коей еще раз смог убедиться — медсестренка даже попытки не сделала, чтоб освободиться от моих нахально-требовательных "электродов". Осмелев, я продолжил нежное пальчиковое путешествие к намеченной желанной цели и вдруг замер от неожиданности — на Светлане не оказалось нижнего белья. Выходит, под халатиком она в чем мать родила. Совершенно голенькая то бишь.

Света мягко отстранила мою парализованную руку и как-то очень уж по-взрослому усмехнулась:

— Жарко. Летом я почти всегда так на работу хожу. Халат плотный, не просвечивает. Ты шокирован, да?

— Нисколько! — бодрячески сказал я, порываясь возобновить увлекательную атаку на бастион, который кроме колечек шелковистых волос ничем, как выяснилось, защищен не был.

— Какой ты нетерпеливый! — поощрительно улыбнулась законспирированная нудистка. — Но сначала, как условились заранее, прими лекарство. Будь пай-мальчиком.

Терять драгоценное время на явно бесполезные отнекивания было жаль. Потому я безропотно заглотил противно-горькую микстуру, зажевав миниатюрным шоколадным бочонком с вишневым ликером.

— А теперь ложитесь, больной, на кровать. Я сама все сделаю, не потревожив ваше травмированное плечо, — наигранно строго велела медсестра, расстегивая перламутровые пуговицы на своем хрустяще-накрахмаленном халате. — Ты как, Евгений, предпочитаешь: чтоб я сидела к тебе спинкой или лицом?

— Спинкой оно более как-то впечатляюще, — не раздумывая, выбрал я и пояснил: — Люблю, малышка, обозревать сразу все основные женские достопримечательности. Я ведь художник по характеру. Натуралист.

Видок и на самом деле получился знатно потрясный — чуть полноватые молочно-ослепительные ягодицы вкупе с гибко-тонкой загорелой талией и спиной смотрелись ничуть не хуже какой-нибудь похабной картинки Пикассо. А в ритмических движениях "всадницы" был такой весело-задорный напор, что у меня закралось смутное подозрение, что трахаю не я, а меня. Ладно. По крайней мере, можно с удовлетворением отметить тот факт, что мой милый орган нашел-таки себе более интимно-приятное и нежное отверстие, чем то, которое ему предлагалось Светой в первый больничный день. Таким образом, замечательный осязаемый прогресс налицо. На члене — точнее.

Впрочем, через пять-семь минут мне почему-то уже прискучило любоваться живой порнокартинкой, голова стала какой-то ватной и одновременно тяжелой, возбуждающий адреналин в крови весь куда-то испарился, превратив тело в бесчувственное бревнышко. К ужасу своему, я вдруг ощутил, что и "телескоп" мой начал заметно сокращаться — до размеров обыкновенной подзорной трубы. Карманного варианта.

Но страшного позора я все же избежал, успев выплеснуть мощный заряд мужской энергии в

наседавшую "противницу", пока затвор моего орудия окончательно не заклинило от непонятного охлаждения. Удался сей постельный подвиг только благодаря непревзойденному личному творческому воображению: призывая оргазм, я мысленно представил себе такую красочную ошеломляюще-страстную оргию, которую, уверен, не лицезрел даже сластолюбец маркиз де Сад в своих развратных наркотических снах.

Света повернула ко мне довольное улыбающееся личико, хотела что-то спросить, но передумала и слезла с кровати. Да и о чем базарить — "подзорная труба" уже нагло съезжилась до параметров банального театрального бинокля.

Я поспешно прикрыл свое увядающее хозяйство верблюжьим одеялом и, делая хорошую мину при плохой игре, весело заявил:

— Благодарю, милая, за подаренное щедрое блаженство. На сегодня, пожалуй, хватит. Наверно, в схватке с коньяком я сильно переоценил свои силы. Прости, малышка, но спать хочу — просто спасу нет.

— Все нормально. Почти все мужики один раз кончают, — понимающе-снисходительно улыбнулась медсестра, натягивая халат и аккуратно застегивая пуговицы на нем. Спокойной ночи, пай-мальчик! Бай-бай!

Для собственной реабилитации и объективности я хотел внести полную ясность в вопрос и популярно разжевать этой нахальной девчонке, что обычно "кончаю" за любовный сеанс не менее трех раз, но пока мысленно выстраивал слова в стройно-убедительный ряд, Света уже упорхнула из палаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Оно и к лучшему. Разговаривать сил уже не осталось, как и держать глаза открытыми. Веки словно были нашпигованы свинцовой дробью пятого номера. Сознание мое плавно-легко отделилось от брэнного тела и воспарило в бездонную глубину черного неба на любовное свидание с какой-нибудь приглянувшейся звездочкой, наверное.

3

Пока я безмятежно дрыхнул, моя деятельная мозговая подкорка, как всегда, досконально проанализировала сложившуюся ситуацию и по утруне, когда проснулся, выдала уже готовое обоснованное решение:

"Это была не успокоительная микстура, а сильнейший снотворный препарат. Судя по специфическому привкусу и быстро последовавшей реакции, в стаканчике находился натрий-оксибутират, либо самый его ближайший родственник".

Хорошо хоть, что не подлым клофелином попотчевала, а то бы мог просто вообще не проснуться. Движущий Светкой мотив ясен — не желала, негодяйка, всю ночь напролет отрабатывать мой валютный презент. Еще раз с прискорбием убедился на данном живом примере, что черная неблагодарность и махровый эгоизм свойственны буквально всему роду человеческому — как "сильной", так и "слабой" его половине. Тут уж, по ходу, ничего не изменить. Не зря мудрые медики пересаживают людям органы свиньи. Внутреннее строение у них совершенно идентично. Весьма знаменательный и все отлично объясняющий, по-моему, факт.

Но наука наукой, а свербившая мысль, что эдак безалаберно-глупо выбросил на ветер тысячу баксов, явно испортила мне оптимистическое восприятие жизни — даже позавтракал без малейшего проблеска аппетита. Просто забросил в топку желудка необходимое для нормальной жизнедеятельности количество калорий в виде овощного салата, яичницы с беконом и парочки маленьких бутербродов с маслом и паюсной икрой. Без всякого удовольствия, только для того, чтоб не есть всухомятку, запил все это нехитрое дело двухлитровой бутылочкой пивка "Монарх" и, закулив из портсигара, присел у широкого открытого окна полюбоваться от скуки на близлежащие окрестности.

Впрочем, любоваться было особенно нечем. Куда ни глянь, со всех сторон уныло торчали серые трех- и пятиэтажные домишки. На некоторых еще сохранились атрибуты древней архаики — печные трубы, свидетельствующие о почтенном возрасте строений — никак не меньше полувека. Уже несколько десятилетий трубы эти не коптили уральский небосвод, став безработными из-за победившего конкурента — природного газа. Небось, всякую уже надежду потеряли по-новому вернуться в строй. А зря, по ходу. Отчаиваться никогда не стоит. Жизнь, как утверждают философы, развивается по спирали. Вон в Приморском крае — позавчера по телевизору сказали — население с отчаянья свечками уже запасается из-за бушующего там энергетического кризиса. Скоро он и до Урала докатится. Вот тогда-то и оживет снова дряхлое печное отопление. Когда новые башмаки украли, нужда заставит вспомнить о старых, как говорится. Представляю, сколько в трубах птичьего помета и паутины скопилось за годы их покойного бездействия. Сейчас, наверное, это натуральные Авгиевы конюшни, которые привести в относительный порядок сможет лишь какой-нибудь новоявленный Геракл.

Правда, есть шанс, что правители на московском Олимпе вовремя одумаются, перестанут внаглую разворовывать народное хозяйство и не дадут экономической разрухе окончательно и бесповоротно захлестнуть Россию-матушку. Голодные бунты и погромы нуворишам, вроде, ни к чему.

Ладно, хватит всей этой ерундой личную голову забивать — еще заболит, не дай Бог. У меня есть более важные проблемы в повестке дня. К примеру: как реагировать на ситуацию со Светкой, чтоб не выглядеть хотя бы в собственных глазах полнейшим наивняком. Лохом, то бишь.

Конечно, девчонка меня просто использовала в своекорыстных интересах, ни о каких нежных чувствах и речи идти не может. Ну и наплевать. В конце концов — каждый зарабатывает как умеет. Житейская аксиома. И оскорбляться тут не на что, по сути.

Неожиданно проклюнувшаяся в мозгах неприятная мыслишка заставила срочно произвести ревизию бумажника. Но опасения оказались совершенно напрасными — все дензнаки были на положенном месте. Лопатник похудел лишь на тысячу гринов, которую я по доброте-широте душевной сам оттуда вчера изъял на чисто благотворительно-гуманитарные цели. Хотя, если пасьянс разложить с умом, то и эти испарившиеся в пространстве баксы могут вполне легально вернуться обратно...

Эта замечательная идея так мне понравилась, что я весь день обдумывал детали претворения ее в жизнь. Самым простейшим, понятно, было бы кликнуть Цыпу и поручить ему разобраться с оборзевшими вымогателями, напроць отбив у них халявские замашки. Явно несерьезные рэкетиры какие-то подвернулись — так переть буром в привычках уголовных одиночек, а не солидных деловых. Рубль за сто, что за их спинами никто из влиятельных не маячит, действуют мальчишки на свой страх и риск. Это значительно все упрощает. Пожалуй, Цыпленка привлекать нет надобности. С таким легким дельцем и сам управлюсь без проблем. Гарантия.

Я высвободил свою левую клешню из перекинутой через шею марлевой перевязки и осторожно пошевелил пальцами. Никаких болевых ощущений в плече не наблюдалось. Весьма этим ободренный, подвигал уже всей рукой. Потревоженная левая лопатка тут же отозвалась тупой ноющей болью, спеша возвестить, что еще не совсем оправилась после пулевой травмы и настойчиво требует покоя. Боль, правда, вполне терпимая, но я все же решил застраховаться и утихомирить ее перед акцией, оглушив уколom замораживающего новокаина. Хотя левая рука далеко не главная в нашей профессии, но без ее деятельной помощи мне нынче по водосточной трубе ни за что не спуститься, и тем паче не подняться потом. Как пить дать. Я не обезьяна — пятая хватательная конечность в виде цепкого хвоста в моей конструкции отсутствует. Приходится довольствоваться лишь тем немногим, что есть в наличии. Зато, на зависть всем зверям, у меня имеется отличная альтернатива их мощным клыкам и когтям — шестизарядный "Лилипут". Необходимо, кстати, проверить пистолет в работе и заодно кокнуть лампу уличного фонаря напротив моих больничных окон. Его неоновый свет будет сегодня верняк не в тему. Совсем некстати, то бишь.

Я даже мужественно решил совершить небольшой личный подвиг и не притрагиваться к запасам алкоголя до благополучного завершения вечерней прогулки. Такая невероятная самоотверженная ответственность вызвала у меня, не скрою, глубокое восхищение собственной силой воли.

Терпеливо дождавшись, когда наручные часы показали девять вечера, я приступил к воплощению разработанного замысла в реальную действительность.

Сперва вызвал дежурную медсестру и настоял, чтобы она вколола мне в левое плечо ампулу пятипроцентного новокаина, сославшись на беспокоящую острую боль.

Молодая сменщица Светланы, своими габаритами более смахивавшая на повариху кафе, чем на работницу медучреждения, сделала два купирующих укола и, явно нехотя, покинула палату, призывно покачивая мощным тумбообразным задом. По всей видимости, наглая Светка не только рабочую смену ей сдала, но и меня, как некую своеобразную почетную эстафету. Ничего не выйдет, хитромудрые девочки! Я не кретин, к вашему сведению, и не дойная коровка. Отстегивать по "штуке" гринов за ночь не намерен. Да и не по кайфу мне такие жирные тела. Объемно-рельефные бедра я, признаться, весьма даже уважаю, но чтоб и талия обязательно у телки в наличии имелась.

Никак внешне не отреагировав на наивные заигрывания медсестрички, я закрыл за ней дверь и для надежности защелкнул шпингалет.

На улице за окном уже довольно внятно смеркалось. Этому хорошо способствовали плотно набежавшие на небосвод ненастные тучки, полностью скрывавшие грешную землю от бледного лица луны.

Данный факт я счел за благоприятное для намеченной акции предзнаменование. Ведь вполне логично предположить, что раз мне подыгрывает сама Природа, то, значит, где-то наверху уже выдали "добро" на претворение моего плана в жизнь. Таким нехитрым способом мудрый космический Абсолют прозрачно намекает, что все путем — сегодняшнее "лыко" мне "в строку" не засчитает. Это приятно обнадежило и взбодрило личное тело и нервы не хуже ста пятидесяти граммов благородного коньяка. Люблю, если честно, что высшие силы не считают западло подать мне знак, как равному.

Ладушки. Свою нежную сверхчувствительную совесть я благополучно успокоил, теперь пора и за дело приниматься.

Предательский уличный фонарь пока еще не горел, но был отчетливо различим на фоне трехэтажного домишки из белого силикатного кирпича.

Пузатенький цилиндрик глушителя лишал возможности воспользоваться прицельной мушкой пистолета, но, к счастью, от цели меня отделяли какие-то несерьезные десять метров — с такого дохлого расстояния я даже навскидку не промахиваюсь. В натуре. Одарил меня Всевышний таким редкостным замечательным талантом — буквально кожей руки всегда чувствовать, куда пойдет пуля. Так что святую библейскую заповедь "Не зарывайте свой талант в землю" я очень даже чту и блюду. Стараюсь при любом подходящем случае ей послушно следовать. Из-за чего практически и не расстаюсь с пистолетом.

Автомшины охранников из "Кондора" поблизости не наблюдалось. По ходу, ребятки уже благополучно слиняли на пересменку. До их появления в одиннадцать часов я вполне успею сварганить свое маленькое дельце и вернуться обратно. Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить.

Первая же "лилипутская" пуля расколола плафон фонаря, о чем свидетельствовал звон посыпавшихся осколков стекла, но я не стал излишне скупердяйничать и послал по тому же адресу свинцового дублера для полной гарантии.

Личную больничную экипировку менять не счел нужным. Только к спортивному костюму и кроссовкам добавил "Лилипут", прицепив крохотно-изящную кобурку на лодыжку под левой штаниной.

К счастью, фрагменты водосточной трубы были основательно-плотно пригнаны друг к другу, и мне не пришлось испытать сомнительное удовольствие свободного парения. До земли я благополучно добрался за каких-то несколько минут. На подъем, ясно, потребуется значительно больше и времени, и физических усилий.

Мой любительский альпинизм остался, судя по всему, неоцененным случайными зеваками. Их просто не было в наличии. Улицы заметно обезлюдели, мне навстречу попадались лишь редкие прохожие. Этому имелось два объяснения: во-первых, вечерний Екатеринбург чреват весьма реальной угрозой не только для кошельков, но и для здоровья граждан из-за разошедшегося бандитизма, и, во-вторых: началась серия душещипательного мексиканского телефильма, так полюбившегося российскому обывателю.

Зрительная память у меня на неплохом уровне развития — нашел искомую пятиэтажку без особых хлопот на соседней улице. Фасад первого этажа здания украшала помпезно-вызывающая огромная вывеска "Белизна".

Вот если бы вывеска была поскромнее, — вдруг подумалось, — то, вполне возможно, и не привлекла бы прачечная к себе столь пристального внимания рэкетиров.

Обойдя дом с тыла, нырнул в двери нужного подъезда. Продолговатый "пенал" площадки первого этажа имел три двери. Какая из них вела в частную прачечную, я разбираться не стал, сразу заняв исходную позицию в единственном здесь темном месте — крохотно-тесном закутке под лестницей.

От двери подъезда меня почти полностью закрывал металлический шкаф электрического

распредщитка. Тусклую лампочку под серым, давно небеленым потолком я выбивать не считал необходимым, так как визуально не знал "клиентов". Кромешная темень может в данном конкретном случае сыграть на руку не мне, а моим противникам. Вот кабы имелся в наличии фонарик — тогда другое дело.

"Ролекс" показывал без малого десять, визитеры должны нарисоваться с минуты на минуту. К теплой — вернее, горячей встрече я уже основательно подготовился: вытащив "Лилипут" из колыбельки-кобуры, передернул затвор и снял его с предохранителя.

Громко хлопнула входная дверь, и по площадке тяжело затопали чьи-то башмаки. Выглянув из своего укрытия, я разглядел двух средних лет амбалов с короткими стрижками и в одинаковых черных джинсовых костюмах. По описанию Светланы это именно те, кого я поджидаю.

Спрятав правую руку с огневым "аргументом" за спину, я покинул засаду и шагнул навстречу парочке, которая вкопанно остановилась на середине площадки, подозрительно уставившись на неожиданную живую преграду.

— Привет, Монах! — широко-дружелюбно осклабился ближайший ко мне амбал, перестав суетливо лапать под курткой свой шпалер.

Ну что за напасть такая!!! Похоже, каждая уголовная морда в городе знает меня в лицо! Сейчас еще выяснится до кучи, что мы с ним где-то вместе тянули срок. Только теплых воспоминаний мне в данный момент как раз и не хватает для полного счастья!

Без лишнего базара я вскинул невесомо-легкий германский "Лилипут" и парой точных выстрелов превратил рэкетиоров в неких сказочных циклопов, щедро наделив каждого третьим красным "глазом" аккурат в середине лба.

Склонился над поверженными врагами дабы убедиться, что их переезд из Екатеринбурга в Сочи уже благополучно завершен. На какой-то миг удивился их радикально изменившимся мордахам — обе вдруг стали густо веснушчатыми. Но тут же просек, что это не родимые пятна вовсе. Просто стрелял я практически в упор, и "фотокарточки" громил забавно усыпали крапинки пороховой гари.

Кажется, уже не дышат. Да и не мудрено. Пуля такого мелкого калибра обычно пробивает лишь лобную кость, а дальше просто кувыркается внутри, многократно рикошетируя от стенок черепной коробки. Выйти из башки слабеньких убойных силенок пульке не хватает. Но нет худа без добра, как говорится. Затылки потерпевших хоть и остались невредимо-целехонькими, но зато их мозги после суетливых зигзагов свинцового "гостя" сейчас наверняка на пошинкованную капусту смахивают. Поэтому контрольные выстрелы я благоразумно производить не стал, решив слегка сэкономить. Два патрона всего-то в обойме осталось. Лучше побережь боезапас на всякий непредвиденный случай.

Сунув карликовый шпалер в кобуру на ногу, я перешагнул через некрасиво развалившихся на пыльно-грязном полу двух бездыханных бедолаг и вышел из душного подъезда на свежий воздух.

На скамейке у подъезда сидел какой-то крепкий мужик, сразу поднявшийся при моем появлении. Подумав, что это третий поделщик рэкетиоров, оставленный здесь на страховочном шухере, я уже сгруппировался, чтоб приветствовать его для начала своим коронным привычным приемом — левой в солнечное сплетение и правой снизу в челюсть, но недоразумение тут же бескровно-благополучно разрешилось, не успев довести меня до греха.

— Добрый вечер, Евгений Михайлович, — бодро сообщил незнакомец, одергивая на себе пятнистую куртку "афганку". — Совершаете оздоровительный моцион? Угадал? Ежели уже закончили променаж, то, может, обратно в больницу пойдём? Не возражаете?

— Ты, земляк, меня прямо заразил своей страстью всякие вопросы задавать! Кто ты такой? Как меня вычислил?

— А я от самой больницы за вами ехал. Вы так сильно спешили, я чуть вас не проморгал пока с машиной возился. Понимаю, что желали с глазу на глаз с кем-то встретиться, без свидетелей, но вынужден был за вами хвостом увязаться. Я не нахал, но так как головой отвечаю за безопасность клиента, то...

— Ты из "Кондора"? — мигом просек я ситуацию и кивнул на примостившийся у детской песочницы бежевый "жигуль". — Твои колеса? Поехали, короче!

Когда "девятка" благополучно выкатилась на дорогу, я задал весьма интересовавший меня вопрос:

— Почему один? Куда делись коллеги?

— Ребята ужинают в "цыплятах". Вы не возражаете, если мы их прихватим по дороге? Чего мне зазря туда-сюда мотаться?

— Рация или сотовый телефон имеется в наличии? — не спеша отвечать, продолжал я выяснять очень существенные для меня моменты.

— Телефон только у старшего. Он его с собой забрал. Ну так как решили, Евгений Михайлович, заскочим по-быстрому за ребятами? Крюк тут невелик.

— Ладушки, — облегченно откинулся на спинку сиденья, убедившись, что о моем вечернем походе дружки охранника, к счастью, не информированы. — Так и быть, подберем обжор.

Мне понадобилось целых полторы минуты, чтобы обстоятельно прошевелить в голове сложившуюся ситуацию и принять единственно верное решение. Да, весьма тяжек "крест" Монаха, но тут уж, по ходу, ничего не поделаешь. Не зря в священной Библии сказано: "ровно по мере сил ваших дано вам будет"... Так что роптать тут глупо и даже, в натуре, грешно. Надо с должным смирением принимать на плечи неожиданные новые испытания. Хорошо хоть, что плечи у меня крепкие.

— Земляк, сверни-ка вон в тот темный переулочек. Отлить мне срочно требуется подале от глаз людских. Стеснительно-скромный я чересчур.

Через несколько мгновений у меня появился серьезный повод улучшить настроение, похвалив себя за проявленную на лестничной площадке аккуратную предусмотрительность — сэкономленный боезапас оказался точно в тему. Очень даже кстати то бишь.

Последние кварталы до больницы пришлось преодолевать чуть ли не вприпрыжку — грозовое небо так недвусмысленно нахмурилось кустистыми бровями туч, что было ясно — на подходе ливень. А коли родная водосточная труба станет вдруг мокро-скользкой, то мне подвиг восхождения верняк не совершить. Гарантия.

Но все обошлось. Хляби небесные разверзлись лишь тогда, когда я уже забрался в окно своей палаты.

В натуре: высшие силы нынче явно благоволят к моей скромной особе. За что я благодарно и искренне зауважал их еще сильнее.

4

Улыбчиво солнечный день ничем не напоминал о пронесшейся ночью над родным Екатеринбургом грозовой буре. Разве что веселым матовым блеском свежеемытого асфальта и терпким запахом земли и акации, не изнасилованным пока еще смрадом вечного городского смога.

Впрочем, состояние любезной сердцу природы волновало меня в данный момент в наименьшей степени. Прислонившись к оконному косяку, я неторопливо курил и высматривал внизу автомобиль личных охранников. Скоро его отыскал — из густых кустов акации рядом с дорогой торчал черный бампер "тойоты". Ребятишки из "Кондора" на своем боевом посту, хоть и на другой машине. Эскадрон ускакал, "не заметив потери бойца" — как в одной бодренько-печальной песенке поется... В любом случае, ночное происшествие с шофером они на мой счет не отнесли — это ясно, как дважды один.

Выходит, можно смело себя поздравить — подозрительной суеты не наблюдается, карты легли на ломберный стол Судьбы именно так, как я рассчитывал.

Вполне удовлетворенный сделанным оптимистическим выводом, я выбросил окурок в окно и вернулся к низкому столику у кровати с целью слегка подкрепиться: во-первых, время завтрака уже наступило, а во-вторых, пара банок баварского пива, что я успел с утра приговорить, пробудили в желудке нечто, сильно смахивавшее на проблески аппетита. Но сервис в медучреждении, надо отметить, явно оставлял желать много лучшего. Хотя солидным "люксовым" постояльцам могли бы, эскулапы задрипанные, вовремя хавку приносить. Нигде в несчастной России, по ходу, порядка и дисциплины уже нет. Сплошное разгильдяйство всюду и во всем.

Когда я, плюнув на отечественную систему здравоохранения, собрался уже лично соорудить себе легкий завтрак из бутербродов, дверь, наконец-то отворилась и Светлана вкатил в палату квадратный столик на колесиках, уставленный фаянсовыми тарелочками с моим обычным скромным ленчем, состоящим из яичницы с беконом, овощного салата из помидоров со сметаной и парочки поджаренных тостов.

С некоторым разочарованием обратил внимание на неприятное нововведение в экипировке Светы — нынче на ней под халатиком красовались плотные зеленые "лосины", пуритански скрывая прелестные розово-загорелые ноги от моего плотоядного взора.

— Салют, Светик-зеленоцветик! — помогая ей переставлять тарелки на столик у кровати, двусмысленно пошутил я, желая снять с кукольного личика медсестренки слишком уж напряженно-серьезное выражение.

Но моя новая пассия не откликнулась даже улыбкой, старательно избегая встречи наших взглядов и сохраняя отрешенно-каменное лицо.

— У тебя что, зубы болят? Или какой-то молодой пылкий докторишка выпасться не дал? — невинно поинтересовался я, отправляя в пасть первый кусок дивно сочного бекона. — Ты уже завтракала? Если нет — смело присоединяйся. У меня тут запросто хватит для двоих, не сомневайся.

— Я не сомневаюсь. Вчера ведь твоих возможностей тоже хватило для двоих, верно? — Света вдруг вскинула на меня свои синеокие глаза-пистолеты, должно быть, желая застать врасплох, но не на того напала, наивная дурочка.

— Что конкретно имеешь в виду? — полюбопытствовал я, спокойно-деятельно продолжая утреннюю трапезу. — Если думаешь, что с твоей толстушкой сменщицей сексуально развлекался, то впадаешь в глубочайшее заблуждение. Несправедливо обидно, малышка, для моих искренних чисто-честных чувств к

тебе!

Наверно, целую минуту Светлана не сводила внимательно-недоверчивых и одновременно растерянно-испуганных глаз с моих равномерно двигавшихся челюстей, затем вынула из кармашка халата плоский бумажный пакетик из газеты и осторожно пристроила его на краешке стола, будто это бомба была, а не безобидно-банальные баксы.

— Что это? — равнодушно спросил я, тщательно стерева, непроизвольно наползавшую на губу, довольную усмешку.

— Возвращаю ваши доллары, Евгений. Не понадобились... Вымогатели до прачечной дойти не смогли. Кто-то застрелил обоих вчера прямо в подъезде. Всю ночь милиция жильцов нашего дома допрашивала. Убитых не опознал никто. Мы с Людмилой тоже... Правильно сделали?

— Наверное, — пожал я плечами, откладывая в сторону вилку с ножом. — В уголовном деле лучше вообще не фигурировать. Даже в качестве свидетелей. Спокойнее как-то. Теперь-то я просек, наконец, твое странное поведение! Ты что же, милая глупышка, вообразила, будто я каким-то боком в этом замешан, да?

— Не знаю, что и подумать, — устало призналась Светлана, отводя от меня смущенный взгляд. — Но очень уж странное, согласись, совпадение получилось...

— И ничего странного тут нет! — решительно опроверг я сей безусловно-очевидный факт. — Сама здраво посуди: из больницы я не выходил, что может засвидетельствовать поголовно весь эскулапный персонал, посетителей ко мне вчера не было — то бишь, поручить кому-нибудь разобраться с рэкетирами тоже не имел возможности. Убедил?

— Но ты ведь мог просто куда-то позвонить... — не слишком уверенно сказала Света, явно начиная сомневаться в своих поспешных первоначальных выводах.

— А вот и нет, малыш! — не счел я нужным сдерживать самодовольный смехок победителя. — Из палаты вчера вообще не выходил и телефоном ни разу не пользовался! Спроси у дежурной сестры, коли все еще сомневаешься.

— Обязательно спрошу, — твердо пообещала эта наглая девчонка, толкая столик на колесиках в обратный путь. — Прости, Евгений, но я пойду. Голова от всех этих волнений ну прямо раскалывается.

— От мигрени замечательно коньячок помогает, — поделился я ценным научным открытием. — Не хочешь принять капельку-другую? Чисто символически. Для поднятия тонуса.

— Как-нибудь в другой раз. Не обижайся, — Света сделала жалкую попытку улыбнуться, но ничего путного у нее не получилось, и поспешно покинула мой "люкс" вместе со своей передвижной "скатертью-самобранкой", выглядевшей сейчас уныло-пошло из-за тарелок с остатками недоеденной пищи.

"Ну и дьявол с тобой, золотая рыбка! — не стал я расстраиваться от такого откровенного проявления холодной отчужденности девчонки. — Не очень-то и хотелось!.."

Случайно вспомнив, что подобные слова говорила в знаменитой басне лиса, не сумев добраться до желанного винограда, я щедро плеснул себе в стопку фирменного французского "лекарства от мигрени" и, чокнувшись с бутылкой, провозгласил:

— Не переживай, кумушка-лиса, по порожнякам! Винограда и девок еще будет в жизни с избытком! Зато из шкур наших ни одна падла шубу себе не сошьет! Гарантия!

— С кем это ты базаришь, Евген, в пустой комнате? — подозрительно прищурившись, поинтересовался Цыпа, появляясь в дверях палаты, как черт из коробочки.

— Думаешь, у меня шифер съехал и гуси улетели? — усмехался я, отправляя коньяк по прямому

назначению. — Пальчиком в небо, братишка! Высокоразвитые в интеллектуальном плане личности частенько сами с собой прикалываются — ведь так иногда нестерпимо хочется поговорить с умным человеком. Для разнообразия хотя бы...

Цыпленок, не обратив внимания на мою почти неприкрываемую колкость, пристроился на краешке кровати и вынул свой вечный "Кэмел". На лице соратника было серьезное задумчивое выражение, смотревшееся на его обычно самодовольно-беспечной мордахе непривычно и даже весьма забавно.

— Кури, — добродушно разрешил я, закуривая сам. Но, конечно, не американскую "дымовую шашку" Цыпы, а благородную душистую "родопину". — Появились новые проблемы?

— Нет, — чуток помедлив, ответил Цыпа. — Новых проблем у нас не имеется. Но есть кой-какие неприятности. Вчерась двоих наших гавриков кто-то внагляк расшмалал в упор. Они были при козырях, но применить оружие почему-то не успели.

— Где это произошло? — нахмурившись, спросил я, хотя уже ни на децал не сомневался в ответе.

— Тут недалече. Чуть ли не на пороге прачечной "Белизна", куда ребята и направились по делу.

— По какому такому делу? Почему я не в курсе?!!

— Но ты же сам дал добро Тому подоить местных коммерсантов, — удивленно вскинул пшеничные брови Цыпа, не понимая, чего это я расхипишевался. — Вот он и начал крутиться в данном направлении. Нанял парочку недавно откинувшихся мальчиков. Сильно странно это, между прочим. Почему нашим основным контингентом не воспользовался?

Похоже, Том собирался собственную группу заиметь, чтоб рулить ею единолично. Тогда даже неплохо, что его гавриков шлепнули. Все к лучшему, как ты любишь выражаться. Хотя, в натуре, жаль ребятшек. Тем паче, что кокнул их какой-то дешевый фраер.

— Почему дешевый и почему фраер? — я даже слегка оскорбился в глубине души.

— Гарантирую, Евгений! — для большей убедительности, наверное, Цыпа ткнул в мою сторону своей безбожно чадающей сигаретой. — По-другому просто быть не может! Откуда у хозяина какой-то занюханной прачечной деньги на профессионала? Бьюсь об заклад, что замочили ребят за какую-нибудь штуку-другую "зеленых". Ясно ведь — заказчик ликвида именно он, больше некому. Мысль навесить гада нынче и побазарить с ним по душам перед отправкой в Сочи. Уверен, что он махом у меня в руках расколется и назовет падлу исполнителя.

— Запрещаю! Чтоб никакой более самодеятельности и отсебятины! — зарубил я на корню план соратника. — Сам лично прошевелю дело с "Белизной" после похорон ребятшек.

— Хочешь лично участвовать в траурной церемонии? — удивился телохранитель. — Зачем? Ты же ребят не знал! Да и вообще слишком жирно для наемников, чтоб шеф их хоронил!

— Начисто отсутствует в тебе, браток, человечность и гуманность, — посетовал я, слегка опечалась. — Но в данном случае пусть будет по-твоему. Не забудь только парочку красивых венков послать на похороны от моего имени.

— Как обычно — из черных роз? — уточнил ответственный Цыпа.

— Да. Не будем ломать традицию, — немного подумав, согласился я. — Пусть все видят, как мы высоко ценим личные кадры, раз не считаемся с такими безумными расходами. Репутация превыше всего.

Я с ненавистью уперся взглядом в газетный пакетик на краю стола с той злосчастной тысячей долларов, из-за которой и случилась вся эта совершенно дуровая история.

— Стопроцентный кретинизм! — пробормотал я, не сдерживаясь.

— Ты о чем, Евгений?

— Да так... Сам с собой прикалываюсь для разнообразия. Кстати, слышал, что мое здесь содержание в золотую копеечку нам влетает? Отстегиваешь тысячу баксов за сутки, якобы. В цвет, или лажа?

— Около того, Монах, — уловив явное мое недовольство, Цыпа перешел на официально-деловой тон. — Двести баксов за "люкс" и шесть сотен за охрану "Кондору" за круглосуточное обеспечение.

— Да это ни в какие ворота не лезет! — искренне возмутился я. — Натуральное лоховское расточительство, возведенное в абсолют! Чего ты раньше молчал?! Нет, я здесь ни дня больше не останусь! Собирай вещички, Цыпленок, пока я собираюсь.

Распахнув обе створки платяного шкафа, сдернул с пластмассовых плечиков слегка покоцанную пулей куртку и надел сверху на свой спортивный костюм. Черные джинсы и рубашку, скомкав, сунул в объемный кожаный баул и бросил его Цыпе, который уже деятельно сворачивал в тугой сверток мою постель. Даже в тюрьмах и лагерях я умудрялся спать на домашнем постельном белье — уютнее телу и спокойнее душе. Правда, нелегально затягивать бельишко с воли весьма накладно выходило. Но тут уж ничего не поделаешь: привычка — вторая натура, как известно. Приходилось, наплевав на бережливость, щедро одаривать алчных прапорщиков-контролеров разумными бумажками, но с одной, роднящей их, особой приметой — вереницей нулей как на лицевой, так и на тыльной стороне банкноты.

— Все в ажуре, Евгений, — доложил Цыпа, успешно запихав мое постельное хозяйство в баул. — А ты уверен, что уже окончательно поправился? Даю добрый совет: отдохни здесь хоть недельку для полной гарантии. С пулевым ранением шутки плохи. К тому же, за "люкс" все одно до конца месяца уплачено. Пропадут деньги зря.

— Раньше надо было думать! — поставил я крест на меркантильных соображениях телохранителя. — Месяц, по ходу, выпал у нас такой — сплошных убытков и потерь. А против судьбы не попрешь, сам понимать должен!

— Вообще-то, авось, оно и к лучшему, что домой переберешься, — неожиданно кардинально поменял свое мнение Цыпа. — Там тебя охранять попроще будет. Не хотел говорить сразу, чтоб не нервировать раньше времени, Евгений, но нынче ночью при невыясненных обстоятельствах погиб также и один из охранников "Кондора". Убит выстрелом в затылок. Он почему-то покинул свой пост у больницы и уехал на соседнюю улицу. Там его и кокнули. Я вот мыслю — не связано ли это с тобой как-то?

— ?!

— Не подбирается ли к тебе эдак сбоку та сучара, что покушение организовала?

— Навряд ли, — облегченно переведя дух и состроив задумчивое лицо, будто сосредоточенно прогоняя в мозгах эту версию, откликнулся я, выплескивая остатки коньяка в стопку. — Слишком мудрено. Логика заказчика не вижу. Скорее всего, это лишь глупое случайное совпадение. Ладушки! Все шмотки собрал?

— Само собой. А это что? — Цыпа держал в руках надорванный газетный пакетик, откуда торчали грязно-зеленые купюры. — Ты чуть свои баксы не забыл, Евгений! В натуре — месяц сплошных подлянок! Держи!

— Нет! — Я невольно отдернул руку от злосчастно-пакостных долларов и, чтоб как-то скрыть свое идиотское замешательство, тут же поднял со стола наполненную стопку с французским эликсиром. — Оставь себе. Они пойдут на поминки нашим боевикам. Пусть будет им земля лебяжьим пухом!

Намахнув скорбные сто граммов и даже не закусив с расстройства, хотя это очень вредно для здоровья, я поспешно вышел из больничной палаты. Все-таки чересчур уж чувствительно-нежная у меня психика. Но ничего поделаться с собой не мог — искренне жаль было мне погибших мальчиков, хотя и не знал я их. Почти.

Процедура выписки из больницы не заняла и пяти минут.

Находясь в глубокой печали, по дороге домой я почти не любовался в окно "мерса" на чудный солнечный день и на прогуливавшихся по обочине трассы потрясанных молодых девах в коротких мини-юбках, туго обтягивавших не просто призывно-роскошные бугры ягодич.

Цыпа тоже молчал, уважая понятную скорбную "минуту молчания" шефа, совсем недавно узнавшего о человеческих потерях в сплоченных рядах нашей организации.

Весьма приятно было вновь оказаться в родных пенатах. Я прошвырнулся по всем четырем комнатам с визуальной ревизией. И получил полнейшее удовлетворение ее результатами — мебельная полировка сияла ухоженными поверхностями, ковры были тщательно пропылесосены, а пепельницы пусты. Здесь явно недавно вовсю постаралась моя двоюродная сестренка Наташа, имевшая ключ от квартиры и следившая по родственной доброте душевной за тем, чтоб фатера моя не слишком смахивала на Авгиевы конюшни. Надо отдать должное Натуле: содержать в идеальном порядке и чистоте четырехкомнатную берлогу одинокого и — чего греха таить — довольно-таки безалаберного в быту мужика — труд, в натуре, геркулесовский.

Цыпленок сразу скрылся на кухне, деятельно занявшись приготовлением холодных закусок, так как мудро предвидел, что я с ходу предприиму фронтальную атаку на спиртные запасы камин-бара. Вот и суетился, милый бродяга, заботясь, чтоб желудок шефа не оказался один на один в жестокой схватке с коварным алкоголем.

Вызванный по телефону, вскоре и опер нарисовался, как всегда жизнерадостный и беззаветно готовый составить мне компанию в трудном общении с иностранцем — пузатым "Наполеоном".

— Зачем звал? — полюбопытствовал майор, заглотив "штрафную" рюмку и аппетитно захрустев яблоком.

— А ты не догадаешься? — слегка даже удивился я, хмуро разглядывая его сытую, лоснившуюся самодовольную рожу.

— Без понятия. Опять, наверно, какие-то новые проблемы? По моему ведомству? Угадал, Монах?

— Как обычно, пальцем в небо! Все проблемы старые и отлично тебе известные! Я желаю знать — долго мне из квартиры не высовываться? Есть или нет у следствия хоть какие-то карликовые сдвиги по раскрытию покушения на убийство в городе коммерсанта?

— Ты про себя говоришь? — зачем-то уточнил этот кретин.

— Естественно! — я чуть было не вспылил при виде такой непроходимой тупости.

— Я так и понял, Евген, — равнодушно протянул опер, как-то странно скосив на меня свои замороженные синие "омуты". — Не о чем беспокоиться, Монах. Гуляй куда и когда хочешь. Ответственно заявляю: опасности для твоей персоны пока не наблюдается. Да ты и сам это лучше меня знаешь!

— По ходу, ты последние остатки мозгов уже пропил! — сдержался я, глядя, как Инин, не дожидаясь меня, спроваживает в свое неумное нутро следующую рюмку качественного коньяка. — Чистую лажу гонишь! Что я, по-твоему, знаю?!

Майор, закулив, откинулся в кресле и, явно не торопясь с ответом, обратился к Цыпе, сновавшему из

кухни в гостиную и обратно:

— Не мельтеши перед глазами как метеор, братец. Кайф ломаешь. Ты и так уж весь стол тарелками заполнил, скоро даже для бутылки места не останется. Угомонись, милый. Тут хватит взвод накормить до отвала!

Цыпа, вняв совету мента, а может, просто уже благополучно закончив свою продуктивно-снабженческую миссию, молча уселся за стол и сразу, время даром не теряя, стал накладывать столовой ложкой на тонкий ломтик хлеба зернистую икру, которую давно и преданно любил. Кстати, паюсную икру он почему-то даже в рот почти не берет. Хотя она дороже в несколько раз. Такой вот странный парадокс.

— Хорошо, Монах! Давай без лишних экивоков и реверансов, — всласть напыхтевшись вонючим "Данхилом", заявил опер, решительно вминая окурок в хрустальное дно пепельницы. — Для какой цели тебе вдруг понадобился этот любительский спектакль с покушением? В толк, признаюсь, не возьму! Поясни, будь так любезен.

— Что?! — я чуть не поперхнулся от неожиданности коньяком и со стуком поставил рюмку обратно на стол. — Ты о чем? Считаешь, я сам организовал покушение? По-твоему, я шизик и самоубийца?!

— Ладно, кончай темнить, Монах, — поморщился Инин, набулькивая себе новую порцию халявного горячительного. — Против фактов не попрешь, брат!

— Каких конкретно? — я взял себя в руки и деланно неторопливо запалил "родопину", глубоко вдыхая успокоительно-душистый болгарский дым. — Выкладывай свои идиотские доказательства. Внимательно выслушаю даже бред сивой кобылы. Я добрый нынче — пользуйся редким моментом!

— Только давай без всяких обид, Евгений, — явно забеспокоившись, предложил майор тоном примирения. — А еще лучше — замнем этот щекотливый вопрос для ясности...

— Не покатит, голубчик! — пресек я попытку мента уйти от ответа. — Раз начал — заканчивай! Занятно даже. В натуре.

— Ну ладно, — не очень уверенно хмыкнул Инин, — разжую конкретно по пунктам. Во-первых: баллистическая экспертиза установила, что убойная сила стрелявшего в тебя пистолета вполне достаточна для того, чтоб пробить до четырех миллиметров стали. Хоть и самодельная игрушка, без нарезов на стволе, но весьма, как выяснилось, серьезная...

— Ну и что, любопытно, из этого следует? — не понял я многозначительно-лукавой мины на красной роже опера.

— А то, дорогой Евгений, что спина твоя не из листового железа и бронежилетиком в момент покушения защищена не была! Вывод сам напрашивается: из патрона убийцы кто-то предварительно высыпал порох.

— Не обязательно. Мог оказаться обычный заводской брак, — высказал банальную идею Цыпа, перестав жевать. — Либо патрон попался отсыревший.

— Все возможно в подлунном мире, — ухмыляясь, слегка пофилософствовал майор, наполняя, с моего молчаливого согласия, себе следующую рюмку.

— Навряд ли! — не согласился я с оптимистично-наивным молодым соратником. — Слишком уж подозрительная случайность. Все остальные патроны, как догадываюсь, оказались в норме?

— Факт! — фальшиво вздохнул опер, подцепив на вилку сочный ломтик балыка и приготовившись к любимому священнодействию — неторопливо смачному оприходованию даров моего гостеприимного стола.

— Выпей, майор, и давай дальше сыпь свои факты. Или уже кончились?

— Ну почему же? — последовав совету, выдохнул перегаром Инин. — Это был лишь цветочек, а настоящая ядреная ягодка впереди. Вот она: у Тома, твоего верного подручного, были в наличии два свидетеля, подтвердивших, что "Стечкина" он случайно будто бы в туалете надыбал. Улавливаешь, Евгений?

— Признаться, не очень.

— Ну как же?! — благодушно развел руками опер. — Не станешь ведь ты уверять меня, что так и произошло в действительности?

— Ясно, не стану. Я не кретин, да и тебя за такого не держу. Продолжай.

— Уже заканчиваю. Вся соль в том, что мои коллеги из райотдела на место происшествия прибыли буквально через минуту после перестрелки. У Тома ни практически, ни теоретически просто не имелось времени подговорить двоих лжесвидетелей. Вывод очевиден: акция покушения розыгрыш, заранее и всесторонне подготовленный спектакль. Кстати, везет твоему кадру по-черному: показания свидетелей уже не смогут поменять даже при желании. Вчера грохнули зараз обоих. Ювелирная работа, доложу я тебе — каждому по пулевой дырке точно промеж глаз кто-то выписал. Если б не знал, что ты в больнице в то время загорал, то, извиняй, на тебя бы, Евгений, грешил. Уж больно почерк знакомый и запоминающийся...

— Весьма польщен, — поморщился я. — Но ты что-то про розыгрыш базарил?

— Не нужно быть крупным аналитиком, чтоб просечь про розыгрыш. Не пойму только, зачем тебе понадобилась данная инсценировка, да еще с мокрухой в оконцовке? Какая-то сложная многоходовая мутка? В цвет, Евгений?

Некоторое время я задумчиво курил, пытаюсь слепить в воздухе из дымовых колец восьмерки. Но ничего путного не выходило, и я бросил это глупое занятие, с раздражением вдавив "родопину" в квадратное дно хрустальной пепельницы.

— Знаешь, майор, пожалуй, я приму твое мудрое предложение — замнем это дело для полной ясности. Ладушки?

— Без проблем! Нет возражений. Я ведь сразу такой вариант предлагал! — явно очень довольный собой, хохотнул Инин.

Впрочем, в прекрасном расположении духа он пребывал совсем недолго. Наблюдая за нашими с Цыпой хмурыми замкнутыми лицами, опер благоразумно стер со своих змеевидных губ горделивую улыбку и заметно поскущел мордой, наверно, прикидывая в уме, не зря ли поспешил так неосторожно поделиться со мной личными соображениями. Ведь хорошо известно, что "лягушечья болезнь", свойственная большинству людей, чревата неожиданным падением с заоблачных высот в грязное болото.

— Ладно, Евгений, мне пора в контору возвращаться, не провожай, — вдруг засобиравшись майор, уяснив, наконец, что его присутствие здесь стало уже нам в тягость. Уходя, счел целесообразным добавить на всякий случай, вложив в голос максимум возможной убедительности:

— Даже не бери в голову, Евгений! Своими выводами я с коллегами не делился, можешь быть уверен на все сто!

Цыпленок сидел в кресле весь какой-то нахохлившийся, не спуская с меня напряженного взгляда и начисто забыв про свой недоеденный бутерброд с зернистой икрой, что наглядно свидетельствовало о крайней степени растрепанности мыслей соратника.

— Михалыч, что ты обо всем этом думаешь? — мрачно поинтересовался Цыпа сразу, как только за

Ининым защелкнулась входная дверь квартиры.

— А ничего! — отрезал я и, полюбовавшись на вытянувшуюся физиономию подручного, пояснил: — Думать сейчас бесперспективно, а потому — бессмысленно. Мозги требуют добавочной информации для качественного повышения продуктивности мыслительного процесса. Рвем когти в "Вспомни былое". Требуется слегка побеседовать с нашим милым Томом! Задать ему парочку вопросов, отвечать на которые ему будет трудновато и, ручаюсь, совсем не кайф!

— Пусть лишь попробует уклониться! — ласково и многообещающе проворковал Цыпа, оттягивая затвор своего тяжеловесного шпалера и ставя боевую пружину на предохранитель. — Я уже готов, Михалыч, поехали!

Шипованные колеса "мерса" за пять минут доставили нас к полуподвальному пивному заведению. Но и за это краткое время я успел мысленно пробежаться в памяти по нашей многолетней с Томом дружбе и искренне поскорбеть о явном несовершенстве человеческой натуры, "по-пионерски" всегда готовой к разным пакостям в виде подлого предательства и черной неблагодарности.

В родной забегаловке все было как обычно. Под потолком кучковались плотные облака сигаретного дыма, молодая барменша Ксюша радовала осоловелые глаза многочисленных завсегдатаев своей стриптизно-ментовской униформой. Запах вареных раков смешивался с испарениями разгоряченных водкой и пивом человеческих тел.

Оперативно миновав общий зал, мы прошли в кабинет управляющего. Но служебное помещение оказалось пустым.

Том отсутствовал. Меня успокоило трезвое соображение, что отлучился он, видно, ненадолго, раз даже дверь не потрудился запереть.

Я привычно устроился к кожаном кресле за широким дубовым столом, кивнув подручному на диван. Но Цыпа, прежде чем сесть, сперва выудил для меня из холодильника пару зеленых банок чешского пива. Ничего не попишешь — это у него уже условный рефлекс такой.

Только я успел сделать первый глоток горьковато-пряной пенной жидкости, как в кабинет ввалился какой-то неряшливо выбритый тип в изрядно потасканном джинсовом костюме и стоптанных черных кроссовках.

— Привет, Монах! А Тома нет? — задала глупейший вопрос эта затрапезная личность.

— Как видишь, — усмехнулся я, пытаюсь припомнить, где и при каких обстоятельствах пересекались наши жизненные тропы. Эта одутловатая бордовая морда с глазами навывкате казалась мне полужнакомой, но откопать в памяти что-то конкретное не удалось. Скорее всего, знакомство наше чисто шапочное — просто когда-то отбывали срока в одном лагере.

— Ну, тогда я потом загляну, — с явным сожалением вздохнул гость, намереваясь исчезнуть из поля зрения.

— Погоди, браток! — тормознул я бывшего солагерника, обратив внимание на малогабаритный, но заметно увесистый пакет в его руке. — Груз можешь оставить. Он для Тома?

— Ну да, — джинсовый тип сделал несколько неуверенных шажков к столу и остановился. — Только не в курсах — нужна ему вторая фигура или без надобности. Может, тебя эта вещица заинтересует? Недорого совсем. Почти даром.

— Вполне вероятно, братишка. Если в тему — столкнемся, — подбодрил я продавца. — Цыпа, глянь-ка товар.

Соратник живо расковырял бумажную упаковку и извлек на свет божий штукенцию, которую я, признаться, увидеть совсем не ожидал. По удивленной физиономии Цыпы я с удовлетворением определил, что не один я такой недогадливый оказался.

Цыпа повертел в руках импортный газовый пистолет и молча положил передо мной на стол.

— Сколько просишь? — полюбопытствовал я, взяв "волыну" и заглянув в ствол. — Под какой патрон расточен? Девятка, кажись?

— Точно. Под Макаровский переделан, как и раньше. С Тома я триста баксов взял, а тебе всего за пару сотен уступаю. Из чистого уважения треть скошуки дам. В натуре, Монах, для тебя не жалко!

— За что вдруг такие милости? — прищурился я, напустив на себя высокомерную суровость. — В поблажках не нуждаюсь! Или, может, сомневаешься в моей платежеспособности? Напрасно, браток! Худшего оскорбления для бизнесмена даже и придумать нельзя! По ходу, вконец оборзел, земля?!!

Торговец самodelками был совершенно сбит с панталыку этим неожиданным и необоснованным "наездом". Вылупил на меня свои мутные буркалы, стал торопливо оправдываться враз охрипшим голосом:

— Совсем не в ту степь, Монах. Ты не так понял. Гадом буду — ничего такого и в мыслях не держал! Я к тебе, как к брату! Без туфты!

— Луну крутишь! — продолжал я гнать "пургу". — Если б меня уважал, то не продал бы Тому шпалер на столько дороже настоящей цены! Мы с ним одно целое — кенты по жизни. Наколов Тома, ты наколот меня. Сечешь поляну?

— Секу, Монах. Но с Томом другой расклад был. Он сам лично цену назначил, давая заказ на такую фигуру. На исполнение выделил всего два дня — мне пришлось крутиться как бобику. Так что сотняга баксов за срочность вполне законная.

— Смог уложиться в срок? — поинтересовался я, старательно помягчев лицом и голосом.

— А как же! — облегченно разулыбался оружейный барыга, приняв мою игру за чистую монету. — Как договорились. В пятницу он заказ сделал, а в воскресенье я товар предоставил в лучшем виде. Клиентов никогда не подвожу — себе дороже.

— Ладушки! — поощрительно усмехнулся я, доставая бумажник. — Коли за срочность, тогда понятно, претензий не имею. На, получи свой честный гонорар. Кстати, не проболтайся Тому про нашу сделку. Я ему дружеский сюрприз хочу сделать.

Разбогатева на двести американских долларов, довольный мужичонка исчез из кабинета так же стремительно, как и нарисовался в нем. Удерживать барыгу я не стал, так как успел выведать у него уже все, что хотел.

— Зачем тебе это фуфло? — спросил Цыпа, пренебрежительно выпятив нижнюю губу. — От такой детской игрушки в нашем деле толку чуть. Да и ненадежная она — запостоянку перекося патрона дает, заклинивает от перегрева. Одно баловство, короче, а не инструмент.

— А я в глубине души сущий ребенок. Меня паюсной икрой не корми — дай только поиграть да позабавиться, — поделился я с соратником сокровенным, выщелкивая обойму из своей новой "детской игрушки".

Вынув верхний патрон, отделил тупорылую пулю от гильзы и высыпал из медного цилиндрика черный бездымный порох в пепельницу. Получилась совсем несолидная мизерная кучка. Даже не верилось, что она таит в себе такую мощную жизненную силу. Точнее — убойную.

Поднеся зажигалку к пепельнице, крутнул колесико, добывая из кремня искру. Пороховой холмик коротко вспыхнул ярким оранжево-фиолетовым пламенем, распространив вокруг хорошо знакомый едкий запах сгоревшей серы.

— Я понял! — радостно поделился своими невероятными умственными достижениями Цыпа. — Ты пистоль в качестве вещественного доказательства приобрел! Чтоб Тома к стенке припереть! Или поставить!

Я лишь загадочно улыбнулся в ответ. Пусть и дальше самостоятельно шевелит мозгами — это будет весьма полезно для увеличения их извилистости.

Проделав прежние хитрые манипуляции с патроном в обратном порядке, вернул его в теплую компанию медных сородичей и легким ударом ладони загнал магазин в пистолетную рукоятку.

Вдоволь налюбовавшись на недоуменно вздернутые вверх пшеничные брови соратника, я уже собрался было развеять его явные опасения в здравомыслии шефа подробным объяснением своих странных поступков, но тут дверь отворилась и в кабинет вошел долгожданный Том, держа под мышкой целую кипу толстенных тетрадей. В таких, как я знал, он ежедневно кропает личные стихотворные вирши, возомнив себя, по ходу, вторым Франсуа Вийоном. Каждый сходит с ума по-своему, как говорится. Особенно люди нашей нервной профессии.

— Уже выписали? — как мне показалось, искренне обрадовался доморощенный поэт и тут же весь напрягся, подозрительно пригнувшись. — Тут стреляли? Что произошло?

Не дожидаясь ответа, заглянул под широкий приземистый стол, явно намереваясь узреть там спрятанный свеженький труп, а то и пару.

— У тебя слишком богатое творческое воображение, — снисходительно улыбнулся я. — Мнительный ты, как все настоящие поэты. Здесь полный ажур. Почему дверку не запираешь, когда сматываешься из заведения? Ведь запросто обчистят кабинет, не дай Бог. Сплошное же ворье кругом.

— Да нет, — отмахнулся Том, прекратив, наконец, свои глупые поиски бездыханных тел. — Я всего на несколько минут отлучился в "Канцелярские товары". Да и какой идиот рискнет сюда храповик сунуть?

— Вот как раз идиот и рискнет. Умный-то поостережется, — наставительно заметил я, покидая уютное кожаное кресло. — Пойдемте, ребятки, децал покатаемся. Давненько с природой-матушкой не общался.

Видно, памятью мою легкую нотацию, выходя из кабинета, Том старательно запер дверь на оба внутренних замка.

Когда все расселись в машине — мальчики спереди, а я, как всегда, на заднем сиденье, Цыпа скопил на меня деланно равнодушный взгляд и будничным голосом спросил:

— Куда держим путь, Михалыч? В ближайший лесок?..

— Нет, — подумав секунду-другую, ответил я. — Не будем слишком уж от цивилизации отрываться. Давай жми в парк Маяковского. Подходящее во всех отношениях местечко.

ЦПКиО имени пролетарского поэта на самом деле наилучшим образом подходил для намеченной мною акции. Имел в наличии все необходимые "аксессуары": не страдающая многолюдством лесистая местность, очень редко посещаемая ментовскими патрулями и в то же время телефоны-автоматы заботливо расставлены чуть ли не на каждом перекрестке аллей. Причем умопомрачительный факт явно из ненаучной фантастики — больше половины телефонов было в прекрасном рабочем состоянии. Прямо готовый сюжетец для телепередачи "Очевидное-невероятное".

Припарковав колеса на автостоянке у главного входа в парк, мы углубились в святилище культуры и отдыха, выбрав приглянувшуюся мне тихую боковую аллею.

Приятно похрустел под ногами гравий дорожки, словно целая банда невидимых сладкоежек действительно хрумкала сахар-рафинад.

Буйно цветущая зелень акаций и тополей по краям извилистой аллеи надежно хоронила нашу далеко не святую троицу от ненужных посторонних глаз. Открыты мы были только ясному безоблачному небу, но с этой стороны никаких неприятных сюрпризов я не ожидал. Даже в виде примитивного дождя.

— Шпалер в наличии? — нарушая слишком затянувшееся молчание, поинтересовался я у Тома.

— Нет, строго по твоей инструкции я оружие лишь на дело цепляю, — напряженно ответил управляющий пивбаром, подозрительно покосившись на Цыпу, который, вдруг споткнувшись, облапал Тома, якобы чтоб равновесие удержать.

Весьма грамотно работает мой мальчуган, ничего не скажешь.

— В натуре, пустой он, — разочарованно подтвердил Цыпа, не скрывая своего глубокого искреннего недоумения. — Дурак, выходит. Кинул подлянку шефу, а сам без козыря рассекает. Вконец оборзел, козлик безрогий!

— Отвечаешь за козла, гад?! — взъерепенился Том, демонстративно сжимая кулаки и порываясь встать в боксерскую стойку. Но бледное лицо и суетливо прыгающий взгляд с головой выдавал его полную растерянность, если не панику.

— Ладно. Ты и верно не козел, — неожиданно легко согласился Цыпа и после паузы жестко добавил: — Ты всего-то обыкновенный бычара. В натуре. Мразота подлая и тупая!

— Ша! Кончай свару! — вмешался я в словесную перепалку, грозившую перерасти в плебейский мордобой. — Мы же приличные люди, как-никак! Решим наш вопросик тихо, по-семейному, без балагана и хипиша.

— Это в тему, Михалыч! Лишний шум нам ни к чему, — кивнул дисциплинированный Цыпа и выдернул из-под куртки свой любимый "Стечкин", снабженный пятнадцатисантиметровым цилиндром глушителя. — Все будет тише некуда, гарантия!

Том отшатнулся от ткнувшейся ему в живот крупнокалиберной "волыны" и нервно заозирался по сторонам, явно намереваясь срочно "взять ноги в руки".

— Пуля догонит, — спокойно внес я ясность в бесперспективность его побегушной затеи. — Стой и не рыпайся зря. Ноги тебя не спасут, а вот язык — может. Рассказывай!

— Спрашивай! — нагло откликнулся Том, желая, видно, прежде выяснить, какой конкретно счет вдруг предъявлен ему к оплате.

Я отлично понял его хитронаивную "пробивку", но решил не обращать внимания на подобный маневр, вполне простительный в данной ситуации.

— Значит, утверждаешь, что оружие лишь на дело берешь? — начал я несколько издали, но точно обозначая направление главного удара. — Почему же, в таком случае, при тебе пистолет так удачно вдруг оказался, когда вышел проводить меня до машины?

— Это простая случайность, Евгений! — Том сделал попытку невинно улыбнуться, но ничего путного у него из этого не вышло. Врать с убедительной мордой он был явно не способен — сразу видать. Что ж, в какой-то мере данный нюанс меня обнадежил.

— На "неосознанную необходимость" хочешь спереть? Может, это и была необходимость, но очень даже осознанная! Верно, братишка? Ты ведь отлично знал о покушении заранее. Давай признавайся, кончай луну крутить. Мы же серьезные люди.

Так как Том угрюмо-подавленно молчал, лихорадочно соображая, наверно, какую тактику запирательства понадежнее избрать, то я благородно решил выложить на стол главные свои козыри, дабы мальчик окончательно просек, что игра проиграна бесповоротно и пытаться продолжать ее — дохлый номер. Глупо и несолидно, то бишь.

— Свидетелей "находки" пистолета ты загодя подговорил — факт доказанный. И палил в мою шкуру Кравченко из переделанной газовой волюны, которую предоставил ему ты, предварительно высыпав из первого патрона порох. Это тоже доказано железно. Чего в молчанку играешь? Кстати, молчание — знак согласия! Автор дурацкой инсценировки покушения и мой старинный лагерный кент — одно лицо. Печальная наблюдается картина: верный, как я думал по наивности, соратник чуть было не спровадил шефа к праотцам. Если б твой Кравченко угодил мне не в лопатку, а в затылок, я запросто мог деликатесом для земляных червей стать! Ударной силы гремучей ртути капсюля вполне достаточно, чтоб черепок расколоть. Или ты этого не учел, по свойственной поэтам дурости? В розовых эмпиреях витал, когда планировал спектакль? В цвет, дорогуша?

— Да ничего подобного, Евгений! — оскорбился, явно задетый за живое, Том. — Дело было спланировано от и до! С учетом всех деталей! Кто ж мог знать, что как раз в тот день на тебе бронежилета не окажется?! Я не ясновидящий, поймей в виду!

— Не ори, всех пташек в округе насмерть перепугаешь! То бишь, выходит, это я сам виноват, что в больнице очутился? Так, по-твоему? — я, признаться, даже слегка опешил от такого нахально-оригинального расклада нашего пасьянса.

— Ты ни в чем не виноват, Евгений! — весьма великодушно заверил некоронованный король наглецов, словно делая мне крупное одолжение. — Просто накладка небольшая вышла. Но и с себя, понятно, я вины не снимаю — признаю, что допустил по отношению к тебе серьезную вольность. Но уж хотел доказать, что цена мне не ниже Цыпиной — завсегда готов тебя от пули заслонить. Но все случая подходящего никак не выпадало. Вот и пришлось самому его организовать!

— Раз гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе? — понимающе усмехнулся я, с неподдельным любопытством разглядывая честную мордашу соратника, явно, несмотря на покаянные слова, не испытывавшего в душе ни глубокого раскаянья, ни капли смущения. — И тебе не жаль бедолагу Кравченко, или хотя бы той валюты, что отстегнул ему за мое, якобы, убийство?

— А чего ханыгу этого жалеть? — искренне удивился Том. — А насчет денег ты, Евгений, меня опять сильно недооцениваешь. Я же продуманный — обещал заплатить только после выполнения заказа. Так что все тип-топ, по уму.

— Ты так считаешь? Зря. С меня ведь причитается, верно? А долг платежом красен. В нашем с тобой случае — кровь. Ступай, не торопясь, по аллее. Если не будешь оглядываться, вполне даже возможно, что живым останешься. Башка твоя, как мы сейчас точно выяснили, почти из одних костей состоит. На редкость твердолобая. Легкоранимых умных мозгов в ней с гулькин нос. — Я вынул из заднего кармана брюк недавно приобретенную "игрушку" и снял затвор с предохранителя.

— Как так? — вытаращил глаза Том, не веря в происходящее. — Ты в меня шмалять будешь?

— Без всякого сомнения, — подтвердил я. — Проверю твой чайник на прочность. А что: доктору не нравится собственное снадобье? Тут уж ничего не поделаешь. Карты розданы — надо играть. Ежели выживешь, мы в расчете. Ментам скажешь, что прогуливался по парку в гордом одиночестве, когда на тебя напали неизвестные грабители. Ступай, братец, не дергайся зря. Коли побежишь, помни — Цыпа мастер палить по движущимся мишеням...

Поняв, наконец, что словами делу не поможешь, Том круто повернулся на каблуках и медленно-

обреченно пошкандыбал вперед по аллее, смешно втянув голову в плечи. Создавалось такое впечатление, будто шея у него начисто отсутствует.

Мне даже на краткое мгновение стало искренне жаль этого дураля где-то в глубине моей слишком уж чувствительной и сентиментальной души. Но я мужественно отбросил в сторону ненужные в данной ситуации сантименты и поднял пистолет, поймав ершистый затылок старого приятеля в прорезь прицела.

Когда проштрафившийся соратник отделился от нас на полдюжины шагов, я плавно вдавил курок, отправляя боек на жаркое свидание с круглозадой гильзой.

Выстрел вышел значительно громче, чем я рассчитывал. Солидно грохнуло, словно всерьез. Мне даже подумалось — не перепутал ли, случаем, патрон?

Но Цыпа развеял самые худшие мои опасения, наскоро осмотрев валявшееся на гравийной дорожке неподвижное тело.

— Дышит пока, тварь! — поднимаясь с колен, явно разочарованно констатировал Цыпленок, шаря лапой у себя под мышкой. — Можно добить гада? На хрен тебе сдался такой мутнорылый кадр?

— Нет. Коли выживет, значит, так в Книге Судеб записано. А корректировать дату чужой смерти это против Закона Природы, — наставительно изрек я, разглядывая слипшиеся от крови волосы на затылке Тома. — Все. Уходим. Тут недавно я исправный таксофон видал, необходимо "скорую" для нашего друга вызвать. Грех непростительный не помочь ближнему своему в беде. Негуманно как-то. Тем более: за палату в травматологии все одно вперед уплачено, чего добру зря пропадать.

— Неужели? — нагло скалился Цыпа, профессионально-быстро выворачивая карманы раненого, чтоб происшествие в парке смахивало на банальное ограбление. — Как-то не замечал я раньше, Монах, что ты сильно каких-либо законов придерживался. Даже воровских.

— Плебейским верхоглядством страдаешь, брат! — популярно разжевал я молодому соратнику его вопиющее заблуждение, ставящее под сомнение наличие у меня твердых жизненных принципов. — К твоему сведению, я запостоянку следую каким-нибудь правилам и законам. Но их столько разных развелось, что хоть пруд пруди, и не моя забота, что они почему-то частенько противоречат друг другу. Ладушки! В настоящий момент Закон Сохранения Собственной Шкуры требует от нас срочно и без пустых базаров рвать когти отсюда. Все, обрываемся!

5

В просторной палате "люкс" центральной травматологической больницы за несколько дней ничего не изменилось. Все так же радовали глаз высокий габаритный холодильник "Стинол" и телевизор "Панасоник". Ненавязчиво-тихо гудел кондиционер, старательно сохраняя в помещении мягкий двадцатитрехградусный климат. Веселенькие шелковые желтые шторы на окнах хорошо гармонировали с оранжевой ковровой дорожкой на полу.

Правда, благостный вид "люкса" слегка портила бледная, слегка осунувшаяся физиономия Тома, лежавшего на койке посередине палаты. Впалые щеки соратника цветом своим могли смело конкурировать с плотной марлевой повязкой на его крупной голове. Не шибко умной, к слову сказать.

Обычно блестящие серо-стальные глаза Тома потеряли живость и глядели на нас с Цыпой каким-то отсутствующим потусторонним взглядом. Оно и понятно — несколько дней бедолаге пришлось проваляться в реанимации, болтаясь между жизнью и смертью, как тюльпан в проруби. Но запаса жизненной энергии у братишки оказалось вполне достаточно, чтоб Костлявая все же отступила и убралась восвояси в преисподнюю.

— По-моему, Михалыч, крыша после сотрясения у него окончательно съехала набекрень, — равнодушно заметил Цыпа, пристраивая букет желто-белых гладиолусов на тумбочке у изножья кровати. — Не соображает уже ни хрена, в детство впал.

— А тебе даже и впадать не надо — на десятилетнем уровне благополучно тормознулся! — желчно проскрипел с больничного ложа Том, моментально рассеивая все подозрения в дееспособности его, покоцанного пулей "чайника".

— Вот и ладушки! Оклемался, значит? — искренне порадовался я за старого приятеля и задал вопрос, давно и живо меня интересовавший. — Говорят, что когда человек находится в коматозном состоянии, то его неприкаянная душа бродит на том свете. Ты вот лично чего-нибудь видал в беспамятстве? Есть загробный мир, или все это пустые базары проповедников?

— Ангелов с крылышками не наблюдалось, впрочем, как и рогато-хвостатых чертей, — слабо улыбнулся синими губами Том. — Мне только казалось, что бесконечно лечу-падаю в крошечной темноте к ярко-красной точке, которая почему-то никак не хочет увеличиваться в размерах. Такая вот ерунда.

— Это тебя дьявол на раскаленную сковородку волок, а атеисты-врачи не давали, — съязвил Цыпа, мстительно отыгрываясь за "десятилетний уровень". — Верняк, душа в ад попала. Коли бы в рай, то не вниз, а ввысь бы летела. Гарантия! Скажи, Михалыч!

— А я не в курсе, — отмахнулся я, не желая принимать участия в обсуждении столь деликатного теософического вопроса. — Доставай-ка лучше наши скромные подарки для больного друга.

Ну, слово "скромные" я употребил, понятно, чисто для понта, а вернее — из-за большой собственной скромности.

Цыпа, почему-то недовольно насупившись, снял с плеча ремень объемного баула и стал извлекать на свет божий щедро-царские дары природы-матушки. Низкорослый треугольный столик у кровати буквально заполонили многочисленные представители семейства цитрусовых, дыня, парочка спелых ананасов и веселенько-красочные импортные коробки с шоколадом и пирожными. Венчала все это дело дорогая темная бутылка "Хванчкары" в бумажном кульке.

— Я же помню, Том, что ты, как и я, не дурак перед сном стаканчик-другой пропустить для поднятия

тонуса. Правда, я-то больше уважаю коньячок, чем все грузинские вина вместе взятые. Но на вкус и цвет товарищей нет, как гласит народная мудрость. В собственную веру обращать не собираюсь — каждому свое. Так что пей свою разлюбленную "Хванчкару" и не думай слишком уж худо о Монахе. Ладушки, брат?

— Благодарю, Евгений! — как мне показалось, вполне искренне сказал Том, отводя странно заблестевшие глаза от подарочного изобилия. — Честно признаюсь — даже не ожидал от тебя...

— Гляди-ка, да он растрогался! — удивился Цыпа и жестко добавил: — Как в Михалыча из шпалера палят, спокойно глядел, а на простые апельсины смотреть без слез, вишь ты, не может! Шизик, в натуре!

— Ша! Кончай базлать! — резко одернул я не в меру разбушевавшегося телохранителя. — Лучше устрой-ка наши гладиолусы по-нормальному. Чего они на тумбочке валяются? Да еще и в ногах у бедного Тома! Он же не умер, а всего лишь приболел чутко! Ну ни капельки в тебе христианского понятия нет! Давай исправляй свою накладку. Пустая банка должна в тумбочке быть. Вода — знаешь где.

Дисциплинированный Цыпа, пробурчав что-то маловразумительное, занялся цветами, а я повернулся к лежащему приятелю:

— Менты не слишком надоедают со своими глупыми вопросами? Наведывались уже?

— Нынче утром приходил районный следок. В версию об ограблении не верит. Считает, что это кто-то из дружков Кравченко хотел счета со мной свести из мести.

— Ну, ясное дело, — усмехнулся я. — Наши доблестные органы в своем обычном репертуаре: сразу хватаются за самое простое и легкое решение. Работнички! Впрочем, что это мы все о пустяках. Есть тема значительно важнее — как твое самочувствие? Сильно головушка болит? Небось, осерчал на меня, браток, за вынужденный постельный режим? В цвет?

— Нет, Евгений, — открыто-честно, и даже не моргая, встретил мой изучающе-выжидательный взгляд Том. — Ты сделал все правильно, по закону. Наказание я, в натуре, заслужил, потому зла не держу. А голова практически не болит. Мне здесь столько всякой лекарственной гадости в задницу вкололи, что до конца жизни, по ходу, никакую боль ощущать вообще уже не буду. Так что не бери в голову, Евгений, я зла не держу и даже благодарен тебе за этот урок. Гадом буду!

Я придирчиво долго вглядывался в усталые серые глаза соратника, пытаюсь уловить в них хотя бы намек на подлую неискренность, но ничего подозрительного не обнаружил. Если прав русский классик, утверждавший, что "глаза — зеркало души", то душа Тома передо мной чиста и невинна, как слеза ребенка.

Из туалетной комнаты нарисовался Цыпа, неся на вытянутых лапах трехлитровую банку с высоко торчащими из нее гордыми гладиолусами.

— Поставь на подоконник, — решил я, — там нежные создания все же поближе к солнышку будут. Ладно, Том, пожалуй, мы дальше погребем. Дела зовут на служение Маммоне. Держи "краба" в знак нашей нержавеющей дружбы!

Я взял похудевшую слабую ладонь приятеля и осторожно пожал, стараясь не причинить, ненароком, боль. Том из глупой вежливости попробовал приподняться в постели, но явно не рассчитал силенок — тут же упал обратно на подушку. На его землистом лице выступили обильные капельки пота.

— Не суетись зря, браток, вредно это для здоровья, — я заботливо поправил на друге сползающее на пол одеяло и встал. — Пожалуй, пьянствовать тебе еще рано. Лучше побережь организм. Ослаб он вконец, как вижу. Выздоровливай, короче, давай — Ксюха по тебе скучает, прямо спасу нет!

Выходя из палаты, я прихватил со стола кулек с бутылкой кавказской амброзии. В коридоре никого не

было, кроме бабульки-нянечки, старательно елозившей по полу тряпкой, намотанной на швабру. Охрану я Тому не приставил, справедливо посчитав за совершенно излишнюю роскошь.

— Ты прямо святой, Михалыч! — то ли осуждающе, то ли восхищенно заявил Цыпа. — Но не стоит Том твоей апостольской доброты. Я бы ему после всего даже руки ни в жизнь не подал. Не простил бы! А ты еще кудахчешь над ним, как курочка над птенчиком!

— Эй, полегче в идиотских сравнениях! — усмехнулся я. — Такой вот я гуманист уродился, ничего не поделаешь. Если хорошо отношусь к человеку — то уж до самого конца. До смерти то бишь. А с натурой собственной не поспоришь, как известно.

— Это на тебя кликуха так сильно влияет, — высказал догадку улыбающийся Цыпа. — Ты Монахом не только для блатных стал, но и внутри самого себя! Правда же?

— Вполне возможно, брат, — милостиво согласился я с явно завиральной мыслью соратника — пусть порадуется пацан, мне ведь эта филантропия ничего не стоит.

Когда подошли к автостоянке, прежде чем забраться в машину, я швырнул в бетонную урну кулек с "Хванчкарой". Услышав звон разбитого стекла, Цыпа обиженно поморщился:

— Не нравится грузинское вино — мне бы подбанчил. Зачем добро портить?

— После этого "добра" ты бы ровно через две секунды загнулся наглушняк, — пояснил я, усаживаясь на свое привычное заднее сиденье. — Заводи давай.

— В вине был цианид? — Цыпленок ошалело уставился на меня, совершенно игнорируя свои шоферские обязанности.

— Само собой. Неужто ты думаешь, что я старому другу что-то подешевле-похуже подмешать способен? Чтоб он страдал? Нет уж! Если хорошо отношусь к человеку — то до самой его смерти. Принцип у меня такой. Поехали, говорю! Заснул, что ли?

Цыпа, наконец, повернул ключ зажигания и вывел "мерс" на трассу в общий поток.

Стрелка барометра моего настроения забралась далеко в плюсовой сектор. И тому была весомая причина — братишка Том остался в нашей команде и в Сочи не уехал. Думаю, что я верно поступил, отменив собственный приговор. Не злопамятен соратник и, значит, не опасен. На крайняк, всегда ведь можно обратно переиграть, коли снова народятся подозрения на его счет.

В мою голову вдруг забрела одна замечательная идея:

— Слушай-ка, Цыпленок! Рули к городскому пруду, будем с тобой диких гусей хлебом кормить. Ведь как нас учит святая Библия: "Не уставайте творить добро"! Насытим бедных пернатых тварей — вот уже и второе благодеяние за день в свой актив запишем.

— А какое первое, Михалыч? — как-то странно покосился на меня соратник.

— Уже забыл?! — искренне подсадовал я. — Короткая же у тебя память! Мы ведь только что не стали мочить Тома, строго блюдя главную христианскую заповедь: "Не убий"! Надо всегда, брат, стараться жить по Закону Божьему. Святым, понятно, при нашей профессии весьма трудно стать, но стремиться к этому очень полезно для души и сохранения общей гармонии в мире. Ты согласен?

— Угу, — буркнул Цыпа, сосредоточенно уставившись на дорогу, словно любимый боевик смотрел. Желания побазарить на высокие темы у него явно не наблюдалось.

Вот уже не первый раз с ним так: только мне захочется приколоться на серьезные материи, поделиться личными мыслями, как Цыпленок вдруг замыкается в скорлупу и таращится оттуда на меня,

будто на чудо-юдо какое-то. Такое вот странно-непонятное поведение у друга. Выкрутасы его изношенной психики, по ходу.

Впрочем, нельзя слишком уж многого требовать от Цыпы. Надо быть более снисходительным к недостаткам приятеля. Ведь кто он такой по сути есть? Как ни прискорбно это констатировать — натуральный зверь, толстокожий громила-головорез. Где уж ему понять движения моей тонкой чувствительной натуры. Цыпе, к сожалению, это просто не дано — у него ведь душа вся мохом обросла, как волчья шкура.

Придя к такому печальному умозаключению, я сочувственно глянул на вихрастый рыжий затылок соратника и вздохнул про себя:

"Все же я не буду терять надежду, что мое ежедневное благотворное влияние рано или поздно скажется на этом прожженном бандите — сделает его более предсказуемым и хотя бы чуточку человечнее".

Альбатрос

1

Не обращая внимания на масляные весенние лужи, я длинными прыжками мчался к близкому лесу. Из горла вместо дыхания вырвался хрип. Просвистев мимо меня, булыжник хлопнулся о придорожный валун, выбив желто-синюю искру.

Оказавшись под спасительными деревьями, я сбавил бег и остановился. Мои преследователи — трое парней — отстали, убедившись в бесполезности продолжения погони.

Переведя дух, я с трудом улыбнулся и, досадуя, потрогал нижнюю губу. Та припухла и саднила. Достав из кармана желтой болоньевой куртки металлический рубль, приложил холодный кругляш к больному месту и пошел по тропке в глубь леса — все равно до наступления темноты и думать нечего вернуться домой. Ваганты наверняка поджидают где-нибудь по дороге.

Сосновый лес, воздух, напоенный после недавнего дождя запахами хвои и земли, приводили в порядок взбудораженные мысли, словно расставляли их в стройные шеренги. Происшедшее начинало казаться не таким уж значительным и непоправимым.

«Подумаешь, сплутовал в "чику"! Все неглупые люди так делают. Правда, они и не попадаются. Ладно, ваганты простят после отступного. Утрясется как-нибудь — не в первый раз».

Неосторожно задев плечом молодую березку, я заработал водопад дождевых капель. Сердито погрозил деревцу кулаком и тут же рассмеялся. Настроение определенно поднималось, и даже негодные струйки, нагло пробравшиеся за воротник, не могли помешать этому.

— Та-та-та-та! — неожиданно совсем рядом прозвучал сигнал невидимого горниста.

Я пошел в сторону, откуда подал о себе знать горн, и через десяток шагов, осторожно выглянув из-за сосны, увидел необычное зрелище.

На широкой поляне выстроились две дюжины ребят, у многих за спиной торчали стволы винтовок. Среди мальчишек был один взрослый — очень высокий светловолосый мужчина в черной кожанке и фуражке с морским "крабом". Рядом с этим Гулливером стоял горнист. У всех ребят были одинаковые темно-синие береты, на большинстве которых поблескивали золотистые звездочки — одна, две и более.

— Владимир Петрович, отряд построен! — доложил выступивший из шеренги черноволосый паренек со скуластым по-монгольски лицом. — Лес до самой просеки прочесан. Ничего подозрительного.

— Вольно! Следуем дальше по намеченному маршруту к горе Лысой. Дозорных выслать вперед.

Через минуту поляна опустела, потерялись среди шорохов леса удалявшиеся шаги, а я все стоял, уцепившись за мокрый корявый ствол дерева, и удивленно таращил глаза на тропку, по которой ушли неизвестные вооруженные мальчишки.

Чуть ли не бегом отправился назад к городку. Встреча с вагантами уже не пугала. Первый приступ праведного негодования у них наверняка миновал. Да и не терпелось поделиться с приятелями новостью, что в нашем лесу объявился какой-то большой военизированный отряд.

За деревьями уже стал проглядываться пустырь, который так поспешно пришлось покинуть из-за неаккуратно перевернутой мной монеты с "решки" на "орла".

— Плутовать, Джонни, никому не запрещается, — сказал, заметив этот маневр, Колобок —

полноватый рыжий парень, главный среди вагантов. — Но надо грамотно. Мухлюешь — не попадайся! А сейчас твои старшие товарищи преподадут вам, сударь, урок для более глубокого усвоения этой простой истины...

Сергун и Цапля, тоже принимавшие участие в игре, понимающе усмехнулись и заломили мне руки. Уже первая часть урока мне совсем не понравилась. Нижняя губа распухла, в перспективе маячил "фонарь" под глазом, а то и под обоими. Изловчившись, я сбил подножкой державшего меня за руки Сергуна, боднул головой в живот Цаплю и удрал в лес, который не впервые помогал мне благополучно "прогуливать" подобные "уроки".

Сейчас на пустыре уже никого не было. Разочарованно и все же с некоторым облегчением вздохнув, я только было собрался выйти на дорогу, как чьи-то цепкие руки схватили меня сзади и заставили упасть на колени.

— Ага, попался, Джонни! — загоготал довольный Колобок. — На этот раз не смоешься!

Цапля и Сергун, сопя от усердия, крепко держали меня за запястья, в то время как Колобок выворачивал мои карманы.

— Вот это финт! — изумился главный вагант. — Он даже деньги не потрудился спрятать! С невыразимым уважением вижу в тебе, Джонни, зачатки глупой честности. — Сунул смятые бумажки и даже медную мелочь себе в карман.

— По лицу не бейте, — буркнул я, убедившись в невозможности вырваться на волю. — Завтра мне на школьном спектакле выступать.

— Отпустите его, — сделал великодушный жест Колобок. — Кретин, не догадавшийся припрятать денежки, заслуживает снисхождения. Вторую часть предназначенной тебе чувствительной лекции получишь в следующий раз. Недолго ждать, ха-ха!

Сразу повеселев, я стряхнул с колен прилипшие хвойные иголки и лепешки грязи и поведал приятелям об увиденном на поляне.

— Это могли быть только мушкетеры, — нахмурил пшеничные брови Колобок. — Совсем обнаглели, чистюли! Скоро вовсе прохода от них не будет! Шляются везде, нос в каждую щель суют — общественный порядок, видишь ли, охраняют! И чего они по лесу бродят? Раньше от пожаров берегли. Но сейчас ведь еще сыро. Непонятно.

— А помнишь, на прошлой неделе мы скамейку на Лысой разломали, чтоб трон тебе сделать? — вставил слово Сергун. — Вот, наверно, они и рыскают в поисках виновников.

— Слово-то какое — виновников! Еще скажи — преступников! — рассердился Колобок. — А я вот сейчас пойду и сразу две скамейки в дровишки превращу! Из принципа!

— Сегодня опасно, — оглянулся из-за плеча на лесной массив Цапля. — Могут поймать и всыпать по первое число.

— А я никого не боюсь! — покраснел Колобок, невольно все же бросив настороженный взгляд на близкие сосны и кусты. — Ну, да черт с ними! Отложим возмездие на завтра. Кстати, сообразим что-нибудь получше, чтоб подперчить пресную жизнь мушкетерам!

Домой я возвращался в сумерках. Уже почти полгода я жил у своего дяди-пенсионера. Мама отправила меня к одинокому родственнику, уехав в годовую командировку в Чехословакию преподавать русский язык и литературу.

Дядя Юра не проявил особого восторга, узнав о планах сестры, но встретил меня довольно

гостеприимно — родная кровь как-никак.

Ему не пришлось раскаиваться. Много хлопот я не доставлял. Без лишних слов ходил по магазинам, прибирался по дому. Глаза не мозолил — то в школе, то на улице где-то пропадал. Львиную долю присылаемых мамой денег я расходовал на куртки, рубашки и джинсы. Дядя был старой закваски. Почти несменяемой одеждой до выхода на пенсию у него была замасленная спецовка, в которой он всю сознательную жизнь простоял у кузнечного молота, выковывая узлы к тракторам, а во время войны — к легендарным танкам "Т-34". В период восстановления народного хозяйства снова вернулся к тракторам.

Привыкший воздержание принимать за принцип, он малейшее излишество считал чуть ли не нарушением общественного порядка.

— Но пойми, дядя, — во время одного из дебатов заметил я. — Все, особенно молодежь, хотя бы выглядят не серой массой, а индивидуумами, заметными личностями, в конце концов. Кому нравится подойти под стих поэта: "Серые и мелкие людишки бегают и прячутся от жизни"?

— Вон у меня в шкафу висит спецовка и черная пара. В них я проходил больше десятка лет и не был серым людишком, — обиженно поджал губы дядя Юра.

— Был! — усмехнулся я. — Потому-то и замуж, наверно, за тебя ни одна не пошла.

— Просто с жиру все вы беситесь, вот что! — резонно, как ему казалось, сказал дядя, отступая из гостиной в спальню. Тему о своем холостячестве он всегда старательно избегал, и я, давно приметив дядину слабость, нередко пользовался этой темой как беспроегрышным козырем в разгар словесной баталии.

Вот и двор моего дома. С сожалением взглянув на уже пустующие скамейки под тополями, на свет уличных фонарей, я шагнул в полутемный подъезд. Дома скучно, но все ребята разошлись, и ничего не поделаешь. Почему-то вспомнились мальчишки на поляне. Что они сейчас делают? Может, все еще в лесу? Ночью, наверно, там сейчас жутковато...

Поднявшись на третий этаж, позвонил. Послышалось шарканье шлепанцев, щелкнул английский замок, и показалась лысоватая голова дяди Юры.

— Поздно, племяш, гуляешь. Ужин-то остыл давно. Сам подогревай.

Я лежал на диване, натянув одеяло до подбородка. В комнате не было холодно; просто, укутавшись, я легче засыпал. А спать, как всегда, не хотелось. Я где-то читал, что в Польше есть чудак, который обходится без сна уже более десяти лет — и ничего. Чем же он занимается? Мне бы так не удалось. Если бы не увлекательные сны, жить было бы еще скучнее. Наверно, и я найду когда-то свою "точку преткновения", дело, которое займет все мои силы и разум; но пока — торичеллиева пустота.

Мысли обратились к школе. Даже зависть берет — такое множество "правильных" одноклассников. Они твердо знают свою дорогу после получения аттестата и уже сейчас заранее готовятся к ней, расчищают дорогу от острых камней, ставят предупреждающие знаки на поворотах, чтобы потом катить на высшей скорости без аварий и задержек к намеченной цели...

Взять хотя бы Лешку, что сидит на первой парте перед столом учителя. Непредставительный из себя: невысокого, даже прямо скажем — маленького роста, голова, как репка, с острым носом и черными чудными глазами. Эти глаза чуть ли не завораживали собеседника. В их глубине была заискивающая теплота и одновременно холод насмешки, энергия энтузиаста и вялость человека, которому уже все надоело, мудрая печаль "всепознавшего" сфинкса и бесшабашность рубахи-парня. В общем, как загадка "неопознанных летающих объектов": чем больше думаешь и вникаешь — тем больше непонятного и загадочного. Я случайно знал будущую Лешкину дорогу. На первой парте сидел потенциальный

киносценарист из первых величин.

Как-то зимним вечером я с Лешкой возвращался со дня рождения одноклассницы. Там мы немного выпили, и это, видимо, настроило Лешку на дружескую, небрежно-покровительственную ноту.

— Не будь цветком в проруби! — наставлял он, давясь с непривычки табачным дымом, но все же бодро жестикулируя огоньком сигареты у самого моего носа. — В наш аховый век суперстремительности выигрывает тот, кто в состоянии оторвать от жизни кусок помясистей. А для этого нужно заранее застолбить себе участок для разработки, подготавливать силы. Все делать с заглядом вперед. Думаешь, я от нечего делать взвалил на себя такую общественную работу: и староста класса, и член редколлегии нашей стенной газеты? Дурака нашел! Мне необходима суперположительная характеристика во ВГИК! Там уж я попаду в струю, не сомневайся. За каждый сценарий несколько тысяч отваливают. У меня, кстати, есть в задумке уже два сценария. Один военно-патриотический, другой о комсомольцах-первопроходцах.

— Но ты же не воевал, да и первопроходцем не был. О чем писать будешь? — усомнился я.

— А газеты на что?! А фантазия? — взорвался Лешка. — Все так пишут!

— А если таланта не хватит?

— Плевать! — отбросил щелчком погасшую сигарету Лешка. — Не пропаду! В случае чего пойду по административной линии. Тоже неплохая перспектива.

После этого разговора Лешка стал более доверительным со мною, выделив меня из всего класса себе в наперсники. У нас даже завязалось нечто вроде дружбы. Несколько раз вместе сходили в кино и на лыжах в лес.

За зиму Лешка сочинил пьесу "Дерево — предмет одушевленный", в которой, кстати, я завтра должен буду играть главную роль.

Перевернулся на другой бок и натянул одеяло на голову, чтобы не слышать бурного храпа дяди Юры из соседней комнаты.

Роль в предстоящем спектакле я знал назубок, но сомневался в реакции зрителей. Вся постановка, на мой взгляд, — муть и скучища. Вспомнил разработанный вагантами и утвержденный Колобком план подрыва мушкетеров изнутри. Вот роль разведчика-диверсанта мне явно не по душе.

2

Утром после завтрака отправился в школу. Коротал путь, экспериментируя с портфелем. Пытался нести его на голове без помощи рук, как в телевизионном клубе кинопутешествий носили свою поклажу арабы. Но ничего путного не получилось. Сначала рассердился, но тут же успокоился, придумав оправдание: мы ведь цивилизованный народ и посему привыкли использовать голову только по ее прямому назначению!

В школе стоял обычный перед занятиями несмолкаемый гам. Особенно резвились младшие классы. Мария Львовна, завуч по воспитательной части, безуспешно пыталась загасить энергию школьников, хватая за шивороты первоклашек и записывая их фамилии в свой маленький блокнотик, с которым она, похоже, не расставалась никогда. Но малыши после этой процедуры носились по коридорам, казалось, еще "реактивнее", выражая тем самым свое искреннее негодование: всем был известен незыблемый результат записи в блокноте — двойка по поведению в дневнике.

У дверей класса меня нагнал Лешка. Сейчас в его удивительных глазах читалась энергичная деловитость.

— Роль не забыл? После уроков премьеры в актовом зале.

— Помню, — усмехнулся я. — Оттарабаню, будь спок. Ночью, вспомнив роль, даже вздрогнул в холодном поту.

— Вот супернаглядный пример действия облагораживающего искусства на человека! — расплылся в улыбке начинающий драматург, решив принять сей сомнительный комплимент за похвалу.

— Не знал, что холодный пот облагораживает, — слегка поддел я приятеля.

— Не надо опешлять. Вот ведь люди — ничего святого!.. — Глаза Лешки подернулись грустной пеленой мировой скорби по заблудшему человечеству.

— Ладно. Я пошутил, — поспешил я снять накал. — Лучше скажи: ты знаешь такой отряд — "Мушкетеры"?

— Еще бы! — снова вошел в привычную роль всезнайки Лешка. — Это большой отряд в районе гостиницы "Уральские горы" со строгой дисциплиной и уставом, как у настоящего боевого отряда. Там фехтуют, боксируют, летом под парусом на яхтах ходят. Красота. Сам с удовольствием поступил бы в отряд, но у Владимира Петровича, капитана отряда, какие-то трения с завучем. Сам понимаешь, капитану Мария Львовна даже при большом желании сделать ничего не может, а рядовому мушкетеру, кто ее знает, возьмет и напакостит. И ревела тогда моя суперхарактеристика во ВГИК горячими слезами позднего раскаяния.

— А почему я о мушкетерах никогда не слыхал?

— Друже, они просто скромные ребята и не афишируют себя. Хотя реклама в наше время многого стоит.

По ходу разговора я узнал, что капитан отряда по профессии — очень занятой человек — журналист, но не жалеет времени на ребят, готов всегда помочь каждому. К мальчишкам относится как к равным и их заботы не считает пустячными, не стоящими внимания. Поэтому отрядники за него хоть в огненную купель.

— В общем, — заключил Лешка, — все литераторы, как известно, немного чокнутые. Это еще одно тому подтверждение.

Заверещал звонок, призывая школьников в классы. Пробравшись к своей последней парте, на "олимп", я достал из портфеля увлекательную книгу "Одиссея капитана Блада", обернутую в зеленую, под цвет учебника, бумагу и улетел на крыльях воображения из скучного класса на страшный остров Таити — разбойничий форпост всех флибустьеров южных морей. Первые два урока — математика. Получив вчера по этому предмету заслуженную тройку, можно было пребывать в полной уверенности, что несколько дней учительница спрашивать не станет. Как-никак у математички тоже план, надо всех поголовно опросить, а в классе почти сорок учеников...

На первой перемене я из класса не вышел, да и на второй не собирался, захваченный смертельным поединком капитана Блада с негодяем Левасером, но меня "вернул на землю" Антон Ваганов, в просторечье Колобок, который учился в десятом "А".

— Хелло, Джонни! — плюхнулся он рядом на скамью. — Как продвигается внедрение? План наш реализовал? С Гришкой из восьмого состоялась встреча в теплой дружеской обстановке?

— Кар-рамба! — невольно по-пиратски упомянул я черта, захлопнув книжку. — Совсем вышибло из мозгов! Сейчас же иду к штурману на поклон.

— Давай, валяй, — ухмыльнулся, поощряя, Колобок. — Нас посолоней ругай — враз тогда запишут в мушкетеры.

Спустившись на этаж ниже, я отыскал восьмой "А" класс. Гришкой Бойко оказался тот самый чернявый паренек, что отдавал рапорт на лесной поляне.

— Григорий, — отведя его в сторону к окну, доверительно сказал я, — слышал, ты штурман у мушкетеров. Скажи, а мне нельзя вступить в ваш отряд?

— Значит, хочешь в отряд? — изучающе посмотрел мне в глаза Гришка. — А зачем? Кажется, ведь ты из вагантов?.. У вас вольготно — анархия, а у нас — дисциплина. Хорошо ли подумал?

— Да что мне ваганты! — вспомнив совет Колобка, взъерепенился я. — Только и умеют, что в "чичу" играть. Неинтересная программа. А мушкетеры, слышал, и фехтуют, и боксируют...

— Кстати, почему вы себе присвоили имя ваганты? — поинтересовался штурман. — Ведь вы не странствующие студенты или сочинители песен против церкви.

— Ну, песен-то у нас, то есть у них, ворох. Сергун — мастер их выдумывать. Но можно понимать и проще. Ваганов и Тынянов, сокращенно — ваганты. Колобка и Цаплю знаешь? Вот они основатели.

— Понятно. На спектакль пойдешь?

— Играю там главную роль, — я еле удержался, чтобы не выпятить гордо грудь.

— Так вот, после спектакля сходим к Владимиру Петровичу. Он решит насчет вступления в отряд.

Оставшиеся уроки пронесли незаметно под грохот пушек пиратской эскадры капитана Блада. Правда, один раз меня спросили. Я оправдался тем, что готовил роль к спектаклю, и учительница посмотрела снисходительно на мое незнание сходственных черт между князем Андреем и Пьером Безуховым.

Актный зал был почти пуст. Полностью налицо имелись только наш девятый да седьмой "А", у которого должен был быть классный час, но его отменили. Сначала семиклассники вопили от восторга, но быстро притихли, когда их вместо того, чтобы отпустить по домам, повели в актный зал на спектакль.

Пьеса была на тему охраны природы. Главный герой, которого играл я, обламывает дерево, чтобы сделать удочки. За этим постыдным занятием меня застает старичок, профессор биологии.

Только по глазам в согбенном слуге науки с почтенными накладными седыми космами и ватной бородой можно было распознать Лешку. Профессор рассказывает моему герою об огромной пользе деревьев и своей чувствительной лекцией чуть ли не доводит провинившегося любителя рыбалки до слез. Полный раскаяния, я организую ребят со своего двора, и они проводят массовый субботник по благоустройству улицы. Сажает где-то "выбитые" саженцы тополей, поливает их из детских ведерок. Завершает этот героический поступок полная энтузиазма бодренькая песенка.

Природу все мы уважаем,
Массив зеленый умножаем,
Деревья с радостью сажаем...

Под жидкие хлопки зрителей я спрыгнул со сцены и подошел к Гришке Бойко. Тот сидел нахохлившийся и хмурый. Лицо неподвижно-каменное. Непослушная прядка волос на макушке смешно торчала, как осуждающе поднятый палец.

— Поаплодируй хоть для приличия, — не сдержал я насмешки. — Другие-то вон сознательные — хлопают.

— Это они от радости, что вы, наконец, закончили свою бодягу, — не улыбнувшись, сказал Гришка, что-то пристально рассматривая на опустевшей сцене.

Появился сияющий Лешка.

— Постановка имеет потрясающий успех! — сообщил он азартно, выдвинув правое плечо вперед. — Даже не ожидал.

— Ты так думаешь? — усомнился я, недоверчиво вглядываясь в лица поспешно расходившихся немногочисленных зрителей.

— Надеюсь, ты не рассчитываешь, что я дорожу мнением этих двоечников и маменькиных сыночков, ничего не смыслящих в настоящем искусстве? — ухмыльнулся Лешка, проследив этот испытующий взгляд. — Мария Львовна одобрила — вот что достойно внимания и важно. Глупец тот, кто хочет понравиться стаду, а не пастуху.

— Пастуху понравились и эти ветки? — спросил Гришка, указывая на кучу тополиных веток на сцене, которые в пьесе играли роль саженцев. — Сколько деревьев ободрали!

Режиссер не смутился:

— Это из школьного парка. Пустяки. Там столько тополей, что отсутствие дюжины веток даже незаметно. И не зыркай на меня своими черными гипнотическими виноградинами — не испугаюсь. Есть разрешение завуча. Она, в отличие от дураков-чистоплюев вроде тебя, понимает, что искусство всегда требует жертв.

— Убивая, проповедуешь человеколюбие?!

— Ха! Твое сравнение хромотает на оба копыта!

— Это ты у меня сейчас захромаешь!

Сдерживая улыбку, я наблюдал, как уязвленный режиссер и непримиримый мушкетер ели друг друга глазами, явно готовые сцепиться в яростном клубке.

— Ладно, ладно, — опасливо отступая, пробормотал Лешка. — Дебаты ни к чему. Болтай что хочешь. — Уходя, все же не удержался: — Разве кто-нибудь в силах запретить москве лаять на слона? Мосек охотно и легко выдвигают, так как и задвинуть их значительно легче, чем, например, слона. Но

диалектика жизни такова, что слоны, даже "задвинутые", видны гораздо лучше "выдвинутых" мосек!

Довольный каламбуром, Лешка грохнул так дверью, словно приклеивал под сей пламенной речью жирный восклицательный знак, который по совместительству был также и последней точкой над "и".

Я дотронулся до плеча штурмана:

— К Владимиру Петровичу не передумал идти?

Гришка сунул побелевшие кулаки в карманы брюк, пружинисто выпрямился. Сейчас он походил на задиристого воробья.

— Идем! — коротко выдохнул он.

На улице зашагал быстро, успокаиваясь. Стук его ботинок по тротуару напоминает чем-то бой боксеров-тяжеловесов. Стук становился все реже и, наконец, совсем прекратился. Гришка, остановившись, посмотрел мне в глаза.

— Ну а тебе спектакль как? — спросил он, прищуривая левый глаз.

— Название неплохое, мне кажется, а так — пара пустяков, помноженная на ерунду.

— Названия у таких всегда благородные — дальше некуда. Под их завесой что только не вытворяют! — с непонятной горечью сказал Гришка, и бой невидимых боксеров возобновился с новой силой. Я едва поспевал за чуть ли не бегущим штурманом.

Дом, в котором жил капитан мушкетеров Владимир Петрович, находился, как выяснилось, недалеко — меньше одной троллейбусной остановки от школы. Мы подошли к двери на первом этаже, обитой желтым дерматином. Эта дверь была светлым пятном в полутемном подъезде. Ее открыл сам Владимир Петрович. Сейчас на нем не было морской фуражки и кожанки, но я сразу узнал в нем того великана с лесной поляны.

— Здравствуй, Григорий! Кто это с тобой? — улыбнулся капитан, и от этой открытой, подбадривающей улыбки мое невольное волнение испарилось без следа. — Проходите, ребята.

Комната поражала обилием книг. Они занимали два книжных шкафа и высокий, под самый потолок, деревянный стеллаж. Длинный зеленый диван с высокой спинкой и несколько глубоких кресел создавали уютный разорванный круг, в центре которого помещался стол.

— Это Женя из девятого "А", — объяснил Гришка. — Хочет вступить в отряд. Говорит, ушел от вагантов — надоело шататься с ними и заниматься пустяками.

— Любопытно! — Капитан мушкетеров кивнул нам на диван, а сам сел напротив в кресло. — Значит, Женя, наскучило тебе громить невинные скамейки, и ты решил их сколачивать?

— А что, вы разве сколачиваете скамейки? — поскуцнул я.

— Не только, — рассмеялся Владимир Петрович. — Дел много разных. Но, может, тебе у нас скоро надоеет, и ты снова вернешься к вагантам?

— Не-е-ет, — я слегка забеспокоился. — С вагантами я прочно завязал. Мне очень хочется в отряд: здесь и бокс, и фехтование, и стрельба. В общем, интересно!

— Ну, что ж. Смотри сам. Как, Григорий, ты думаешь? Примем новообращенного?

— Мне думается, надо дать Евгению некоторое время еще подумать, — сказал штурман. — Но пусть приходит в отряд как свой. Осмотрится, и мы заодно к нему присмотримся...

— Дельно! Так и решим, — согласился Владимир Петрович. — На это первое время назначаю тебя его

наставником. Ознакомишь с нашим уставом.

— Хорошо, — кивнул штурман, поднимаясь.

— Запиши, Женя, свой адрес. Я зайду вечером. Отрядные дела требуют много времени, частенько задерживаемся допоздна и нужно согласие родителей. — Владимир Петрович сунул листок с адресом в кармашек рубашки и протянул нам руку для пожатия. — Счастливо. Завтра приходи в красный уголок на занятие.

На улице весна продолжала делать свое дело.

Солнечные лучи впитывали в себя последние остатки луж, теплый ветер раскачивал ветви деревьев по краям тротуаров, словно торопя раскрываться запоздавшие почки.

— Глупости одни на уме, — подвел итог дядя Юра моему рассказу об отряде и о предстоящем визите Владимира Петровича. — И так на тройки тянешься, а с мушкетерами этими вовсе загуляешь.

Его белесые, словно выцветшие, глаза лучились такой непрестанной убежденностью, что я мигом понял — спорить бесполезно.

— Но я ведь уже обо всем договорился, — выложил я свой последний козырь. — Окажусь в диком положении из-за твоего нелепого отказа: в глаза Владимира Петровича даже взглянуть не осмелюсь.

— И не надо заглядывать, — безмятежно отвечивал дядя Юра. — Сиди здесь в спальне и не высовывайся, я с ним сам поговорю.

Не дав мне времени взбунтоваться против этого решения, в прихожей раздался звонок. Дядя Юра вышел из комнаты и, победно усмехаясь, прикрыл за собой дверь.

— Значит, его нет, — узнал я голос Владимира Петровича. — Что ж, наверное, это и к лучшему. Мне нужно с вами поговорить вот по какому поводу...

— Знаю, знаю! — прервал дядя, видимо предвкушая близкую развязку разговора. — О так называемом "отряде"? Как же, слышан. Так вот. Мамаша этого шалопа, моего племянника, далеко, и я несу полную ответственность за него перед нею. Учится он не ахти, а с вашими глупостями совсем разболтается и забросит уроки. Да и вообще. Вы что, по-всамделишному у себя там стреляете и на саблях деретесь? Это же, ко всему прочему, опасно!

— Не надо сгущать краски, — голос Владимира Петровича, в противоположность дядиному, звучал мягко, словно успокаивал напуганного ночной темнотой малыша. — Поединки на рапирах проводятся в масках и специальных куртках. Мушкетеры учатся стрелять, правда ваша, но заметьте, из пневматического оружия и исключительно только по мишеням. Кроме этого, мы обсуждаем прочитанные книги, их героев, изучаем историю нашей родины. А что у вашего племянника не очень хорошо со школьными предметами — это дело поправимое. В отряде пятьдесят семь мальчишек, около трети из них старшеклассники, и, значит, найдутся ребята, любящие и понимающие и химию, и математику, и литературу. Они, конечно, не откажутся помочь ему. Скоро лето. Наш отряд имеет семь яхт на реке. Будем ходить на них в походы вверх по течению. Разве такая жизнь не предел мечтаний каждого мальчишки?

— Что-то не уловлю. Вы кого из них хотите состряпать? — выпустил последний заряд язвительности дядя. — Спортсменов или мореходов?

— Да, боюсь, вы так ничего и не поняли, — помолчав, ответил капитан мушкетеров. — Ничего из них "состряпать" я не намереваюсь. Мне хочется одного — чтобы ребята почувствовали себя уже сейчас взрослыми, сильными, ответственными за все. Вот, например, мы говорим на занятиях о Спартаке, Оводе и Гарибальди. Но для того, чтобы ребята не просто восхищались героями прошлого, а могли бы повторить их

подвиги, надо, чтобы они уже в этом возрасте сознавали себя гражданами своей страны. А такое воспитание невозможно без внимательного, уважительного отношения к личности подростка.

Часто можно услышать примерно такие слова от взрослого, обращенные к мальчишке: "Чтобы стать человеком, тебе еще подрасти надо. А пока ты — ноль без палочки". Такие слова — хорошая дубинка, они подрывают у пацанов веру в себя, свои силы, а нередко вызывают даже озлобленность. Наш отряд помогает ребятам обрести уверенность, вырабатывает твердость характера, выдержку, непримиримость к трусости, лжи, подлости! Мальчишки могут увлекаться играми, порой несбыточными мечтами, ошибаться, иногда получать двойки и, может быть, плакать от обиды. Но в серьезных вопросах оставаться твердыми и принципиальными. Есть электрический провод в белой изоляции. Обычный с виду. Можно его гнуть, царапать, стружку снимать с изоляции. Но попробуйте перерезать! Не выйдет! Сердечник стальной. Так и с характером...

— А вот если кусачками... — начал дядя Юра и тут же осекся. — Н-да.

— Кусачками оно конечно!.. — весело рассмеялся Владимир Петрович. — Но не будем рассчитывать на худшее.

— Не будем! — подхохотнул дядя. — Благородные, гляжу, у вас цели. Дай-то Бог, как говорится. А в отряде каждый вечер надо заниматься?

— Необязательно. В неделю только два занятия и один общий сбор. Красный уголок открыт каждый день, но посещать его не обязательно. К тому же Женя принимается с испытательным, так сказать, сроком. Числиться в списках отряда он пока не будет и может, если не понравится, без всякого труда оставить его.

— Почему с испытательным? Пусть числится. Чем он хуже других?! — проявил странную непоследовательность в своих желаниях дядя Юра.

— Мы решили, что так ему будет лучше, — улыбнулся капитан мушкетеров. — Пусть сам разберется в себе.

Пока дядя прощался с гостем, я, не раздеваясь, лег поверх одеяла на кровать и притворился спящим. Через минуту почувствовал на плече тяжелую теплую ладонь. Открыл глаза, позевывая.

— Слушай, племяш. Я вот пораскинул мозгами и решил, что тебе полезно будет позаниматься у мушкетеров. Ты уж меня не подведи — не отставай там от других. Ребята, видать, боевые, настоящие.

— Ладно, — бормотнул я и перевернулся на другой бок.

Казалось бы, я должен был радоваться удачному исходу дела, но на душе почему-то было невесело.

Дядя вздохнул, обиженный моим равнодушием, и вышел из комнаты, тяжело ступая. Он всегда так ходил, когда сердился на непонятное.

3

На следующий день после уроков мы с Гришкой Бойко направились в красный уголок. День выдался солнечный, но прохладный, похожий скорее на осень, чем на весну. Изредка по улице проносились ветряные шквалы, пригибая верхушки еще не окрепших, посаженных в позапрошлом году, кленов. Те словно почтительно кланялись кому-то, известному только им одним.

Свернув с улицы, мы по узкой булыжной мостовой поднялись к пятиэтажному дому, окруженному такими же типовыми коробками.

На первом этаже помещался красный уголок. Уже из-за двери мы слышали холодный звон скрецающихся клинков и азартные восклицания зрителей.

— Входи! — улыбнулся Гришка, распахивая ударом ладони дощатую дверь.

Когда я перешагнул порог, мне почудилось, что я оказался на палубе корабля среди свирепых тяжело-синих волн: на всех стенах была изображена разбушевавшаяся морская стихия. Над бурлящей водой повис отважный альбатрос с широкими сильными крыльями. В дальнем углу продолговатой комнаты стоял настоящий штурвал с деревянными ручками, а рядом вишнево-красное знамя, воткнутое в специальную подставку.

В центре комнаты происходил жаркий поединок, за которым с неослабевающим интересом следили несколько мальчишек-болельщиков, устроившихся на длинной скамейке вдоль стены. У некоторых из них между колен была зажата рапира гардой вверх. По-видимому, они ожидали своей очереди сразиться. Никто не обратил на нас внимания, и мы также уселись на скамью.

— Сегодня Владимир Петрович и многие ребята не придут — уехали на реку. После зимы яхтам необходима кой-какая профилактика, — сообщил штурман.

"Отлично, — без всякого воодушевления подумал я. — Можно начать пропаганду вагантов не откладывая".

Поединок закончился. Место сражающихся заняла другая пара. Один из недавних противников снял железную маску и кожаные, похожие на мотоциклетные, перчатки и подошел к Гришке.

— Кто это с тобой? Новенький? — со сдержанным любопытством спрашивали его глаза.

— Познакомьтесь — Женя с Разноцветной улицы. Будет заниматься вместе с нами, — представил Гришка. — А это Павел.

— Любишь фехтование? — спросил подошедший, весь какой-то угловатый парень с двойной, как у зайца, нижней губой. Я сразу же окрестил его про себя Зайчиком.

— Еще не знаю, — ответил уклончиво. — Острые ощущения, наверно, дает. Но я могу предложить тебе тоже неплохую игру — чику. Вы как? — Я вынул из бокового кармана свинцовую битку. — Кидаем с трех метров. Ставка двадцать копеек. Идет?

Гришка и Зайчик молчали, и я ощутил какую-то неловкость.

— Наверно, ему деньги очень нужны, — высказал предположение Зайчик и зачем-то полез во внутренний карман своей кожанки. Его примеру последовал и штурман.

— Бери, не стесняйся, — две руки протянули мне смятую рублевую бумажку и кучу серебряных и медных монеток. — Когда сможешь, вернешь.

Я отшатнулся от этих дающих рук, как от пощечин. С досадой почувствовал, как жаркой кровью

налились уши.

"Зря не последовал моде и не отрастил длинные волосы, — подумалось с насмешливой злостью. — Не видно было бы сейчас пылающих ушей. Патлы скорее всего для этого и предназначены".

— Что вы! — почти выкрикнул я. — Просто я хотел предложить развлечься! Не нужно мне ваших денег. Благодетели какие нашлись!

Гришка и Павел удивленно воззрились на меня, не понимая этого словесного взрыва. Деньги все же убрали.

Инцидент был исчерпан, но мне удалось отделаться от чувства какой-то пришибленности и неловкости не сразу, только тогда, когда штурман на практике стал объяснять основные приемы владения клинком — выпады, переводы, батманы, захваты.

На скамейке у двери моего подъезда сидел Цапля, задрав ногу на ногу. Я хотел сделать вид, что не заметил его, и свернул в сторону от своего дома, но меня заставил обернуться короткий приглушенный свист. Напуганные воробьи засуетились на карнизах подоконников, не зная, срывать им с места или нет. Но, заключив, что этот свист не похож на мяуканье кошки, они заметно успокоились. Взъерошенные, каждую секунду готовые взлететь, они снова занялись своими нехитрыми делами.

Я неохотно подошел к скамье.

— Час почти жду, — недовольно сморщил веснушчатое лицо Цапля. — Идем. Колобок с Сергуном дожидаются в лесу на нашем месте.

— Ладно. Только портфель домой заброшу.

В лесу, за пустырем, на небольшой квадратной поляне под могучей мохнатой сосной возвышался кое-как сколоченный трон, сооруженный из разбитой давеча скамьи. На нем с чувством собственной значительности, выпятив нижнюю челюсть, восседал главарь вагантов Колобок. Рядом на пеньке пристроился Сергун.

— Наконец-то! Хэлло, Джонни! — расплылся Колобок в улыбке. — Как наш стратегический план? Ты должен был обыграть нескольких главных мушкетеров, чтобы они попали к тебе в зависимость. Как? Удалось?

— Нет, — я опустил глаза. — Ничего не вышло. Они не такие. Даже играть не стали.

— Вот-вот! Я же говорил — чистоплюи! — с праведным негодованием воскликнул Колобок, взбрыкнув своими короткими ножками. — А поднажать ты на них не пробовал?

— И не пытался. Бесполезно. К тому же, принят я в мушкетеры с испытательным сроком. В любой момент могут вышибить. И так, наверно, уже заподозрили.

— Худо, Джонни! Может, тебе уйти от них? Чего зря время терять?

— Я не теряю. Там ведь не скучные собрания, а настоящие спортивные занятия.

— Ага! Может, тебе с ними интереснее, чем с нами?! — язвительно спросил Цапля, впившись в меня своими бесцветными водянистыми глазами.

— Что вы! Нет! — испуганно солгал я, опять посетовав про себя, что у меня не длинные волосы. — Нельзя же бросать начатое! Правда, вряд ли что выгорит. Меня, наверно, уже расшифровали.

— Молодец! — вступился за меня Колобок. — Мы ведь из тех, кто не отступает. А насчет "расшифровали" не дрейфь. Сделаем вот что: завтра, когда ты будешь в красном уголке, прогуляемся под окнами, позлим отрядников. Они раскричатся, естественно, и ты тоже не скупись на колкости. Усек?

— Да, — я полуулыбнулся. — Уж я не поскуплюсь!

— Идея так себе, — вставил Сергун. — Но может сойти.

Он завидовал главной роли Колобка во всех начинаниях и в меру сил своих подрывал авторитет вождя вагантов — если было возможно сделать это, не слишком обращая на себя внимание.

— Все великое — просто! — отмахнулся Колобок.

— Но не все простое — великое! — съязвил Сергун и тут же осекся, поняв, что пересолил.

Круглое лицо вождя налилось злобой, став сразу похожим на подрумяненное кулинарное изделие, от которого он и получил свое аппетитное прозвище. Назревал скандал, а то и драка, но я утихомирил Колобка, переведя разговор на школьный спектакль. Ребята посмеялись над иезуитством Лешки-драматурга. Высоко оценили его приверженность чистому искусству показухи и разошлись по домам уже в сумерках.

4

Школьные уроки в последний месяц перед каникулами обычно тянутся невозможно медленно и нудно, но для меня они промелькнули незаметно: я думал о мушкетерах. Идти в красный уголок одновременно и хотелось, и не хотелось. Если не пойти, то подумают, что я трус, пойти — получится, что... да! Получится, что гнусный обманщик, а может... и подлец. Жаль, что Гришка и никто из мушкетеров не успели еще сделать мне ничего плохого. Было бы проще и легче. А может, они такие и есть, какими прикидываются — незадавалы, открытые и добрые?

Занятый своими мыслями, я не сразу заметил, что со мною рядом идет Лешка. День сегодня удивлял щедрой теплотой и солнечным изобилием. Прямой асфальтовый тротуар, по которому мы возвращались домой из школы, ярко переливался темным золотом.

— Глядя на эту дорогу, можно наивно поверить, что все пути в этом мире прямые и лишены ухабов, — я невесело усмехнулся. — Но это неправда. Остерегайся в своих сценариях прямых дорог.

— Глупости! — отозвался Лешка. — Будешь все время показывать на ухабы, тебя первого об этот ухаб головой треснут. Не будем вдаваться в подробности творчества. Я хочу с тобой поговорить о другом. Хоть ты и заделался мушкетером, все же мог бы, кажется, предупредить меня о готовящемся ударе первым. Товарищи как-никак, — обиженно насупился и замолчал он, изредка бросая на меня острый напряженный взгляд. Он напоминал фехтовальщика, который делает резкие короткие выпады, но тут же благоразумно отскакивает от противника, чтобы вовремя заметить его ответный маневр.

— О каком ударе? — искренне удивился я.

— Будто не знаешь! Может, твой закадычный друг Гришка не готовит на мою пьесу контрпредставление? Сатиру? Только попробуй отрицать!

Я так резко остановился, что чуть не упал:

— Врешь! Неужто правда? Вот здорово!

— Так ты не попытаешься помешать этому издевательству? — Глаза Лешки одновременно и униженно просили и угрожали.

— Даже пробовать не стану. И не потому, что это бесполезно. Я бы сам сочинил что-нибудь этакое, да способностей нет.

— Ага. Ловко! Но мы еще поглядим, кто останется в выигрыше, — Лешка повернулся и, не попрощавшись, перешел на другую сторону улицы. Крикнул оттуда: — Подлый двуликий Янус!

"Все-таки не удержался от мелодраматичности, — усмехнулся я. — Может, он такой странный и злобный из-за своего маленького роста? Где-то я читал об этом... Не стоит на него обижаться. Пойду точно узнаю насчет новой пьесы".

Уже подходя к красному уголку, я все-таки рассердился на Лешку. Ведь тот, сам того не подозревая, попал в самое ранимое мое место, обозвав двуликим.

В комнате были только Гришка и Павел. Сидя у открытого стенового шкафа прямо на полу, они наматывали на ручки рапир голубую изоляционную ленту. В специальных гнездах шкафа стояли, грозно отливая вороненой сталью, пневматические ружья и тяжелые эспадроны.

— Привет, Женюля! — улыбнулся Гришка, отсалютовав мне клинком. — Давай помогай. Некоторые рукоятки треснули. Завтра воскресенье, а значит — общий сбор и соревнования.

— Вношу предложение: целые рукоятки тоже обмотать, — вставил Зайчик, — все равно после завтрашнего побоища ни одной целой не останется.

— Может, и клинки обмотать, чтобы не царапались ненароком? — ехидно поинтересовался Гришка, сверкнув своими цыганскими глазами.

— А правда, что ты готовишь пародию на Лешкину пьесу? — задал я интересовавший меня вопрос.

— Угу. Готовлю. Владимир Петрович помог с сюжетом. Не спектакль будет, а бомба. Пригласим на представление и завуча школы Марию Львовну. На днях закончу свое произведение. Устроим здесь читку и распределение ролей. Захочешь — тоже роль получишь.

— Конечно, захочу. Еще бы! И Лешке хороший урок не помешает — не так халтурно станет относиться к своим работам.

— Будем надеяться, — с сомнением сказал Зайчик.

В открытые окна комнаты ворвался с улицы насмешливый крик:

— Эй, мушкетеры! Не надоело глупостями заниматься? В такой козырной день! Плюньте на свой дешевый отряд и дезертируйте к нам! Мы вас научим дым кольцами пускать!

Ребята подошли к окну и увидели под ним орущего Цаплю, который сразу замолчал и отступил зачем-то к Колобку и Сергуну, стоявшим невдалеке.

— Это, должно быть, твои бывшие друзья, ваганты? — спросил Гришка, внимательно взглянув на меня. — А чего они так нарядились?

Выглядели ваганты действительно странно: на груди Сергуна болталось ожерелье из порожних пивных бутылок, на груди Цапли — связка пустых консервных банок. Один Колобок проявил чувство меры. Соломенная шляпа с петушиным пером и гитара под мышкой делали его даже похожим на какого-то шотландского певца.

— Внемлите крику души, новому гениальному произведению свободных вагантов! — театрально воскликнул Колобок, ударив по струнам. Цапля и Сергун забренчали своими ожерельями, и три голоса проревели новый "шедевр":

Ох, надоело проповеди слушать!
И творожок, как малым деткам, кушать,
И старшим не хамить,
И младшим не грозить,
И чистенькими, чистенькими быть!
Осточертело ровно в семь вставать.
Чистить ботинки, в школу поспешать.
Таращиться на глобус, формулы зубрить.
Скорей бы юность в взрослость превратить.
Станешь сам себе тогда ты господином.
Зеленый свет тебе пред винным магазином.
Живи, как нравится, — хоть окончательным кретином.
Ты будешь равноправным гражданином!

— По-моему, вы и так уже кретины! — убежденно сказал Зайчик, когда ваганты закончили и поклонились, ожидая от слушателей аплодисментов.

Сергун, как автор, не стерпел и метнул в окно ком земли. Снаряд пролетел над отскочившими ребятами и разбился о стену, угодив в нарисованного альбатроса. Тот был выписан так живо, что я

невольно испугался, что он сейчас упадет в бушующую стихию. Но сильная птица продолжала парить над пенящимися валами, своим гордым видом выказывая презрение к любым опасностям.

Я кинулся к шкафу.

— Что ты надумал? — ухватил меня за локоть Гришка.

— Пальнуть по ним!

— Совсем сдурел! У нас получше средство найдется. Пашка, давай нашу бомбу.

Зайчик достал из шкафа небольшую картонную коробку и направился в угол комнаты, где стоял умывальник.

— Помогайте! — Он вынул из коробки ворох надувных разноцветных шариков и до отказа отвернул ручку крана.

Следуя примеру Зайчика, я натянул шарик на бьющий ледяной струей кран, зажав резиновое горлышко пальцами, чтобы вода не только наполняла, но и надувала его. Когда водобомба размером становилась с арбуз, Гришка завязывал ее ниткой. Через пару минут ребята, имея в арсенале около десяти таких "арбузов", вернулись к окну. Ваганты были на прежнем месте, громогласно насмеялись над позорной — как они решили — паникой противника. Полетели водобомбы. Взрываясь крупными брызгами под ногами, на груди, а то и на головах вагантов, они окатывали их холодной водой. Последняя бомба разорвалась впустую — враги поспешно бежали с поля боя, оставив победителям в качестве трофея связку консервных банок и мокрое петушиное перо. Остановились они только у соседнего дома, злобно погрозили нам кулаками и скрылись за поворотом.

Мушкетеры ликовали. Особенно я: просто не верилось, что мы с такой легкостью смогли обратить в бегство вагантов, которых я привык считать самыми сильными в районе. Но тут же веселый смех в моей груди замер. Я подумал, что Гришка и Зайчик посчитают эту радость наигранно-фальшивой, узнав через некоторое время истинную мою роль в отряде мушкетеров.

На скамейке у дома меня, как и вчера, поджидали. Только на этот раз сам Колобок.

— Отзанимался? — хмуро спросил он. — Ну и как? Поверили?

— Не знаю. Нет, наверно.

— Вот люди! Я даже сам поверил, что ты с нами порвал, получив прямое попадание твоего мокрого подарочка.

— Все! Больше не пойду в отряд, — я невольно вздохнул. — Все равно ясно, что их не свернешь, они сами кого хочешь...

— Да? — насторожился Колобок, взметнув вверх рыжие скобки бровей.

— Шучу. Мне поздно меняться, да и зачем я им нужен?

— Так-то! Ладно. Не расстраивайся. Мы знатно отомстим мушкетерам. Общий их сбор завтра?

— Да. В двенадцать.

— Красный уголок открывается в девять утра. — Колобок задумался. — Есть мысль! Приходи туда с самого утра. Там будет не больше двух-трех мушкетеров. Они всегда суетятся, бегают туда-сюда. Наверно, будет момент, когда в комнате ты останешься совсем один. В это время выбросишь в окно их знамя и фехтовальный инвентарь. Мы снизу все подхватим и уволокем. Если и подумают на тебя — доказательств-то нету! Ты же не смог бы стащить их рухлядь и припрятать, раз был все время в комнате. Кстати, на их шпаги у меня хороший покупатель найдется. Ну, как идея?

— Неплохая, но...

— Вот и чудесно! Пусть-ка они попробуют проводить сборы без знамени и соревнования без шпаг!

— Но может случиться, что в комнате я один не останусь.

— Не дрейфь! Момент подходящий найдется. Не завтра, так послезавтра! Ну, я пошел. Надо предупредить Цаплю, а то он любит дрыхнуть в выходной до полудня.

Я постоял, глядя вслед уходящему Колобку, потом вынул свинцовую битую и, швырнув ее в газон, скрылся в подъезде.

Когда я пришел домой, дядя Юра не исчез, как обычно, в спальне, а сел за кухонным столом напротив меня. Несколько минут молча наблюдал, как я равнодушно поглощаю жареную картошку с маринованными грибами.

— Что с тобой, племяш? — спросил искренне озабоченно. — Второй день мрачнее начальника, докладывающего о невыполнении месячного плана. — Решил, видно, расшевелить шуткой. — А может, невеста отказала?

— Нет у меня невесты. А когда будет — не откажет. Тебе, наверное, часто изменяли — вот ты и судишь всех по своей мерке.

Вместо того чтобы ретироваться, дядя продолжал сидеть напротив меня, только усталые руки его начали подрагивать узловатыми пальцами.

— Мне не изменяли, — неестественно спокойным и ровным голосом начал он. — И я не изменял. Дико для сегодняшнего поколения? Наверно. Она ушла на фронт и пропала без вести. Много лет ждал я ее — надеялся. Придумывал всякие невероятные истории, пока наконец не понял, что все куда проще — прямое попадание снаряда скорее всего. Потому и не обнаружил среди убитых и раненых. Так потом и не женился. Продолжаю и сейчас любить — не ее уже, а память о ней.

— Если верить попам, то вы встретитесь в другой жизни, — я смущенно повертел в руках вилку. — Ты не пробовал верить? Может, легче станет.

— Вряд ли узнал бы там ее. Лицо начал уже забывать. Помню, что доброе, улыбчивое и... Все. Ведь фотокарточки даже нет. А другой жизни мне не нужно. От этой-то отдохнуть, боюсь, целой вечности не хватит. А если б была вторая жизнь, лучше родиться птицей, а не человеком. Глухарем, например.

— Почему? — Я искренне удивился.

— Глухарь погибает обычно на току. Он поет свою любовную песню и ничего-то, глупый, не слышит и не видит вокруг. Тут охотник его бац — и в дамки. Счастливый... Умирает вместе с любовью. А у человека отними любовь, душу с кровью вырви — он все равно продолжает свою песню по инерции... — Дядя поднялся, тяжело опершись о стол. — Ну, я спать пойду, племяш. Разбирайся сам со своими заботами, раз скрытный такой.

Я долго еще сидел на кухне, размышляя о несправедливости жизни. Вот как у дяди Юры неудачно сложилось, и у меня тоже хуже некуда. Между двух огней оказался... Как кретин какой-то.

Утром проснулся почти с хорошим настроением. За ночь сформировалось решение: иду к мушкетерам я в последний раз. Ничего в окошко выбрасывать не буду, а Колобку скажу, что не было возможности и вообще меня выгнали из отряда.

По улице пробегали редкие машины. Земля нежилась в ласковости солнца, благодарно шевеля листьями на деревьях. Стояла почти тишина, только где-то на пустыре деловито погромыхивал экскаватор, расчищая площадку под фундамент будущего дома.

В красном уголке находился только Зайчик. На нем была сине-черная рубашка с эмблемой на рукаве в виде золотых скрещенных шпаг и черный берет с одной звездочкой.

— Это наша форма, — отвечая на мой взгляд, пояснил Павел. — Количество звезд говорит, сколько лет ты в отряде. На общий сбор все придут в форме. У нас есть запас для новеньких. Надевай. Только перед сбором снять придется — ты ведь еще не наш.

Я неуверенно протянул руку. Рубашка пришлась впору, а берет был чуточку великоват. Может быть, мне только казалось, но форма придавала телу какую-то уверенность, подтянутость.

— Здорово идет. Как на тебя шита, — удивился Павел, осмотрев меня. — Что-то Гришки долго нет. Сегодня он дежурный. Попросил меня присмотреть здесь, пока он на минутку сбегает к капитану, а сам пропадает уже вечность. Послушай, сходи к Владимиру Петровичу и посмотри там Гришку. Напомни тихонько об уговоре "на одну минутку". У меня ведь тоже дела, и не могу я здесь до самого сбора сидеть.

— Я был у Владимира Петровича только раз — боюсь, не найду его квартиры.

Зайчик вздохнул и выглянул в окно:

— Не видать даже! И это штурман, который должен показывать пример дисциплины. Ну, я хоть за горном сбегая — почистить надо перед сбором. Ты куда не отлучайся, пока не вернусь. Я скоро — живу в соседнем квартале.

И, не дав мне времени даже возразить, он скрылся за дверью.

"А вдруг сейчас появятся ваганты?!" — Я подошел к окну и сразу отпрянул: по тротуару приближались Колобок, Цапля, Сергун.

— Эй! — через минуту послышался громкий шепот Колобка, влезшего на карниз и заглядывающего в окно. — Джонни, ты здесь? — впрыгнул в комнату и увидел меня, прислонившегося к стене. — Ты чего? Давай, короче, пока отрядников нету.

За Колобком в окно влезли остальные ваганты.

— А гляди-ка! Шкаф-то у них даже не запирается! — радостно изумился Цапля.

И тут я повел себя довольно странно. Я схватил Цаплю за плечи и отшвырнул от распахнутых дверей шкафа:

— Не смейте здесь ничего трогать! Сматывайтесь!

— Я давно подозревал, что он продался мушкетерам! — яростно зашипел Сергун. — Мало мы его учили уму-разуму!

Я размахнулся для удара, но Колобок рванул меня сзади за рубашку и вlepил своим мясистым увесистым кулаком в лицо.

Я упал и тут же вскочил и кинулся на вождя вагантов. Сцепившись, мы покатались по полу.

Вдруг хватка Колобка ослабла, и он, оторвавшись, бросился к окну и выпрыгнул. Цапли и Сергуна уже не было. На пороге красного уголка стояли Владимир Петрович и Гришка. Они подошли. Я, смутившись, поправил на себе наполовину оторванный рукав рубашки.

— Мне Зайчик, то есть Павел, дал померить. Сейчас схожу за нитками и зашью.

— Не к спеху, — мягко улыбнулся Владимир Петрович. — Пока булавкой скрепим, а дома зашьешь. С этого момента — эта форма твоя. Ты принят.

— Но меня направили в отряд ваганты, я был их диверсантом!

— А мы догадывались! — весело вмешался Гришка. — Смотри-ка, какой фингал! — Он участливо взглянул на мой заплывший глаз и направился к шкафу. — Ничего. Сейчас знатную примочку организуем. Здорово болит?

Но я почему-то совсем не чувствовал боли. С души спала мучившая уже третий день непонятная тяжесть. Было невесомо-легко и радостно — я среди друзей...

А со стены словно приветствовал меня широким взмахом сильных крыльев борец со злой стихией — альбатрос.

Краткий словарь воровского сленга

Б

Базар — разговор

Баклан — хулиган

Бодяга — ерунда

Борзый — нахальный

Борода — неудача

Бродяга — свой парень, с понятиями

Булки — ягодыцы

Буркалы — глаза

Буром — нагло

Бык — глупый

В

Валет — никчемный человек

В елочку — правильно

Вестись — опасаться

Вертухай — конвоир в зоне

Включить счетчик — возрастающий процент на просроченный долг

Вкурил — понял

В натуре — на самом деле

Возбухать — нервничать

Воздух — деньги

Волына — пистолет

Вор в законе — коронованный в это звание на сходке авторитетными ворами

Выпас — выследил

Г

Гадом буду — честное слово

Голимое — наверняка

Головняк — неприятность

Гревак — передача в зоне

Губы раскатал — невыполнимое желание

Гуси улетели — потерял рассудок

Д

Дельфин — незаконно пострадавший

Децал — чуточку

Догнался — понял

Драп — марихуана

Дурь — марихуана

Дырявый — пассивный гомосексуалист

Дятел — внештатный сотрудник оперчасти

Ж

Жаба — зависть

Жлоб — скупой

З

Забить стрелку — назначить встречу

Загасить — спрятать

Закоцать — надеть наручники

Зарядить — дать информацию

Засветиться — попасть в поле зрения органов

Зелень — доллары

И

Иван — главарь

К

Капуста — деньги

Карась — состоятельный человек

Качок — атлет

Кент — друг

Киллер — убийца по найму

Кинул — обманул

Кнопарь — пружинный нож

Когти рвать — быстро уходить

Кодла — пренебрежительное название криминальной группы
Кожаный затылок — телохранитель, охранник
Козел — зек, продавшийся администрации
Козырь — оружие
Колотся — признаваться, принимать наркотики внутривенно
Космос — наркотики
Косорезить — грубо ошибаться
Косяк — забитая марихуаной папироса
Косяк носить — повязка общественника в зоне
Косяк пороть — нарушать воровской закон
Красный — активист в зоне
Кругосветка — анально-оральный секс
Король — активно-пассивный гомосексуалист
Крутой — солидный, опасный
Крученный — хитрый
Крытка — тюремный режим
Крыша дымится — психоз
Крякнул — умер
Ксива — документ
Кукла — муляж денежной пачки
Курок — тайник
Кусок — тысяча

Л

Лавэ — деньги
Лаж — ерунда
Лепить горбатого — врать
Лечить — задабривать
Лоб зеленкой намазать — приговорить к расстрелу
Лох — мужик, которого можно одурачить
Луна — обман
Лупара — обрез охотничьего ружья

М

Малява — записка

Масло — сообразительность

Мокруха — убийство

Мужик — зек-работяга, не принадлежащий к касте воров

Музыка — чай

Мутный — интриган

Н

Наглушняк — насмерть

Нарисоваться — появиться

Наружка — визуальная слежка

О

Обиженный — педераст

Облом — неудача

Обмороженный — наглец

Общак — касса воровского общества

Оборваться — уйти от погони

Окно — задний карман брюк

Опрокинул — ввел в заблуждение

Опущенный — насильно сделанный гомосексуалистом

Орех — пуля

Особняк — колония особого режима, рецидивист

Откинулся — освободился из мест заключения

Отмазать — прикрыть, защитить

Отпад — последняя точка

Отправить в Сочи — ликвидировать

Отстегнуть — дать денег

Оттянуться — расслабиться

Очко — задница

П

Палево — провал

Пасти — следить

Перо — нож

Петух — пассивный гомосексуалист

Пластилин — гашиш
Погоняло — кличка
Подбанчить — дать
Подогреть — помочь материально
Подснежник — оттаявший по весне труп
Покатит — согласен
Понт — смысл, блеф
Понтовитый — высокомерный
Понты колотить — пускать пыль в глаза
Порожняк — никчемный разговор
По ходу — наверно
Прикол — шутка
Приколиться — поговорить
Продернул — ушел
Понятия — воровские правила поведения и морали
Пурга — вранье
Пыхнуть — покурить анаши

P

Разборка — борьба между бандами за влияние
Разгон — налет
Разлагаться — кайфовать
Размерять — убить
Ржавый — подлый
Рыжье — золото

C

Семечки — патроны, пустяки
Семьянин — самый близкий кент в зоне
Сечет — смотрит
Сечет поляну — смотрит в корень
Синие — криминальная группа, состоящая из ранее судимых
Скок — ограбление
Смотрящий — назначенный авторитетами главным в зоне, бараке, камере
Сходка — воровская деловая встреча

Сявка — ничтожество

T

Таски — кайф

Темный — подозрительный

Терпила — потерпевший

Тигриный глаз — анальное отверстие

Травка — анаша

У

Унесенный ветром — сброшенный с балкона, из окна

Ф

Фатера — квартира, дом

Фигура — пистолет

Фраер — гражданский человек, потерпевший

Х

Халява — бесплатно

Ханка — опийный сырец

Хата — камера в тюрьме

Хипиш — скандал

Хозяин — начальник лагеря, тюрьмы

Храповик — нос

Хрюкнуть — серьезно поговорить

Ц

Центровые — бандгруппа, контролирующая центр Екатеринбурга

Центряк — качественный

Цынкнуть — дать знак

Ч

Чайка — никчемный человек

Чайник — череп

Чалиться — отбывать срок

Черная масть — зеки, признающие воровские законы

Ш

Шерстяной — зек, работающий на администрацию колонии

Шило — напасть, неприятности

Ширяться — колоться наркотиками

Шифер съехал — сошел с ума

Шмаль — анаша

Шмальнули — застрелили

Шмон — обыск

Шпалер — пистолет

Штабной — стукач

Шугаться — бояться

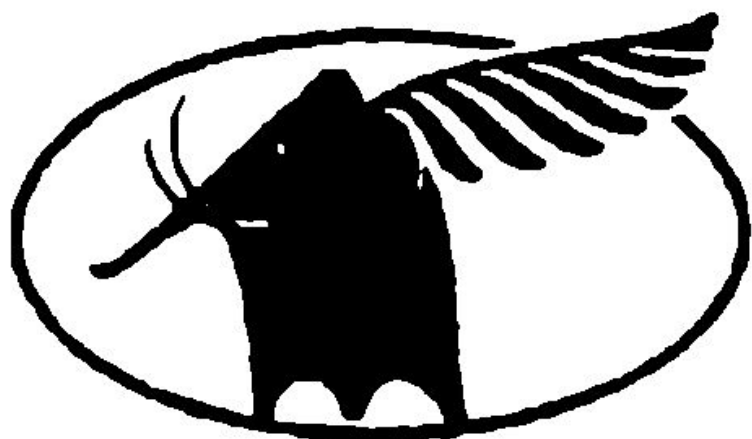
Шухер — опасность

Шнырь — уборщик, слуга

Я

Яма — воровской притон

"МАНГАЗЕЯ"

РУССКИЙ КРИМИНАЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"МАНГАЗЕЯ"

Евгений
МОНАХ

БРАТВА

СТРЕЛЬБА РИКОШЕТОМ

